

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции
1–2 февраля 2013 года
г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2013

УДК 811.1/2

ББК Ш 140/159

А 43

Под редакцией:
Доктора педагогических наук, профессора
Н.Н. Сергеевой

Научный редактор:
Кандидат педагогических наук, доцент
Е.Е. Горшкова

А 43

Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 1-2 февраля 2013 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 2013. – Ч.1. – 283 с.

Сборник включает тезисы докладов и сообщений, прочитанных в рамках конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованных кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВПО «Уральского государственного педагогического университета» 1-2 февраля 2013 года.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

ISBN 978-5-7186-0544-0

УДК 811.1/2
ББК Ш 140/159
А 43

© Институт иностранных языков, 2013
© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2013

Содержание

Сопоставительная лингвистика, фразеология переводоведение и исследования в области языковых систем	7
<i>Буренкова С.В.</i> Псевдопараллели в области лексики университетского обихода	7
<i>Гурова Ю.И.</i> Морфологическая система глагола в среднеанглийском языке.....	15
<i>Денисова С.Н.</i> Лексикографические аспекты концепта «gift» как составляющего лингвокультурную идею воздаяния в английском языке.....	19
<i>Ибрагимов Ульфет Закир оглу</i> Основные подходы к изучению общественно-политической лексики (на материале французских газет).....	25
<i>Иванова С. С.</i> К вопросу о переводе цитат в философском тексте (на материале текста Б. Скарги «Kwintet metafizyczny»).....	31
<i>Копров В.Ю., Скребова Е.Г.</i> О модели семантико-функционального синтаксиса немецкого языка	36
<i>Краснова М.Б.</i> Инфинитивные конструкции с первообразными предложениями со значением цели в русском и итальянском языках	45
<i>Ларцева Е.В.</i> Американизация британского варианта английского языка и ее осмысление в современной отечественной и зарубежной лингвистике.....	51
<i>Миронова Д.А.</i> К вопросу о концепции непереводимости.....	59
<i>Нифанова Т.С.</i> Обозначения сторон света в разноструктурных языках	64
<i>Осинов П.И.</i> Проблемы перевода литературного текста в межкультурной коммуникации	70
<i>Попова Л.Г.</i> Об универсальном и культурно-специфичном в словах (проблемы перевода)	76

<i>Разумкова Н.В.</i> Особенности концептуальной структуры 'цвет' в русской и итальянской лингвокультурах	81
<i>Садыхова Г.С.</i> Фразеологизмы с компонентом «Dieu-Бог» во французском и русском языках	87
<i>Скоробогатова Т.И.</i> Факты и персонажи мировой истории во французской фразеологии сексуально-эротической сферы	94
<i>Смолина Л.В.</i> Функциональная значимость эмоционально-оценочных фразеологических единиц во французском научно-популярном дискурсе	101
<i>Степанова О. В.</i> Особенности передачи хронотопа драмы при переводе (на материале произведений Т.Стоппарда).....	109
<i>Телегина Е.В.</i> Создание образности во фразеологизмах с числовым компонентом (на материале русского и английского языков).....	115
<i>Уланович О.И., Мороз М.В.</i> Концепты эмоций в англоязычной эмотивной фразеологии	120
<i>Федорова М.М.</i> Становление сопоставительной лингвистики как науки	125
<i>Федуленкова Т.Н.</i> Английские фразеологические единицы: коннотативный аспект	132
<i>Филипаци Ю.А.</i> Слог, слово, синтагма, фраза: системно-типологическая классификация итальянских диалектов с точки зрения ведущей фонологической единицы (обсуждение гипотезы) .	140
<i>Хемсакун Чанунпорн, Плотникова Г.Н.</i> Проблемы определения словообразовательного потенциала глагов, относящихся к одной лексико-семантической группе	144
<i>Чагин И.В.</i> Роль вопрошания в типологии научного перевода.....	153
<i>Чайкисова А.В.</i> Тенденции развития системы модальных глаголов в современном английском языке	159
<i>Шакин П.В.</i> Вызов (challenge): влияние лексического заимствования на русскую концептосферу	165

Дискурс-анализ и политическая лингвистика	172
<i>Власик Н.В.</i> Тональные маркеры гендерного стереотипа дискурса массовой коммуникации	172
<i>Гузикова В.В.</i> Использование игры слов и идиом в брендах	180
<i>Гусева Е.В.</i> Прикладные вопросы лингвистики и семиотики: к проблематике референции смысла в отечественной и зарубежной лингвистике.....	187
<i>Дмитриева О.А.</i> Модельная личность в ракурсе теории лингвокультурных типажей.	196
<i>Дрожжащих А.В.</i> Лингвистические аспекты кризисной экономической коммуникации (на материале корпоративных годовых отчетов)	203
<i>Дьяконова С.А.</i> Педагогический дискурс: урок иностранного языка как коммуникативное событие	210
<i>Кошкарлова Н.Н.</i> Афоризмы В.В. Путина и Д.А. Медведева как символы политического тандема	216
<i>Соловьева А. С.</i> Антропоморфная метафора в британских СМИ со сферой-мишенью Евросоюз	222
Теоретические и методологические проблемы терминологии и профессиональной коммуникации	228
<i>Бурдина О.Б.</i> Функционирование фармацевтических терминов в текстах аннотаций лекарственных средств	228
<i>Гаврилова Н.В.</i> К вопросу о неологизации: когда термин «marketing» заменяется термином «mercatique»	235
<i>Иванова С.А.</i> Специфика контекстуального определения в научно-учебном подстиле	241
<i>Кантышева Н.Г.</i> Отражение научного знания в нормативной терминологии	249
<i>Лукин О. В.</i> Философские обоснования и лингвистический смысл оппозиции «имя/ глагол»	254

<i>Алексеева Л.М., Мишиланова С.Л.</i> К истокам отечественного терминоведения	262
<i>Мякишева И.А.</i> Лингвистические категории в учебном дискурсе	273
<i>Постникова Е.А.</i> Контекстуальные идентификаторы художественного образа женщины-китаянки в романе Э. Тэн «The Joy Luck Club»	277

Сопоставительная лингвистика, фразеология
переводоведение и исследования в области языковых систем

УДК 81'33

Буренкова С.В.

Омск, Россия

**ПСЕВДОПАРАЛЛЕЛИ
В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ОБИХОДА**

Аннотация. Статья посвящена изучению структурно-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей лексики немецкого языка, связанной с переходом на двухуровневую систему высшего образования. Выявление псевдопараллелей рассматриваемой области будет способствовать успешному овладению немецким языком и профилактике речевых и переводческих ошибок.

Ключевые слова: номинации ступеней образования, типичные коллокации, перевод.

Сведения об авторе: Буренкова Светлана Витальевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации.

Место работы: Омский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 644099, г. Омск, ул. Интернациональная, 6, к. 103.

e-mail: burenkovaanna@mail.ru.

Burenkova S.V.

Omsk, Russia

**PSEUDO-PARALLELS IN THE
LEXICON OF UNIVERSITY**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the structural, semantic, communicative and pragmatic features of the German vocabulary, related to the transition to a two-tier higher education system. Identifying of pseudo-parallels in the lexicon of university will contribute to the successful mastering of German and preventing of speech and translation mistakes.

Keywords: nominations of education degrees, typical collocations, translation.

About the Author: Burenkova Svetlana Vitaljevna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of German Language and intercultural communication.

Place of employment: Omsk State Pedagogical University.

При принципиальной возможности перевода с одного языка на другой работу переводчика осложняют многочисленные межъязыковые несоответствия. Разного рода различия наиболее заметны в области грамматики, в то время как лексические расхождения, не менее важные, к тому же нередко являющиеся причиной недоразумений в

процессе межкультурной коммуникации, требуют более пристального внимания.

Целью предлагаемой статьи является уточнение культуремных параллелей из области университетской жизни. Переход на двухуровневое высшее образование обусловил появление новых номинаций, при переводе которых следует обращать внимание на свойственные данным единицам специфические коллокации, прагматические особенности, нетипичные для другого языка.

В 1999 г. Германия подписала Болонскую декларацию о создании единого общеевропейского образовательного пространства, вследствие чего немецкие вузы должны перестроиться до 2020 г. на двухуровневую систему бакалавр-магистр (*Bachelor-Master*). В качестве третьей ступени образования в рамках Болонского процесса рассматривается аспирантура (*Promotion*).

Между тем сегодня, в эпоху перемен, в германских вузах параллельно сосуществуют две структуры обучения: новая двухуровневая система бакалавр-магистр, а также традиционные учебные программы с получением диплома специалиста или степени магистра [<http://www.daad.ru/print.php?seite=1&m=1>]. Вследствие этого на немецком рынке труда еще долгие годы будут представлены выпускники вузов с разными дипломами: дипломированные специалисты (*Diplom*), специалисты (юристы, учителя, медики), закончившие обучение сдачей государственного экзамена (*Staatsexamen*), магистры (обладатели академической степени) (*Magister Artium*), бакалавры (*Bachelor*) и магистры (*Master*).

На сегодняшний день германские университеты презентуют 6929 магистерских программ (*Masterprogramme*) [<http://xstudy.eu>]. Большинство из предлагаемых программ предусматривает наличие диплома бакалавра (*Bachelorabschluss*), при этом отдельные магистерские программы основываются непосредственно на соответствующих программах бакалавриата и представляют собой последовательные образовательные программы (*konsekutive Masterprogramme; Konsekutivmaster*), ср.: *Sie bauen direkt auf ein Bachelorstudium auf. Nicht-konsekutive Programme, ... , sind dagegen selten* [Vey 2012].

Большой популярностью пользуются в настоящее время технические высшие учебные заведения, где время обучения короче, и учебная программа содержит больше практики, чем в университетах классического типа. При выборе магистерской программы возможно

сразу обозначить приоритеты, так, при автоматическом поиске в сети Интернет на соответствующем сайте [<http://www.mastersportal.eu>; <http://xstudy.eu>] достаточно отметить нужное: *Forschung* или *Lehre*. Освоение многих магистерских программ возможно параллельно с трудовой деятельностью, ср.: *Oft werden sie als Teilstudium angeboten, um sie **berufsbegleitend absolvieren** zu können* [<http://xstudy.eu>].

Как известно, низшей академической степенью признается степень бакалавра, однако если название первой ступени двухуровневой системы образования *бакалавр/Bachelor* является практически единым для языков стран-участниц Болонского соглашения, то номинация *magistr* имеет, в частности, в немецком языке два эквивалента **Magister** (сокращение от *Magister Artium*) и **Master**, сравните:

*Auch Deutschland stellt sein Studiensystem auf die international anerkannten Abschlüsse **Bachelor** und **Master** um. Damit werden **Diplom** und **Magister** abgelöst.*

*Mit dem **Bachelor** und dem **Master** werden die traditionellen Studienabschlüsse in Deutschland, das **Diplom** (für die naturwissenschaftlichen und technischen Fächer) und der **Magister** (in den sozial- und geisteswissenschaftlichen Fächern) abgeschafft. [<http://www.dw.de/bachelor-und-master-auf-dem-vormarsch/a-5848258>].*

*Für Deutschland bedeutet das vor allem: Adios **Diplom**, au revoir **Magister**, welcome **Bachelor** – eine komplette Umstellung von den traditionellen Abschlüssen zu gestuften Studiengängen. Angestammte akademische Titel wie den Ingenieur oder den **Magister** wird es dann nicht mehr geben [Deutscher Wortschatz-Portal].*

При переводе дипломов, характеристик и других официальных бумаг следует использовать соответствующий полученному образованию эквивалент. Различия в семантике лексем **Magister** и **Master** кодифицированы в словарях. Так, согласно данным словаря Дуден, степень **Magister** (форма женского рода **Magistra**) присваивается в области гуманитарных наук и приравнивается к диплому [www.duden.de]. В австрийском варианте немецкого языка лексема *Magister* используется для широкого спектра специальностей, в том числе естественнонаучных, медицинских: *Für geistes-, sozial- und naturwissenschaftliche Fächer verleihen Universitäten meistens den “Magister”, Frauen können aber auch zur “Magistra” werden* [Deutscher Wortschatz-Portal]. При этом используется иное, по сравнению с немецким языком, сокраще-

ние *Mag.*, ср.: *Magister Artium (Mag. art.)*, *Magister der Pharmazie (Mag. pharm.)*, *Magister der Tierheilkunde (Mag. med. vet.)* etc.

Следует заметить, что употребление данной лексической единицы детерминировано не только территориальными (österr.), но и временными (früher, veraltet), а также дискурсивными характеристиками (scherzhaft, abwertend), ср.: *Der **Magister** Peter Glotz gehörte zu meinen ersten akademischen Lehrern.*

*All die anderen Maestri, **Magister**, Politiker, Potentaten, Professoren und Adabeis aber reisen erst zur Mozartwoche an, die heuer zwei Wochen lang dauert und Freitagabend mit Doris Dörries Inszenierung von "La finta giardiniera" eröffnet wurde* [Deutscher Wortschatz-Portal].

Номинация французского происхождения **Master** заимствована в немецкий язык из английского (englisch master < mittlenglisch maistre < altfranzösisch maistre, †Maître), обладает в языке-реципиенте несколькими значениями и используется не только в сфере высшего образования, но и в области спорта, техники и пр. [www.duden.de]. Обращает на себя внимание тот факт, что Универсальный словарь Дуден 2006 г. издания определяет данное слово как академическую степень, присваиваемую прежде всего в Великобритании и США [DUW 2006]. Более современная версия словаря 2011 г. [DUW 2011] не содержит подобного примечания.

Заимствованная реалия *Master* постепенно ассимилируется в немецком языке. Слово *Master* входит, согласно данным веб-сайта редакции Дуден, в корпус 10 000 самых употребительных слов немецкого языка. Для сравнения: слово *Magister* относится к числу 100 000 самых употребительных слов, т.е. употребляется на порядок реже [www.duden.de].

Несмотря на возможность образования параллельной номинации женского рода, доминирует использование лексемы *Master* (в значении, имеющем отношение к сфере образования) пока лишь только в форме мужского рода. Для сравнения: слово *Magister* обладает, как указывалось, фемининной параллелью *Magistra*, в австрийской разговорной речи используется также форма *Magisterin*.

Продуктивность словосложения как способа образования новых слов в немецком языке находит подтверждение и в отношении данного, относительно нового для немецкой лингвокультуры, понятия, ср.: *Masterprogramm*, *-studium*, *-studiengang*, *-fernstudiengang*, *-konzept*, *-abschluss*, *-grad*, *-arbeit*, *-strategie*, *Master-Messe*, *Master-Uni*, *Konse-*

ktivmaster, Lehramtsmasterstudiengang, Bachelor-Masterstudiengang etc. Правописание подобных композитов еще не устоялось, о чем свидетельствует их различное написание, иногда кодифицированное словарями: *Masterstudiengang* и *Master-Studiengang*, *Masterthesis* и *Master-Thesis* и т.д.

Вообще следует заметить, что лексема *Master* преимущественно используется в составе словосочетаний, где она выступает в качестве семантически и грамматически главного члена, ср.: *Master of Science in Business Administration; Master of Science in Information Science; Masters in Entwicklung & Sozialpolitik und Planung in Deutschland; Der fünfsemestrige Master* etc. Чаще всего подобные словосочетания являются названиями образовательных программ.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что перечень вузовских образовательных программ, предусматривающих получение академической степени *Master*, отличается большим разнообразием, по сравнению с охарактеризованной ранее степенью *Magister*, сравните: *Master of Advanced Studies; Master of Business and Engineering; Master of Public Health; Master of Laws* etc. Названия и содержание курсов зачастую предлагаются на английском языке, нередко приводятся немецкие соответствия: *Public Health/ Pflegewissenschaft – (M.A.); Das Erasmus Mundus-Programm “European Master in Law and Economics” (EMLE) widmet sich der ökonomischen Analyse aller wichtigen Rechtsgebiete* [<http://www.mastersportal.eu>].

Mit dem Masterstudium in Accounting and Finance an der Fachhochschule Münster setzen Sie Ihre akademische Karriere fort und schaffen beste Voraussetzungen für einen erfolgreichen Berufseinstieg [<http://xstudy.eu>].

Использование английского языка отнюдь не случайно, тем более что информация о программах немецких университетов размещена в сети Интернет на сайте, ориентированном на жителей всех европейских, а также неевропейских государств. Кроме того, доминирование англицизмов отражает тенденцию к унификации образовательных программ, но также свидетельствует о новизне двухуровневой структуры образования для немецкой культуры и языка.

К типичным глагольным коллокациям существительного *Master* (генерированы компьютером, см.: [www.duden.de]) относятся следующие: *umstellen, einführen*, что обусловлено недавним внедрением данной ступени образования, ср.: *Die Mainzer Gutenberg-Universität hat*

Großes vor: Bis zum Wintersemester 2007/2008 will sie fast alle ihre 131 Studiengänge auf die europaweit einheitlichen Abschlüsse Master und Bachelor umstellen. Bis 2010 sollen zur Schaffung eines einheitlichen europäischen Hochschulraums ("Bologna-Prozess") die Abschlüsse Bachelor und Master eingeführt werden [Deutscher Wortschatz-Portal].

Несмотря на повсеместное распространение многозначного и удобного в употреблении глагола *machen*, в сфере магистерского образования используются и другие, более официальные предикаты *erwerben, absolvieren, abschließen* [www.duden.de]. *Sie absolvierte ein Psychologiestudium mit dem Ziel, den akademischen Grad des Master of Arts (2004) zu erwerben. Um ihren Master zu machen, ging sie an die Londoner Modeschule St. Martins, bevor sie 2002 zurück nach Berlin zog.*

Из именных коллокаций лексемы *Master* следует назвать атрибуты *neu, aufbauend*, ср.: *ein neues Masterprogramm; auf dem Bachelorstudium aufbauendes Masterstudium, im aufbauenden Master; ein weiteres, auf den Inhalten des Bachelorstudiums aufbauendes Masterstudium* [http://xstudy.eu].

Тематически связанными с данным понятием являются существительные *Bachelor, Bakkalaureat, Diplom, Doktorat*. Данный перечень можно продолжить, поскольку любая магистерская программа касается определенной области (*Fachbereich, Teilgebiet*), заканчивается получением искомой степени (*M.A. <Master of Arts>, M.Phil. <Master of Philosophy>, M.Eng. <Master of Engineering>* и пр.). Важное значение имеют: форма обучения (*Fernstudium, Teilzeit, eLearning, Vollzeit*), срок обучения (*Studienzeit, -dauer*), требования к соискателям (*Anforderungen, Voraussetzungen*) и другие параметры и факторы, номинации которых в совокупности образуют идеографическое поле. Последнее могло бы стать предметом отдельного исследования.

В рамках настоящей статьи обратим внимание на некоторые моменты, важные для практики преподавания языка и перевода. Так, безынтересным является тот факт, что логически и семантически взаимосвязанным лексемам *магистрант – магистр* (кандидат на получение ученой степени – ученая степень) соответствуют наименования *der Masterand/die Masterandin – der Master* (jemand, der sich auf den Masterabschluss vorbereitet – akademischer Grad; Inhaber des Grades Master), однако номинации *Masterand/Masterandin* употребляются достаточно редко [www.duden.de].

Тем не менее форма мужского рода *Masterand* была включена в список англицизмов года [http://www.anglizismusdesjahres.de/anglizismen-des-jahres/adj-2011].

Примечательно, что такой же низкой частотностью употребления отмечен композит *Masterarbeit* (*wissenschaftliche Arbeit als Abschluss des Masterstudiums; Masterthesis*) [www.duden.de], имеющий, казалось бы, самое непосредственное отношение к магистерскому образованию.

И в этой сфере немецкой жизни можно обнаружить примеры «ложных друзей переводчика», сравните: «*der Akademiker*» – выпускник вуза в Германии, в русском языке «академик» – это член Академии наук, «*der Aspirant*» – претендент на какую-л. должность, в России – человек, обучающийся в аспирантуре и работающий над кандидатской диссертацией, «*die Doktorwürde*» – ученая степень кандидата наук в России. Кстати сказать, само получение ученой степени отличается в России и в Германии. К примеру, по итогам защиты в Германии претендентам присваивают баллы, в России обязательны экзамены так называемого кандидатского минимума.

К «ложным друзьям переводчика» могут быть отнесены номинации *Magistratur* (*behördliche Würde, obrigkeitliches Amt; veraltet*), *Masterplan* (*übergeordneter, weitreichender Plan*), *Masterstudie* (*Auswertung mehrerer [fremder] Untersuchungen zu einem bestimmten Thema*) [www.duden.de]. Сравните эквиваленты: *магистратура, учебный план магистратуры* – *Masterprogramm, обучение в магистратуре* – *Masterstudium*. Не следует также путать лексемы *Master, Magister* и *Meister*, родственные по происхождению и схожие по звучанию.

Предпринятый анализ словарных единиц и примеров их речевого использования позволяет заключить, что сфера магистерского образования, равно как и лексические единицы, обозначающие её понятия и объекты, проходят путь своего становления. Рассмотренные в статье факты свидетельствуют о происходящих в данном тематическом пласте лексикопроцессах неологизации и постепенной адаптации новых реалий к системе немецкого языка с присущими ей парадигматическими и синтагматическими свойствами. Знакомство со структурно-семантическими и функциональными особенностями, типичными коллокациями изучаемой тематической группы будет способствовать успешному овладению немецким языком и профилактике речевых и переводческих ошибок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Anglizismus des jahres. [Electronic resource]. URL: <http://www.anglizismusdesjahres.de/anglizismen-des-jahres/adj-2011>
- Bachelor und Master auf dem Vormarsch. [Electronic resource] // Deutsche Welle. – URL: <http://www.dw.de/bachelor-und-master-auf-dem-vormarsch/a-5848258>
- Deutscher Wortschatz-Portal. [Electronic resource]. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de>.
- Duden [Electronic resource]. URL: www.duden.de.
- DUW 2006 – Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Electronic resource]. – Mannheim: Bibl. Institut & F.A. Brockhaus AG, 2006. – (CD-Version).
- DUW 2011 – Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Electronic resource]. – Mannheim: Bibl. Institut & F.A. Brockhaus AG, 2011. – (CD-Version).
- Study in Europe [Electronic resource]. – URL: <http://xstudy.eu>.
- Study Portals for Masters: the European Study Choice Platform [Electronic resource]. URL: <http://www.mastersportal.eu>
- Vey Ch. Die Master-Strategie // Abendzeitung. München. Wochenende 14/15. 7.2012.
- Реформа высшего образования в Германии – Болонский процесс [Электронный ресурс] // DAAD-Aussenstelle Moskau. – URL: <http://www.daad.ru/print.php?seite=1&m=1>.

Гурова Ю.И.

Санкт-Петербург, Россия

**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ГЛАГОЛА В
СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Статья посвящена диахроническому изучению глагольной лексики на примере комплексного анализа глагольных единиц, составляющих различные группы среднеанглийского глагола.

Ключевые слова: *диахроническое изучение, глагольные единицы, лингвистические показатели, сравнительно-исторический метод.*

Gurova Y.I.

Saint-Petersburg, Russia

**THE MORPHOLOGICAL SYSTEM
OF THE MIDDLE ENGLISH VERB**

Abstract. The article is devoted to the diachronic study of the morphological verbal system based on the example of the complex analysis of verbal units which compose the different groups of the Middle English verb.

Keywords: *diachronic study, verbal units, linguistic indicators, a comparative-historical method.*

Сведения об авторе: Гурова Юлия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Место работы: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Контактная информация: 192238, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15.
e-mail: gurovayulia@yandex.ru.

About the Author: Gurova Yulia Ivanovna, Candidate of Philology, Associated Professor of the Chair of the English Language.

Place of employment: Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences.

Английский язык среднеанглийского периода (далее СА) – это язык, на котором говорила и писала Великобритания между 1150 и 1550 гг. Эти сроки являются примерными датами, наиболее совпадающими с событиями истории, хотя, маловероятна возможность преемственности событий для эволюции языка. Однако, если сравнить набор характерных черт письменных памятников во время СА и ДА периодов, содержание постоянных разногласий просто налицо, вот некоторые из них: а) гласные получают стандартный вид, который очень похож на современный английский, но конечная -e все еще присутствует в окончании слов; б) полное изменение и упрощение флексий произошло за счет выравнивания фонетической системы гласных; в) как следствие, появляется тенденция (которая уже началась в ДА) обращаться за помощью к аналитическим конструкциям или к предлогам вместо падежей для образования грамматических конструкций; д)

именно в СА период наблюдается наибольшее количество заимствованных слов из французского (последствия норманнского завоевания) или скандинавских языков (по закону о колонизации (Danelaw)).

Что касается грамматического строя английского языка и в частности английского глагола, то именно в это время происходит сложение английского языка как аналитического. Происходит распад флексий у глаголов, и это приводит к тому, что все чаще используются аналитические формы для выражения сложных грамматических времен. Рассмотрим некоторые из них.

В системе среднеанглийского (далее СА), так же как и древнеанглийского (далее ДА) глагола выделяются следующие морфологические классы: сильные (*given, risen*), слабые (*seggen, libben*), претерито-презентные (*witan, downen, can, munen*), неправильные (*beon, gān*) и супплетивные глаголы. Система личных глагольных форм характеризуется следующими грамматическими категориями: категория лица (1, 2, 3 (в ед.ч.)), категория числа (ед.ч., мн.ч.), времени (настоящее, прошедшее, будущее), наклонения (изъявительное, повелительное, сослагательное), залога (действительный, страдательный) и вида (временной соотношенности).

Основа и личный показатель (окончание) стали сокращаться в использовании и редуцироваться. Происходило это по двум параметрам: сначала происходило ослабление неударных слогов, таким образом, окончания на гласные, просто отпали, на согласную – остались на месте, но уже без редуцированного гласного, затем начинлось аналогичное выравнивание всех форм через упрощение парадигмы.

В претерите сильных глаголах постепенно уходит чередование форм ед. и мн.ч. Окончания становятся одинаковыми, в первую очередь, у множественного числа настоящего времени (-en) в любом классе и в любом времени. Больше всего окончание -en держится в презенсе множественного числа, например [Chaucer 1863: 12].

*And smale fowles maken melodye...
That slepen al the night with open ye...*

Все формы глагола на данном этапе развития языка “полусинтетические”.

Для образования формы прошедшего времени к основе слабого глагола настоящего времени присоединялся особый дентальный суффикс.

Теперь давайте обратимся к вопросу как время и результат действия связаны в СА. В СА временные различия были высказаны временной аффиксацией глаголов в сотрудничестве с постепенно возрастающими аналитическими формами времени. Некоторые времена были обозначены морфологически, то есть существовали определенные парадигмы глаголов, но именно в СА период формы стали раздваиваться и расшатывать установленную морфологическую систему ДА глагола: *ic eom / beo = I am*, *ic wæs = I was*, *ic leornode / lernte = I learnt*. Временные формы глаголов охватывали широкий круг временных связей.

Временные аффиксы были только морфологической реализацией временной характеристики глагола и не имели никакого отношения к категории времени. Определенные характерные черты категории времени, а именно НС предложения, вспомогательные глаголы, модальные вспомогательные глаголы начали только проявляться и устанавливаться в английском языке в то время.

В ДА период существовали неличные формы глагола формы: инфинитив, причастие I, причастие II, герундий. В начале и середине СА инфинитив имеет следы склонения, но к концу СА периода флективные формы инфинитива практически исчезают. Инфинитив начинает не только называть действие, но и показывать его характер. В английском языке СА периода инфинитив все чаще начинает использоваться с частицей *to* и имеет только одно окончание *-en* (и.-е. суффикс) (*singen* - петь, *bergen* - носить), а в формах слабых глаголов в инфинитиве по аналогии с формами настоящего времени замещается корневой гласный (*habben-haven*).

Причастие I оформляется с помощью основы глагола настоящего времени + суффикса с чередованием *-i / e/ a* *-ing* (*singing* - поющий), из формы причастия I формируется отглагольное существительное (*on huntinge* – на охоте).

Причастие II оформляется с помощью суффикса *-en*, а для слабых глаголов *-d*. Форма причастия II имеет пассивное значение, например: *chosen* - выбранный. Причастия в СА не имели склонения.

Претерито-презентные глаголы сокращаются в количестве в СА период, например:

shullen – shal – sholde (shall)
mowen – may – mighte (may);
cunnan – can / con, cuthe (can);
witen – owen – oughte (ought).

Четыре супплетивных глагола также имели собственное спряжение, которое сильно отличалось от всех остальных классов глаголов, например:

ben, am, art, is, aren; was, were;
dōn, do, dide;
gon, go, wente;
willen, wille / woll, wolde

Категория времени у глагола СА периода включала в себя три формы: настоящее, прошедшее и будущее время. Синтетические формы использовались, но все больше унифицировались и редуцировались. Эти два времени имеют перечень формальных признаков, которыми обладает составная часть целого предложения.

Таким образом, в СА период глаголу были свойственны следующим морфологические категории:

- лицо (первое, второе, третье (в ед.ч.)); число (единственное, множественное);
- время (настоящее, прошедшее, будущее);
- наклонение (изъявительное, повелительное, сослагательное для выражения реального и нереального условия, в придаточном предложении времени и уступки);
- залог (действительный, страдательный)
- вид (временной соотнесенности).

В целом, в СА период сокращается количество сильных глаголов более того происходит редукция флективных форм. Слабые глаголы увеличиваются в количестве, также в данные класс в СА период добавляются скандинавские и французские заимствования. Претеритопрезентные глаголы претерпевают в основном фонетические изменения, большинство сохраняют инфинитивные формы, каждый глагол мог обозначать будущее время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гурова Ю.И. Многоаспектный анализ лексико-грамматического развития инфинитива с диахронной точки зрения // Отечественная и зарубежная литература в контексте изучения проблем языкознания: монография. - Краснодар: Премьер, 2012. - Книга 2. - С. 42-82.

Early English poems, Chaucer to Pope. - London: Sampson Low, Son and Co., 1863. - P. 12. (Prologue: L. 9-10).

Денисова С.Н.

Армавир, Россия

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА «GIFT»
КАК СОСТАВЛЯЮЩЕГО
ЛИНГВОКУЛЬТУРНУЮ ИДЕЮ
ВОЗДАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта «подарок» и его лексико-семантических составляющих в английской лингвокультуре.

Ключевые слова: *воздаяние, подарок, концепт, лексико-семантические значения, фреймывые составляющие.*

Сведения об авторе: Денисова Светлана Николаевна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Место работы: Северо-Кавказский институт бизнеса, инженерных и информационных технологий; Кубанский государственный университет (филиал в г. Армавире).

Контактная информация: 352905, г. Армавир, ул. Дзержинского, 62.
e-mail: svetlankajan@mail.ru.

Denisova S.N.

Armavir, Russia

**LEXICOGRAPHICAL ASPECTS
OF THE CONCEPT "GIFT" AS
COMPOSED OF THE LINGUISTIC
CULTURAL IDEA OF
RECOMPENSE IN ENGLISH**

Abstract. The article is devoted to the research of the concept "gift" and its lexico-semantic components in English linguistic anthropology.

Keywords: *recompense, gift, concept, lexico-semantic meanings, frame components.*

About the Author: Denisova Svetlana Nikolaevna, Senior Lecturer of the Chair of Socio-Humanitarian Disciplines.

Place of employment: North-Caucasian Institute of Business, Engineering and Information Technologies, Kuban State University.

На основе данных английских толковых словарей [APCCT, 2001; APCCA, 1999; ДССАА, 2000; LDEC, 1993; RTEWP, 1966; WNDS, 1978; MED, 2002; OPT, 2001; RTEWP, 1966; электронный вариант <http://thesaurus.com>; <http://www.askoxford.com>; <http://dictionary.com>] фрейм концепта «подарок» в английской лингвокультуре строится на основе словарных дефиниций лексических единиц «gift», «to present».

В результате анализа данных английских толковых словарей [APCCT, 2001; APCCA, 1999; ДССАА, 2000; LDEC, 1993; RTEWP, 1966; WNDS, 1978; MED, 2002; OPT, 2001; RTEWP, 1966; электронный вариант <http://thesaurus.com>; <http://www.askoxford.com>; <http://dictionary.com>], можно прийти к выводу, что лексема «gift» включает несколько лексико-семантических вариантов значения:

1) something given voluntarily, without payment in return (without compensation), as to show favor toward someone, honor in occasion, or make a gesture of assistance;

2) the act of giving;

3) something bestowed or acquired without any particular effort by the recipient or without being earned;

4) a special aptitude, ability, or power, talent;

5) something (often thing of value, but not necessarily a material thing) given freely to another for his benefit or pleasure;

6) the transfer of money or goods without the direct compensation that is involved in trade, although possibly involving a social expectation of reciprocity, or a return in the form of prestige or power;

7) property, money or asset that one transfers to another while receiving nothing in return;

8) the term gift can refer to anything that makes the other more happy and less sad.

Лексическая единица «to present» включает такие лексико-семантические варианты значения, как:

1) to give something as a gift;

2) to endow with.

На основе представленных словарных дефиниций «gift» и «to present» можно сделать вывод, что фрейм концепта «подарок» с позиции процесса дарения в английской лингвокультуре состоит из следующих компонентов:

1) «to give / to present», 2) «to endow with», 3) «voluntarily», 4) «without payment in return / receiving nothing in return», 5) «to show favor toward someone», 6) «ability, talent, aptitude», 7) «assistance», 8) «bestowed», 9) «without any particular effort», 10) «freely», 11) «goods», 12) «make more happy, less sad», 13) «social expectation of reciprocity», 14) «a return in the form of prestige or power», 15) «thing of value»; 16) «for benefit and pleasure».

Концепт «подарок» в английской лингвокультуре демонстрирует наличие таких фреймовых составляющих, как:

1) процесс дарения, выражаемый через понятия: «act of giving», «manual gift»;

2) характеристики процесса дарения, которые выражаются через понятия: «without payment in return/ receiving nothing in return», «freely»;

3) цель дарения, которую можно выразить через понятия: «to show favour toward someone», «to make more happy, less sad»;

4) субъект дарения, который выражается через понятия: «giver», «donor»;

5) бенефициант дарения, который можно выразить через понятия: «donee, recipient»;

6) предмет дарения, который выражается через понятия: «gift, present», «thing of value», «goods», «ability, aptitude, talent»;

7) причины дарения, выражаемые через понятия: «assistance», «holiday»;

8) обстоятельства дарения, которые выражаются с помощью понятий: «to celebrate», «holiday».

Английские единицы «birthday», «anniversary», «Christmas» конкретизируют признаки «обстоятельства дарения» и «причины дарения» английского концепта «подарок».

В результате анализа словарных дефиниций слова «gift» выявлено, что фрейм концепта «подарок» с позиции предмета дарения состоит из следующих компонентов:

1) gift, present; 2) donation; 3) donee, recipient; 4) giver, donor; 5) thing of value; 6) goods; 7) money; 8) property; 9) asset; 10) bounty; 11) cheap; 12) expensive; 13) assistance; 14) holiday; 15) celebrate; 16) exclusive; 17) ordinary, common; 18) to show favor toward someone; 19) make more happy, less sad; 20) social expectation of reciprocity; 21) a return in the form of prestige or power.

На основе представленных словарных дефиниций можно сделать вывод, что концепт «gift» английской лингвокультуры состоит из следующих компонентов:

1) лицо, получающее подарок, выражаемое через понятия: «donee, recipient»;

2) лицо, которое делает подарок, которое выражается через понятия: «giver, donor»;

3) выражение подарка, которое можно выразить через понятия: «thing of value», «goods», «money», «property», «asset»;

4) материальная (денежная) цена подарка, которую можно определить с помощью таких понятий, как: «bounty», «cheap», «expensive»;

5) повод для подарка, который можно выразить через понятия: «assistance», «holiday», «celebrate»;

6) необычность подарка, выражаемая через такие понятия, как: «exclusive», «ordinary, common»;

7) цель подарка, которую можно определить с помощью таких понятий, как: «to show favor toward someone», «make more happy, less sad», «social expectation of reciprocity», «a return in the form of prestige or power», «for no particular reason».

Согласно этимологическим данным лексема «gift» («geft»), возникла в 1104 году от староскандинавского «gyft → gipt» и употреблялась, в основном, в значении «dowry, выкуп за невесту», «payment for a wife, bride-price, marriage gift by the groom», то есть деньги (имущество), которые жених передает родственникам невесты для того, чтобы установить и упрочить свои права на нее; в то же время слово «gift» связано с готским «fragifts» (endowment, engagement, вклад, помолвка) [Online Etymology Dictionary <http://etymonline.com>; АБВУ Lingvo 10, 2004].

В соответствии с этимологическим словарем В.В. Скита значение «выкуп за невесту» рассматривается как один из вариантов. Современное слово «gift» восходит к староанглийскому существительному женского рода «jiefu» или «jife» (вариативно). Согласно этому словарю в староанглийском языке употреблялся глагол «jiefan» в значении «давать», от этого глагола путем прибавления суффикса абстрактных существительных -t образовалось слово «jift» или его вариант «jeft», от которого произошло современное существительное «gift».

Схематично эти изменения можно представить таким образом:
jiefan (v), jiefu (n) → + -t → jift / jeft → gefit → gift.

С 1300 года лексема «gift» стала употребляться также и в значении «natural talent, природный дар, талант» [Online Etymology Dictionary <http://etymonline.com>].

Как показывают результаты выборки, обязательный компонент «предмет дарения» объективируется в английской лингвокультуре в форме следующих лексических единиц: «gift, present, bounty, bestowal, largess, fairing, talent, genius, donation, benefaction, offering, grant, gratuity, tips, bonus, bribe».

Далее для выявления дополнительных смысловых признаков концепта «пода рок» в английской лингвокультуре представим анализ этого синонимического ряда в форме сопоставления лексико-семантических значений.

В дефинициях всех лексических единиц прослеживается признак «something presented / given to somebody as a gift», что позволяет предположить, что он является стержневым признаком данного синонимического ряда.

Из представленного синонимического ряда лексема «gift» имеет наиболее нейтральное и обобщенное значение, она может обозначать все предметы дарения независимо от обстоятельств и участников акта дарения, в то же время слово «gift» является ключевым, вербализующим исследуемый концепт в английской лингвокультуре.

В соответствии с З.Д. Поповой, И.А. Стернина о том, что «анализ синонимов ключевого слова, вербализующего исследуемый концепт, дает возможность выявить дифференциальные признаки данного концепта» [Попова, Стернин 2001: 54], целесообразно сгруппировать лексемы данного синонимического ряда, опираясь на выявленные ранее обобщенные значения ключевого слова «gift», следующим образом:

1. gift, present, bounty, largess, fairing – в значении «something given to some body in case of a special (festive) event» (что-то, данное кому-либо по случаю какого-то особенного (праздничного) события);

2. gift, talent, genius – в значении «a special natural aptitude, ability» (особая при родная способность, умение);

3. gift, gratuity, tips, bonus, grant, bribe, bestowal, bounty – в значении «material favour or gift (often money) given for a definite purpose usually in official, business area of activity» (материальная любезность или подарок (часто деньги), данные с определенной целью обычно в официальной, деловой сфере деятельности);

4. gift, donation, benefaction, offering – в значении «something contributed to some worthwhile cause» (что-то, пожертвованное на полезное (благое) дело).

Согласно рассмотренным ранее дефинициям ключевой лексемы «gift», вербализующей концепт «подарок» в английской лингвокультуре, помимо главного семантического признака «something presented / given to somebody as a gift», лексема имеет также такие признаки, как: «voluntarily»; «without payment in return»; «act of giving»; «social expectation of reciprocity»; «return in the form of prestige or power»; «ability, talent»; «right or power of giving»; «property, money, asset, goods»; «favor toward some one»; «make a gesture of assistance».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Англо-русский словарь синонимов. Тезаурус. - М.: Иностранный язык, 2001. – 412 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. – Oxford, 2002. – 1692 p. [MED, 2002].

Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / Harper D.– 2001. – URL: <http://etymonline.com/>

Oxford Paperback Thesaurus / ed. by Maurice Waite. – Oxford: University Press, 2001. – 968 p. [OPT, 2001].

Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / ed. by R.A. Dutch. – Harmondsworth: Penguin, 1966. – 712 p. [RTEWP, 1966].

Ибрагимов Ульфет Закир оглу

Баку, Азербайджан

**ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К
ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на
материале французских газет)**

Аннотация. Статья посвящена основным подходам изучения ОПЛ

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, терминология, фразеологизмы, афоризмы, реалии

Сведения об авторе: Ульфет Закир оглу Ибрагимов, Доктор философии по филологии, доцент кафедры перевода французского языка

Место работы: Азербайджанский университет языков.

Контактная информация: AZ 1014, Азербайджан, г.Баку, ул. Субхи Салаева 60, к. 2.

e-mail: uibrahimov@yahoo.com

Ibrahimov U.Z.

Baku, Azerbaijan

**MAIN APPROACHES TO
STUDYING OF SOCIAL-
POLITICAL LEXICON (on a material of French newspapers)**

Abstract. The article is devoted of main approaches to studying of political lexicon

Keywords: social-political lexicon, terminology, phraseological units, aphorisms, realities.

About the Author: Ibrahimov Ulfet Zakir, Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Chair of French Translation.

Place of employment: Azerbaijan University of Languages.

Общественно-политическая лексика отражает происходящие в социальной жизни человечества исторические события. Она включает в себя широкий круг слов, передающих в словах понятия о структуре государства и власти, об их особенностях, управлении государством, о положении отдельных групп людей в государстве и в общественной иерархии.

Изучение общественно-политической лексики; анализ процесса развития терминологии, относящейся к данному пласту лексики; создание новых и усовершенствование имеющихся общественно-политических терминов; внедрение их в официальную, т.е. общественно-политическую жизнь является в настоящее время одной из важнейших задач во французском языкознании. Богатая и разнообразная общественно-политическая лексика французского языка делает необходимым изучение и исследование данного динамичного процесса.

Когда происходит новое событие, явление или появляются до сих пор неизвестные особенности существующего явления, возникает

необходимость создания нового слова или усовершенствования уже имеющегося наименования, таким образом происходит обновление лексики. Потребность образования новых слов общественно-политического характера обуславливается интенсивными изменениями традиционного быта и духовной культуры народа.

За последнее годы наблюдаемые политические изменения, как во Франции, так и за ее пределами повлекли за собой серьезные изменения и в составе общественно-политической лексики французского языка: появилось большое количество новых слов, существующие слова активизировались или расширили свои значения, в определенных пределах появились и заимствования.

Общественно-политическая лексика и терминология формируется как результат практической деятельности человечества и развития закономерностей общественных отношений [Гак 1999:7]. Она формировалась и развивалась в течение веков. Общественно-политическая лексика отражает в словах социальную структуру общества, отношения между людьми разных социальных групп, партий, передает понятия о структуре государства и власти, управление государством, внешнюю и внутреннюю политику государства, международные отношения. Благоприятным материалом для разработки этой проблемы является общественно-политическая лексика.

Выбор для исследования данного пласта лексики обусловлен тем, что эта группа слов и словосочетаний во французском языке принадлежит к числу широкоупотребительных в различных сферах общественной жизни, активно обогащающихся и развивающихся на современном этапе развития общества. Практическим материалом для разработки данной проблемы служат основные ежедневные французские газеты. Именно публицистика является наиболее характерной сферой функционирования общественно-политической лексики. Кроме того, газетный язык характеризуется особой проницаемостью. Он чрезвычайно быстро фиксирует языковые инновации, что делает его неоценимым материалом при изучении новых языковых явлений.

В связи с этим значительную роль приобретает ее исследование на материалах современной периодики и новейших лексикографических источников. Эти источники дают возможность зафиксировать возникновение в языке новых слов и словосочетаний общественно-политического содержания, которые появились для называния новых реалий, наблюдать развитие семантики последних или превращение

обычных слов в единицы общественно-политического содержания, не только изучить лингвистические аспекты общественно-политической лексики, но и дать анализ данной лексики.

Причины столь стойкого интереса к данному лексическому пласту вызваны также воздействием экстралингвистических факторов, а именно – во все возрастающей роли политики в современном обществе, с другой стороны – в наличии специфических особенностей, которые отличают общественно-политическую лексику от любого другого лексического разряда и делают ее чрезвычайно интересным объектом исследования. Однако, несмотря на усилия языковедов, до сих пор не выработано единого мнения о составе общественно-политической лексики и ее границах.

Трудности определения границ общественно-политической лексики связаны со сложностью и многогранностью понятия «общественно-политический», а также с особенностями функционирования единиц этого разряда [Мурадова 1986:6]. Значительный интерес при изучении особенностей общественно-политической лексики представляет вопрос о терминологичности этого лексического пласта, иначе говоря, вопрос о том, выполняет ли единица общественно-политической лексики функции термина.

Данный вопрос может быть изучен с трех точек зрения:

-соотношение единицы общественно-политической лексики и термина (то есть является ли общественно-политическая лексика термином);

-соотношение общественно-политической лексики и терминологии общественных наук в составе общественно-политической лексики).

-соотношение периферийных групп общественно-политической лексики и соответствующих терминологий).

К тому же в общественно-политической лексике наблюдается разноречивость в терминах и понятиях, что, соответственно, требует их унификации, уточнения правильности и целесообразности их употребления.

Системное исследование общественно-политических названий, представляющих один из самых древних лексических пластов, имеет не только историко-лексикологическую, но и социокультурную значимость. В текстах общественно-политического характера социокультурный фактор находит проявление прежде всего во фразеологизмах,

афоризмах и реалиях.

Фразеологизмы обладают номинативным значением, т.е. непосредственной направленностью на предметы, явления, действия и качества действительности. Они составляет наиболее яркую и живую часть словарного состава любого языка. Подавляющая часть фразеологизмов французского языка принадлежат к различным функциональным стилям и обладают экспрессивной окраской. Установлено, что фразеологизмы выполняют не только номинативную и коммуникативную, но и экспрессивно-эмоциональную функцию. Французские фразеологизмы общественно-политического текста обычно переводятся по возможности сходными фразеологическими единствами с учетом их употребительности и естественности в русских текстах того же жанра. Например: *regime* режим. *Régime politique*- политический режим, *régime sec*- сухой закон, *régime du bon plaisir*- деспотизм.

Афоризмы, как и фразеологизмы, являются частью общественно-политической лексики. Это та часть лексики, на которую оказали наибольшее влияние культура и общество «Языковой афоризм — фраза, которая всем известна и поэтому в речи не творится заново, а извлекается из памяти» - такое определение дают Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров. К языковым афоризмам относятся:

1. *Пословицы* — краткие устные изречения, восходящие к фольклору.

2. *Поговорки*, в отличие от пословиц, которые содержат в обобщенном виде народную мудрость, используются для выражения эмоций и оживления речи, им присущ скорее конкретный и частный смысл.

3. *Крылатые слова* — краткие цитаты, вошедшие в речь из литературных источников, изречения исторических лиц: «Всерьёз и надолго», «Après nous le déluge».

4. *Призывы, девизы, лозунги*, которые выражают определенные философские, социальные и политические воззрения. Афоризмы представляют собой знаки определённых ситуаций. Отношения между вещами и свойства вещей. Всё многообразие, всю многопредметность афоризмов можно рассматривать как разные способы выражения ситуаций в зависимости от культуры, условий, специфики жизни того или иного народа. «*Liberté, Egalité, Fraternité*» - «Свобода, равенство и братство».

Реалии — это название присущих только определенным нациям

и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных фольклорных героев [Лотте 1961:47]. По определению Скворцова М.И., термином «реалии» обозначаются бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, следовательно, и на языках других стран. Безэквивалентными являются слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре и, как правило, не переводятся на другой язык одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, которому они принадлежат [Трофимов 2005: 19]. Безэквивалентная лексика сравнительно легко опознаётся при сопоставлении языков, ибо в ней нагляднее всего проявляется специфика расчленения действительности данным языком. Например: HLM - муниципальный дом с умеренной квартирной платой., Le Palais Bourbon – Бурбонский дворец, национальное собрание, La Bastille - тюрьма в Париже, была разрушена во время Великой Французской революции, Le Luxembourg - Люксембургский дворец, где заседает Сенат, L'Élysée - Елисейский дворец, где находится канцелярия президента французской республики, L'Hôtel Matignon- канцелярия, Матиньонский дворец.

Таким образом, можно сказать, что фразеологизмы, афоризмы и реалии французского языка могут передаваться пословно (*régime sec-sухой закон*), эквивалентами, подходящими по смыслу, но дающими иной образ (*Bouche de miel, Coeur de fiel.-Мягко стелит, да жестко спать*), описательным переводом (*Pour un point Martin perdit son âne. – из-за пустяка Мартен потерял осла.*), эквивалентным по смыслу, но имеющим другой лексический состав (*faire les frais – нести расходы*), а также свободным словосочетанием или одним словом (*régime du bon plaisir- деспотизм, Couper la parole – прервать*), метонимией (*l'Hexagone - Франция*) или сокращением (*L'Intérieur – Министерство внутренних дел*).

Подводя итоги, можно сказать, что общественно-политическая лексика является основным фоном экономической, политической и социальной сфер жизни. При использовании общественно-политической лексики важен учет и анализ страноведческих знаний. Ядро общественно-политической лексики и её периферия – явления сложные, и границы ее периферии достаточно условны. Общественно-политическая лексика является одной из областей максимальной концентрации национально - окрашенной лексики, демонстрирующей

особенности народа – носителя языка. В ней отражаются особенности государственного строя, социально-политические изменения и т.д. В результате проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Ядро общественно-политической лексики и её периферия — явления сложные, и границы периферии общественно-политической лексики достаточно условны. 2. Общественно-политическая лексика является одной из областей максимальной концентрации национально - окрашенной лексики, демонстрирующей особенности народа – носителя языка. В общественно-политической лексике отражаются особенности государственного строя, социально политическая структура общества, его история структура общества, его история.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. - М.: Интердиалект, 1999. – 138 с.

Лотте Д. С. Основы построения научно-технической и др. терминологии. Вопросы теории и методики. - М.: АН СССР, 1961. – 126 с.

Мурадова Л.А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного французского языка. - М.: Наука, 1986. – 16 с.

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. – М., 1961. – С. 49–51.

Трофимова С.В. Общественно-политический перевод и его специфика. – Оренбург: Оренбургский гос ун-т, 2005. – 84 с.

Иванова С. С.

Пермь, Россия

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ
ЦИТАТ В ФИЛОСОФСКОМ
ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕКСТА Б. СКАРГИ «KWINTET
METAfizyczny»)**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности перевода цитат, включенных в структуру философского текста.

Ключевые слова: цитата, философский текст, перевод.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Сергеевна, аспирант кафедры общего языкознания.

Место работы: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Контактная информация: 614002, г. Пермь, ул. Фонтанная, 14, к. 200.
e-mail: svetlana-ivanowa@yandex.ru.

Ivanova S. S.

Perm, Russia

**ON THE QUESTION OF THE
TRANSLATION OF CITATIONS
IN THE PHILOSOPHICAL TEXT
(ON THE EXAMPLE OF THE
TEXT BY B. SKARGA «KWINTET
METAfizyczny»)**

Abstract. The article deals with the question of the translation of citations.

Keywords: citation, philosophical text, translation.

About the Author: Ivanova Svetlana Sergeevna, post-graduate student of The General Linguistics Department.

Place of employment: Perm State Humanitarian-Pedagogical University.

В настоящей работе содержатся некоторые замечания по вопросу о стратегиях перевода цитат, включенных в структуру философского текста. Материалом анализа нам служит текст современного польского философа Барбары Скарги (польск. *Barbara Skarga*) (1919 – 2009) «Kwintet metafizyczny».

Сразу необходимо отметить, что в современной гуманитаристике проблемы, связанные с переводом философских текстов, рассматривались в работах [Автономова 2001; 2008; Зенкин 2001; 2009; Садовский 1999; Фолкович 2010; Янцен 2007 и др.].

Текст Б. Скарги «Kwintet metafizyczny» насыщен цитатами из трудов философов различных эпох, школ, направлений. Цитируются тексты И. Канта, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, О. Конта, А. Шопенгауэра, Ж. Бодрийяра, Л. Колаковского и др. Это, полагаем, обусловлено тем, что автор в своем тексте обращается к анализу философских проблем, относящихся к категории «вечных». В частности, внимание Б. Скарги обращено к вопросам о сущности таких метафизических цело-

стностей, как *czas* («время») и *zło* («зло»). Приступая к рассмотрению вопроса о сущности зла, Б. Скарга пишет: *Zło. Tyle już o nim napisano. Cała nasza literatura jest pełna rozważań na jego temat i to od biblijnych czasów. Pytano o to, czym jest, jak się przejawia, gdzie się rodzi, na czym polega nasze doświadczenie zła. Żadne z tych pytań nie przyniosło rozwiązania zagadki. Do dziś filozofia, choć nie mogła i nie może się pozbyć myśli o złu, dziwnie jest wobec niego bezsilna.* – «Зло. О нём уже столько написано. Наша литература насыщена размышлениями на тему зла. Спрашивают, что есть зло, как оно проявляется, каким образом возникает, на чём основывается наше постижение зла. Ни один из этих вопросов не нашёл своего решения. До сего дня философия, хотя не могла и не может избавиться от мысли о зле, удивительно бессильна против него» [Skarga 2005: 85]. Далее философ констатирует: *zdawałam sobie dobrze sprawę, że nie portafię powiedzieć nic nowego, że pozostaje mi błędzenie wśród różnych koncepcji* [Skarga 2005: 86].

Цитаты, инкорпорированные в текст Б. Скарги, различны по своему объёму. Это могут быть:

1. отдельные словосочетания / предложения. Ср.:

“*Czas jest równocześnie wszędzie ten sam*”, *czytamy w Fizyce.* [Skarga 2005: 33];

„*Samotność to nieobecność czasu*” *pisze jeszcze Lévinas* [Skarga 2005: 58];

Jednakże, nie jest to idea pusta, „ponieważ zaspokaja naszą naturalną potrzebę pomyślenia dla wszystkich naszych czynów i zaniechań razem wziętych jakiegoś ostatecznego celu, który może być usprawiedliwiony przez rozum” [Skarga 2005: 97] и многие другие;

2. крупные текстовые фрагменты, включающие сразу несколько (два и более) предложений. Ср.:

Jak to niegdyś trafnie pisał Artur Schopenhauer, podstawą wszelkiej chęci jest jednak odczuwanie potrzeby, brak czy ból, któremu człowiek podlega od początku i już na skutek swej istoty. Jeśli natomiast zabraknie mu przedmiotów, których mógłby chcieć, gdyż zbyt szybkie zaspokojenie natychmiast mu je zabiera, wówczas opada go straszliwa pustka i nuda, tj. jego istota i istnienie same stają się dla niego nieznośnym ciężarem [Skarga 2005: 78 – 79].

Цитаты, инкорпорированные в текст Б. Скарги, различны по характеру своего источника. Можно выделить следующие типы цитат в зависимости от их источника:

а. Цитата извлечена из текста философа, пишущего не на польском языке, но переведённого на польский язык. При этом указывается источник цитаты и имя автора, выполнившего перевод на польский язык. Приведём лишь некоторые примеры.

Czyż więc nie jest tak, że to właśnie zło dostrzega w tym zderzeniu Ty i Ja, w tym według słów Rousseau tworze „zarazem uspołecznionym i złośliwym”, pokarm dla siebie? Источник цитаты: J. J. Rousseau, Rozprawa o pochodzeniu i podstawach nierówności między ludźmi, w: Trzy rozprawy z filozofii społecznej, przeł. H. Elzenberg, Warszawa 1956, s. 185 [Skarga 2005: 117];

Jakby powiedział Hegel, „jedna strona jest tym, co pozytywne, druga tym, co negatywne; ale pierwsza jest pozytywnością w sobie samej, a druga negatywnością w sobie samej”. Источник цитаты: G. W. F. Hegel, Nauka logiki, przeł. A. Landman, Warszawa 1968, t. 2, s. 76. [Skarga 2005: 107 – 108];

A św. Augustyn powiedział, gdy go o czas pytano:

Jeśli mnie nikt o nim nie pyta, wiem. Jeśli pytającemu usiłuję wytłumaczyć, nie wiem. Источник цитаты: Św. Augustyn, Wyznania, przeł. Z. Kubiak, Kraków 2002, XI, 14. [Skarga 2005: 65];

Pytanie o źródło, jak wyjaśniał Heidegger, wymaga skoku w głąb, „nie ma nic wspólnego z przyjmowaniem jakiegoś aksjomatu, z którego dedukcyjnie wywodziłoby się ciąg twierdzeń...”, gdyż w odpowiedzi na to pytanie nie chodzi o uzasadnienie czegoś przez wywód, lecz o odślonięcie podstawy i ukazanie jej”. Источник цитаты: M. Heidegger, Bycie i czas, przeł. B. Baran, Warszawa 1994, s. 12 [Skarga 2005: 15].

б. Цитата взята из текста философа, пишущего не на польском языке; при этом в качестве источника цитаты Б. Скарга использует оригинальный текст, не переведённый на польский язык.

Samo zaś zło staje się, jak pisze Baudrillard, a zapewne Arendt by się z nim zgodziła, „ulizją moralną i metafizyczną manicheizmu”. Источник цитаты: J. Baudrillard, Le pacte de lucidite’ ou l’intelligence du Mal, Paris 2004, s. 135 [Skarga 2005: 103].

Как же следует переводить такого рода цитаты?

Прежде всего, представляется важным отметить, что, по нашему мнению, не следует переводить цитату непосредственно с польского языка на русский, потому что в этом случае возникнет перевод перевода, который, возможно, будет весьма далеко отстоять от оригинала. Какова тогда альтернатива?

Во-первых, можно обратиться к оригинальному тексту, обнаружить в нем цитируемый фрагмент, перевести последний на русский язык и включить в «Kwintet metafizyczny», который, в свою очередь, мы также переводим на русский язык. Однако этот путь влечет ряд затруднений. Для того чтобы пойти по этому пути, переводчик должен быть полиглотом, но это не всегда возможно. Кроме того, нельзя переводить один конкретный фрагмент из цитируемого текста, не затрагивая остального текста, поскольку вне контекста невозможно ни правильно понять тот или иной эпизод, ни произвести адекватный его перевод.

Во-вторых, можно воспользоваться уже существующими переводами на русский язык. Это обеспечит стилистическое отличие цитаты, включенной в текст Б. Скарги, от всего текста «Kwintet metafizyczny». Кроме того, цитата станет узнаваемой русскоязычным философским сообществом.

В. Отдельно рассмотрим случаи, когда цитата взята из текста русского автора, переведённого на польский язык. Один из таких случаев встречается на 111 странице текста Б. Скарги, где приводится фрагмент из работы Василия Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», переведенный на польский язык:

Czy rzeczywiście “za każdym razem, kiedy doświadczamy jakiegoś cierpienia, odkupieniu podlega część naszej winy, pozbywamy się czegoś zbrodniczego, i odczuwamy światło i radość, stajemy się bardziej wzniośli i czystszy”? [Skarga 2005: 111].

В тексте Б. Скарги цитируется также и другой текст, написанный на русском языке, а именно «Колымские рассказы» Варлама Шаламова. Ср.:

Jak pisał Szalamow

Nie mogłem, nie potrafiłem wycisnąć z mojego wysuszonego mózgu ani jednego zbędnego słowa. Nie mogłem zagłuszyć nienawiści. Nie spełniłem dobrze mojego zadania nie dlatego, że zbyt wielka przepaść dzieła Kołymę od wolności, nie dlatego, że mózg mi osłabł, a dlatego, że w tym miejscu, gdzie normalnie z mózgu znajdują się przymiotniki określające najwyższe wzruszenia, u mnie nie było nic prócz nienawiści [Skarga 2005: 149].

Это самые простые случаи, с которыми сталкивается переводчик текста Б. Скарги на русский язык. При переводе подобных случаев достаточно обратиться к оригинальному тексту на русском языке.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что вопрос о переводе философского текста вообще и о переводе цитат, встроенных в его структуру, в частности, не имеет однозначного решения, остаётся открытым и ждёт дальнейших переводческих поисков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с.
- Автономова Н. С. Приставка как философская категория // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 163-169.
- Зенкин С. Н. Наличие и отличие // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 158-163.
- Зенкин С. Н. Послесловие переводчика // Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – М.: Академический проект, 2009. – С. 254-260.
- Садовский В. Н. Если переводить плохо – лучше не переводить вообще // Вопросы философии. – 1999. – № 11. – С. 29-33.
- Фолкович С. Особенности перевода философских текстов // Язык философии: традиции и новации: материалы межвузовской конференции. – М., 2010. – С. 149-152.
- Янцен В. Заметки лексики переводов русской и немецкой философской литературы // Вопросы философии. – 2007. – № 11. – С. 154-162.
- Skarga B. Kwintet metafizyczny. – Kraków: UNIVERSITAS, 2005. – 204 s.

Копров В.Ю., Скребова Е.Г.

Воронеж, Россия

**О МОДЕЛИ СЕМАНТИКО-
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО
СИНТАКСИСА НЕМЕЦКОГО
ЯЗЫКА**

Koprov V.Y., Skrebova E.G.

Voronezh, Russia

**ON THE MODEL OF SEMANTIC-
FUNCTIONAL SYNTAX OF THE
GERMAN LANGUAGE**

Аннотация. Статья посвящена семантико-функциональному описанию синтаксиса немецкого языка. В рамках данного направления предложение рассматривается с двух сторон: системно-языковой и речевой. В статье также представлены семь аспектов организации и функционирования предложений.

Ключевые слова: семантико-функциональный синтаксис, предложение-высказывание, аспекты организации и функционирования предложений.

Abstract. The article deals with the semantic-functional description of German syntax. This approach envisages the analysis of the clauses in two directions: the systematic-language approach and the speech approach. The article presents seven aspects of the clause organization and functioning.

Keywords: semantic-functional syntax, clause-expression, aspects of the clause organization and functioning.

Сведения об авторах: Копров Виктор Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Скребова Екатерина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Российский государственный торгово-экономический университет (Воронежский филиал).

Контактная информация: 394077, г. Воронеж, бульвар Победы, 9, к. 266. e-mail: koprov@mail.ru.

394030, г. Воронеж, ул. Бакунина, 24, к. 261. e-mail: dolgorukajal@rambler.ru.

About the Authors: Koprov Victor Yurievich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian Language for Foreign students of basic departments.

Place of employment: Voronezh State University.

Skrebova Ekaterina Gennadijevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Russian State University of Trade and Economics (Voronezh Branch).

В центре внимания многих семантико-функциональных исследований по синтаксису находится информативно минимальное предложение, которое наиболее экономно выражает типовое значение в

единстве морфологических и семантических признаков, без дополнительных смысловых приращений [Золотова 2004: 197]. Результаты анализа такого предложения на первом этапе исследования дают необходимый материал, на основе которого в дальнейшем складывается представление о специфике всей синтаксической системы того или иного языка.

Под **информативно минимальным простым предложением** мы понимаем речевое произведение, в котором представлена только одна предметная ситуация и одна предикация. Такая трактовка базируется на признании того факта, что в экстралингвистической основе собственно простого предложения лежит отраженная сознанием предметная ситуация [Гак 1973: 358-359]. На довербальном этапе речетворческого процесса экстралингвистическая основа предложения-высказывания – предметная ситуация – предстает в сознании носителя языка в виде комплекса предметного и признакового образов (или связанных определенным отношением нескольких предметных образов), который в момент акта предикирования соотносится говорящим с конкретной ситуацией общения [Выготский 2008: 162-163].

В процессе языкового кодирования отраженной сознанием предметной ситуации предметный и признаковый образы раздельно передаются в предложении соответствующими актантными и признаковыми словоформами, например: *Das Telefon klingelt; Das Haus wird renoviert; Dazu ist nichts zu sagen; Er hat mir seinen neuen Computer gezeigt.¹*

К семантическим **актантам** информативно минимальных предложений относятся субъект, объект, адресат и локализатор. Под субъектом понимается актант, который в отражаемой предметной ситуации и соответствующей ей инвариантной семантической структуре предложения является реальным источником действия или носителем состояния: ***Die Sterne leuchten; Die Blumen sind verwelkt.*** Объект рассматривается в качестве второго актанта, представляющего участника предметной ситуации, который в составе инвариантной семантической структуры предложения связан с субъектом твердо установленным отношением – действием: *Sie sieht **ihren Verlobten; Die größeren Kinder beaufsichtigen die kleinen.*** Адресат – еще один объектный компонент в составе инвариантной семантической структуры предложения – появ-

¹ В приведенных синтаксических конструкциях подчеркиванием выделены признаковые компоненты.

ляется тогда, когда отношение связывает три актанта: *Rüdiger schenkt seiner Freundin einen Ring; Ich helfe ihr*. Локализатор трактуется как актант, который реализует временные и/или пространственные параметры субъекта: *Das Unglück ereignete sich gegen Mitternacht; Wir trafen uns an der Isar*.

В соответствии с критерием количества актантов информативно минимальные предложения делятся на следующие семантико-структурные типы:

1) одноактантные: *Der Regen; Es herbstellte; Die Sonne geht auf;*

2) дваактантные: *Sie pflückt Blumen; Eine Bombe hatte den Turm weggerissen; Dir schwankt das Land;*

3) трехактантные: *Der Lehrer hört die Schüler die Vokabeln ab; Sie fragt ihren Bruder das Gedicht ab;*

4) четырехактантные: *Die Kinder sind von Bonn durch das Ruhrgebiet nach Niedersachsen gefahren* [Копров 2010: 64-65].

В процессе реальной речевой деятельности говорящий/пишущий часто включает в высказывания разного рода модификаторы и распространители минимального состава. Такие информативно не минимальные синтаксические конструкции представляют собой простые распространённые предложения, предложения, осложнённые неличными оборотами и т.д., например:

1) *Die Kunden begannen den Laden zu meiden (M. Leitner); Meine alleinstehenden Freundinnen kann man unangemeldet besuchen (H. Schubert); So mußte auch diese Ehe ins venezianische Wasser fallen (H.-E. Wenzel);*

2) ***Einmal im Jahr** brachten ihm (dem König von Chelm) die Leute statt Steuern einen Topf Erdbeermarmelade (I.B. Singer); N. selbst geriet in Kriegsgefangenschaft **nach England** (E. Erb); Bloß ich bin nicht **zum Einkaufen** gekommen (M. Wolter);*

3) *Oft blieb er stehen, an eine Hausmauer gelehnt oder in eine dunkle Ecke gedrängt (P. Süskind); Aber ich gab die Hoffnung nicht auf, diese Erinnerung doch noch zu erreichen (S. Zweig); Ich sah eine Autobahnbrücke von über einem Kilometer Länge zusammenbrechen und in die See fallen <...> (L.J. Peter).*

В **простых распространённых** предложениях типа (1) фазисные и модальные глаголы служат модификаторами признакового компонента. В предложениях типа (2) вторичная (по мнению говорящего)

ситуация, представленная в свернутом виде атрибутивной или адвербиальной словоформой, определяет тот или иной актант основной ситуации (атрибутивный распространитель) или признаковый компонент и всю основную ситуацию в целом (обстоятельственный распространитель).

В **осложненных предложениях** типа (3) вторичная ситуация, представленная неличными оборотами, распространяет основную и формирует «полуторепредикативные» высказывания, в главной части которых предикация представлена в полном объеме, в неличном обороте – частично. [Бондарко 2011: 31-33].

Еще больше осложняет структуру высказывания включение в его состав двух признаковых компонентов, связанных одной предикацией: *Mein Freund ist mir überlegen; Er war seiner Frau sicher.*

По наблюдениям Е. А. Алексеевой, наряду с конституирующим эти предложения матричным (иначе – обязательным) сказуемым в их состав вводится второе (факультативное) сказуемое, ориентированное на тот же самый субъект и тот же самый предикативный компонент. Признак, передаваемый факультативным сказуемым, несет двойную нагрузку. С одной стороны, он интегрируется в понятийную структуру подлежащего, становясь выразителем его неотделимых свойств в рамках данного «положения дел», с другой стороны, он передает внешнюю характеристику предмета, которая накладывается на суждение, заключенное в комплексе предикцируемого предмета и совершаемого им действия [Алексеева 2011: 47-48]. Такие осложненные по семантике и структуре предложения находятся в переходной зоне между простыми и сложными.

Наконец, реализуя свою коммуникативную интенцию, говорящий в составе одного высказывания может реализовывать две (или более) соотнесенные между собой развернутые ситуации, каждая из которых выражает и собственную предикацию. Такие предложения традиционно относят к **сложным**: *Als ich am folgenden Morgen zur Schule ging, fand ich sie jedoch zusammengerollt auf dem Sofa (E. Hertzberger); Vor Einbrechern hatte er keine Angst, den Aktien und Geld befanden sich im Banktresor (I. Noll); Carl Brenten besah die Visitenkarten, die Paul Papke für ihn hatte drucken lassen (W. Bredel).*

В современном синтаксисе существуют различные типологии сложных предложений. Среди множества концепций, в пределах которых различаются два больших класса сложных предложений – слож-

носочиненные и сложноподчиненные, – наиболее обоснованной и последовательной нам представляется синтаксическая система В. В. Щеулина [Щеулин 1993: 109-110]. В данной работе мы опираемся на основные положения разработанной автором классификации сложных предложений.

Различия между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями заключаются в отношениях между двумя (или более) ситуациями, которые устанавливаются говорящим в процессе порождения сложного высказывания. Эти отношения могут быть представлены либо как равноправные, либо как неравноправные, с выделением одной из ситуаций в качестве основной, главной.

Сложносочиненное предложение трактуется как синтаксический комплекс, отличающийся равноправием и относительной автономностью его конструктивных частей – простых предложений, каждое из которых содержит развернутую предметную ситуацию и конституирующую структурное единство компонентов предикацию. Например: *Er war in Berlin und sie fuhr nach Hamburg; Vertrauen ist gut, aber Kontrolle ist besser; Entweder Sie bezahlen die Zeche oder wir rufen die Polizei.*

Сложноподчиненное предложение понимается нами как синтаксический комплекс, характеризующийся неравноправием и зависимостью его конструктивных частей – простых предложений, каждое из которых содержит развернутую предметную ситуацию и конституирующую структурное единство компонентов предикацию, например: *Es ist wahrscheinlich, dass die Arbeitszeit in Zukunft noch kürzer wird; Die Trinkwasserqualität hat große Bedeutung für den Menschen, denn Wasser ist lebensnotwendig; Der Zustand der Hypnose ist mit jenen menschlichen Mechanismen vergleichbar, mit denen sich Körper und Geist durch Ausgrenzung bestimmter Umstände vor drohenden Überforderungen schützen.*

Отметим, что данные дефиниции рассматриваются в качестве «рабочих», имеющих цель констатировать объект исследования, с одной стороны, и отразить свойства, признаки, образующие «доминирующее начало» синтаксической конструкции, которые обеспечивают ее качественно устойчивую определенность.

При исследовании такого многомерного диалектического единства, каким является предложение-высказывание, представляется целесообразным использовать **методику многоаспектного (поаспектного) анализа** семантико-структурного устройства и функциони-

рования предложения [Копров 2010: 160]. Среди основных аспектов анализа предложений разграничиваются:

1. **Целевой аспект.** Аспект целевой установки говорящего/пишущего обуславливается его интенцией (иначе – коммуникативным намерением) по отношению к адресату и отражает основные разновидности речевого общения, а именно повествование, запрос информации, побуждение.¹ Основными компонентами здесь оказываются порядок слов, состав членов предложения, частично также наклонение, интонация. Например: *Wo man zögerte, halfen die Musketiere nach* (G. Grass); *Und wenn man sich gefunden hat, ist der Schlüssel vielleicht verloren?* (M. Wander); *Hör auf mich, solange es noch Zeit ist!* (R. Dahl).

2. **Номинативный аспект.** Этот аспект занимает центральное положение среди остальных аспектов устройства синтаксических конструкций. В свете данного аспекта анализируются категориально-грамматические характеристики актантов, которые они получают при заполнении информативно обязательных позиций в построениях того или иного конструктивного типа. Параметры актантов варьируются в предложении в зависимости от интерпретации говорящим/пишущим репрезентируемой предметной ситуации по линии категорий определенности – неопределенности, личности – безличности, залога. Ср.: *Aus diesem leeren Gefühl blickte ich mir einzeln die Leute an, denen das künstliche Licht dieses Rauchraumes ein ungesundes Grau um die Augen schattete* (S. Zweig); *Jetzt wurde ihm klar, weshalb er so zäh und verbissen am Leben hing* (P. Süskind); *Es wurde viel gelacht, während Karl Anekdoten über die Torheiten seinen Kunden erzählte* (G. Wohmann).

3. **Релятивно-номинативный (осложняющий) аспект.** Это основной аспект анализа информативно не минимальных предложений.

Используя арсенал средств выражения субъективной модальности, фазисности, каузативности, говорящий/пишущий обозначает свое отношение к предметной ситуации в целом или к ее отдельным

¹ В некоторых работах целевой аспект называют коммуникативно-прагматическим, поскольку вычленение трех актов речи осуществляется с учетом отношений, складывающихся между адресантом и адресатом. При этом активная позиция говорящего/пишущего проявляется в непосредственной его ориентации на слушающего/читающего. Таким образом, в целевом аспекте находят свое выражение лингвистическая, интерактивная и когнитивная компетенции коммуникантов [von Polenz 1988: 45-48].

компонентам, эксплицирует воспринятые им отношения между главной, основной ситуацией и сопутствующими ей другими событиями (атрибутивные, временные, условные, целевые отношения и т.д.). Например: *Bloß ich bin nicht zum Einkaufen gekommen (M. Wolter); Oft blieb er stehen, an eine Hausmauer gelehnt oder in eine dunkle Ecke gedrängt (P. Süskind); Dazwischen unterbrach ich mich und lächelte froh, denn ich glaube Xavers Zieharmonika vernommen zu haben (J. Becher).*

4. **Предикативный аспект.** В пределах названного аспекта рассматриваются компоненты, выражающие зафиксированное говорящим отношение выражаемой предметной ситуации (или нескольких ситуаций) к ситуации общения.

Основу предикативного аспекта составляют следующие грамматические категории: персональность, аспектуальность, темпоральность, таксис, объективная модальность [Andersson 1972: 3-30; Nespital 1983: 357-384; Herweg 1990: 7-20].

5. **Актуализирующий аспект.** Актуализация предложения, т.е. включение его в ситуацию общения (контекст), «превращает» предложение как единицу системы языка в конкретное речевое произведение – высказывание.

Оформление актуального членения предложения-высказывания определяется характером его взаимодействия с грамматическим членением и использует, по наблюдениям И. П. Распопова, преимущественно те формальные средства языка, которые оказываются свободными от выражения грамматического членения [Распопов 2009: 17]. Такими компонентами являются порядок слов в информативно минимальном предложении и взаиморасположение частей – в сложном предложении. Например: *Als sie sich kennen lernten, mein Onkel und der Kellner, war ich dabei (W. Borchert); Er hat, wenn die Minerva-Leute den Lessing machen, mit der Fertigstellung noch mehr als ein Jahr zu tun (L. Feuchtwanger); David hielt den Mantel hinten ein wenig hoch, damit der Saum nicht das Pflaster streife (L. Frank).*

6. **Стилистический аспект.** При включении высказывания в речевой контекст учитываются и общие особенности коммуникации (устная – письменная речь, монологическая – диалогическая речь, разговорный – официально-деловой – научный стиль и т.д.). Таким образом, стилистическая специфика всего текста в известной степени обуславливает выбор говорящим той или иной синтаксической конструкции из имеющегося синонимического ряда. Ср.: *Edgar Wibeau*

hat die Lehre geschmissen und ist von zu Hause weg, weil er das schon lange vorhatte (U. Plenzdorf) – художественно-беллетристический стиль;

Je mehr die Testergebnisse das eigene Selbstwertgefühl schmälerten, um so geringer wurden die Eigenschaften anderer Personen bewertet (Psychologie heute 1986, № 9) – публицистический стиль;

Was die Bedeutung der Nachsilben betrifft, so sei darauf hingewiesen, daß die Eigenschaftswörter auf -ig eine ununterbrochene Dauer, die auf -lich dagegen eine wechselnde Wiederkehr bezeichnen (A. Bachmann) – научный стиль.

7. **Эмоционально-экспрессивный аспект.** В конкретных высказываниях могут присутствовать компоненты, передающие эмоции говорящего или сообщающие высказыванию особую экспрессивность. К таким компонентам чаще всего относят частицы и междометия, образные выражения, фразеологизмы, эллипсис, специальные восклицательные конструкции, интонацию и др. Ср.: *Als ich das Haus verließ und durch den Platz zur Straße ging, hatte ich in meiner Handtasche die Wohnungsschlüssel (K. Recheis); «Wenn ich zurück bin, werde ich mit neuen Kräften die beliebten Vokabeln lernen» (M. Wolter); «Die Sonne! Mensch, an der Sonne können Sie höchstens erkennen, wo Süden ist...» (R. Roda).*

Проведенное исследование показало, что в рамках избранного направления предложение рассматривается с двух сторон: системно-языковой, предполагающей характеристику компонентов синтаксического комплекса, особенностей их взаимодействия, структуры, и речевой, описывающей закономерности функционирования предложений в речи. С учетом сказанного объектом синтаксиса становится предложение-высказывание.

Отличительной характеристикой предложения-высказывания в разрабатываемой концепции является его многоаспектность. Анализ предложения-высказывания в семи аспектах его организации и функционирования позволяет, в частности, вскрыть сложную взаимосвязь семантических и структурных параметров, составляющих специфику предложения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Е.А. О предикативном потенциале прилагательного // Грамматика разноструктурных языков: сб. науч. ст. к юбилею проф.

- В.Ю. Копрова. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. – С. 42-50.
- Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 488 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: АСТ: Хранитель, 2008. – 668 с.
- Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 349–372.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.А., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 2004. – 542 с.
- Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.
- Распопов И.П. Актуальное членение предложения. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 168 с.
- Щеулин В.В. Сложноподчиненные предложения, их структурно-семантические и функциональные свойства в аспекте понятия синтаксического поля. – Липецк: ЛГПИ, 1993. – Ч. I. – 140 с.
- Andersson S.G. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem I. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1972. – 176 s.
- Herweg M. Zeitaspekte: die Bedeutung von Tempus, Aspekt und temporalen Konjunktionen. – Wiesbaden: Dt. Univ.-Verl., 1990. – 331 s.
- Nespital H. Verbbedeutung und Aspekt aus sprachvergleichender Sicht // Sprachwissenschaft. – 1983. – № 8. – S. 357–384.
- von Polenz P. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1988. – 388 s.

Краснова М.Б.

Новосибирск, Россия

**ИНФИНИТИВНЫЕ
КОНСТРУКЦИИ
С ПЕРВООБРАЗНЫМИ
ПРЕДЛОГАМИ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ЦЕЛИ В РУССКОМ И
ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Инфинитивные конструкции с первообразными предлогами могут передавать значение цели и в русском, и в итальянском языке. Однако в итальянском они распространены и являются языковой нормой, в русском представляют зарождающуюся тенденцию разговорной речи.

Ключевые слова: инфинитив, предлог, целевые конструкции.

Сведения об авторе: Краснова Марина Борисовна, аспирант.

Место работы: Институт филологии СО РАН.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
e-mail: marina.krasn@gmail.com.

Krasnova M.B.

Novosibirsk, Russia

**THE TARGET INFINITIVE
CONSTRUCTIONS WITH SIMPLE
PREPOSITIONS IN RUSSIAN
AND ITALIAN**

Abstract. Infinitive constructions with prepositions can transmit target signification in Russian as well as in Italian. However in Italian this constructions are common and language norm, but in Russian they are representing one incipient tendency of speech

Keywords: infinitive, preposition, target constructions.

About the Author: Krasnova Marina Borisovna, postgraduate student.

Place of employment: Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

В данной статье мы рассмотрим возможность инфинитивных конструкций передавать целевые отношения, причём нас будут интересовать только те случаи, где в качестве скрепы, то есть элемента плана выражения, выполняющего связующую функцию [Колосова, Черемисина 1987], используются первообразные предлоги.

В итальянском языке широко распространены инфинитивные конструкции с первообразными предлогами. Они передают все типы отношений: модус-диктумые, диктум-диктумные, релятивные. За конкретным предлогом, выступающим в качестве скрепы, могут быть закреплены несколько смысловых конструкций. В то же время один и тот же тип отношений оформляют разные предлоги. Так, целевые отношения могут передаваться конструкциями с предлогами *a, di, per*. В русском языке возможность использования целевой конструкции

le	uova	di	baco	oltre
ART DETfPl	яйцо=fPl	PREP	червь=mSg	кроме
il	Mediterraneo	in	Siria e	in PERS
ART DETmSg	PERS	PREP	PERS CONG	PREP Egitto

‘Чтобы предупредить вред от эпидемий, которые всё чаще огорчали европейских разводчиков шёлка, Эрве Жонкур отправился купить яйца червей, кроме Средиземноморья, в Сирию и Египет.’

Таким образом в примере (3) предлог *a* в целевой конструкции *ad acquistare...* продиктован глаголом финитной части полипредикативной конструкции *spingersi*, а предлог *per* вводит инфинитивную конструкцию, определяющую обстоятельства цели при которых происходит то, что сообщается в предложении.

Собственно целевые моносубъектные конструкции формируются при помощи предлогов *a* и *per*. Стоит отметить, что морфологические свойства инфинитива в итальянском языке позволяют обозначить субъект и объект действия, как показано в следующих примерах:

(4) *Herve' Joncuor [la (danza) ballo' fino a tarda notte, poi si alzo',] disse qualcosa in francese per scusarsi...* [Baricco 2007: 54]

Herve' Joncuor	diss=e	qualcosa	in
PERS	сказать= PassRem3Sg	что-то	PREP
frances=e	per	scusa=r(e)=si	
французский=mSg	PREP	извиниться=INF=3Sg	

‘Эрве Жонкур [танцевал его (танец) до поздней ночи, потом встал,] сказал что-то по-французски, чтобы извиниться...’

(5) *Ad accompagnarla, in silenzio, su per il viale del cimitero, venne tutta Lavilledieu...* [Baricco 2007:96]

ad	accompagna=r(e)=la	in	silenzi=o	su
PREP	проводить=INF=PRONAccfSg	PREP	молчание=mSg	вверх
per	il	viale=e	del (di+il)	
PREP	ART DETmSg	дорога=mSg	PREP+ARTDETmSg	
cimiter=o	venn=e	tutt=a	Lavilledieu	
кладбище=mSg	прийти=PassRem3Sg	весь=fSg	PERS	

‘Чтобы проводить её, в молчании, вверх по дороге на кладбище вышло всё Лавидью.’

В примере (4) морфологический маркер лица субъекта действия, изменяемая частица *si*, принадлежит структуре инфинитива, в то время как в примере (5) инфинитив интегрирует в свою структуру прямое

дополнение, выраженное местоимением *la* единственного числа женского рода. Эти свойства формы являются специфическими по сравнению с русским инфинитивом, который такими возможностями не обладает.

Помимо собственно целевых, предлог *per* передаёт также несобственно целевые отношения, как например, достаточного основания:

(6) ...*sei abbastanza grande per capire*. [Trifone, Palermo 2000: 162]

sei	abbastanza	grand=e	per
быть=Pres2sg	достаточно	большой=mSg	PREP
capì=re			
понять=INF			

‘...ты достаточно большой, чтобы понимать.’

Синонимичным ему является предлог *di*, в данном случае передающий несобственно целевые отношения с соединительным значением между главной и зависимой частями:

(7) *Aspett' di non sentirne neppure piu' il rumore*. [Baricco 2007:78]

aspett=o'	di	non	senti=r(e)=ne
ждать=PassRem3Sg	PREP	не	слышать=INF=PRON
neppure piu'	il	rumor=e	
PART	больше ARTDETmSg	звук=mSg	

‘Он подождал, чтобы не слышать даже шороха (звука).’

Инфинитивные конструкции с первообразными предлогами для итальянского являются языковой нормой, поэтому они могут иметь зависимые конструкции, выстраивая несколько уровней подчинения, как в следующем примере:

(7) *Agli inizi di settembre i bachicultori di Lavilledieu si riunirono per stabilire cosa fare*. [Baricco 2007: 48]

agli (a+gli)	iniz=i	di	settembr=e	
PREP+ART DETmPl	начало=mPl	PREP	сентябрь=mSg	
i	bachicultor=i	di	Lavilledieu	si
ART DETmPl	шелковод=mPl	PREP	PERS	3Sg
riunir=ono	per	stabilir=re		cosa
собираться= PassRem3Pl	PREP	установить=INF		что
fa=re				
делать=INF				

‘В начале сентября шелководы Лавидью собрались, чтобы установить, что делать.’

Важно отметить, что в зависимой конструкции в качестве скрепы может использоваться подчинительный союз, что продемонстрировано в примере (7). Следовательно, система скреп итальянского языка не предусматривает иерархичность в зависимости от принадлежности к лексико-грамматическому разряду. У всех скреп одинаковый языковой статус, и различаются они типом отношений, которые способны оформлять.

В русском языке использование скреп-предлогов зарождающаяся тенденция разговорного языка. Она находит отражение и в различных письменных эквивалентах бытовой коммуникации (общение на Интернет-форумах), а также в художественной литературе, где чаще всего используется для создания достоверного речевого портрета героев.

Целевые конструкции в русском языке возможны с предлогами *для*, *за* и *на*. Большинство таких конструкций моносубъектны. (8) *Тогда уж посади туда еще и пару крокодилов для повеселиться!* [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)]; (9) *Ведь получается так, что он этим бандитам «за покушать» помогал беззащитных людей выселять из их квартир?* [Андрей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]; (10) *На самом деле я выкраивала время на «сообразить»: что могло понадобиться этой малознакомой женщине в моем доме?* [Галина Щербакова. Косточка авокадо (1994)].

Кроме того, предлоги *для* и *на* могут выступать и в разносубъектных полипредикативных конструкциях: (11) *С другой стороны – такая машина покупалась для «оторваться и прохватить», естественным следствием чего очень часто становились кузовные ремонты* [Андрей Тимофеев. Ford Mustang (1994-1998) \$10 000 (2002) // «Автопилот», 2002.07.15]; (12) *Pure TIFFANY. Мне прислали «на попробовать», очень понравились. Заказала мужу на ближайший праздник* [Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум) (2004)]

Использование инфинитивных конструкций с первообразными предлогами в русском языке не признаётся нормативным. Так как причина их появления – экономия речевых усилий, то вероятность их дальнейшего распространения высока. В данный момент мы приходим

к выводу, что и русский, и итальянский языки имеют инфинитивные конструкции с первообразными предлогами со значением цели, которые, однако, реализуются с разной степенью регулярности и имеют противоположные статусы. Норма литературного итальянского языка в русском является тенденцией разговорной речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Колосова Т.А., Черемисина М.И. О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). - Новосибирск, 1987. - С. 104-115.

Кошкарёва Н.Б. Синтаксис современного русского языка. Ч.1: Простое предложение: материалы к лекциям. - Новосибирск, 2010. - 264 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ART – определённый артикль; **ART INDET** – определённый артикль; **Acc** – винительный падеж; **CONJ** - союз; **Dat** – дательный падеж; **INF** – инфинитив; **Imperf** – имперфект; **PREP** – предлог; **PRON** – местоимение; **IMPF** – имперфект; **PassRem** – нарративный перфект; **Part-Pass** – причастие прошедшего времени; **Pres** – настоящее время; **m** – мужской род; **f** – женский род; **Sg** – единственное число; **Pl** – множественное число; **1,2,3** -лицо.

Ларцева Е.В.

Екатеринбург, Россия
**АМЕРИКАНИЗАЦИЯ
БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЕЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ В
СОВРЕМЕННОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И
ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ**

Аннотация. В статье рассматривается процесс американизации британского варианта английского языка и исследуются различные подходы к его осмыслению в современной отечественной и зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: американский вариант английского языка, британский вариант английского языка, американизмы, американизация, глобальный язык.

Сведения об авторе: Ларцева Екатерина Владимировна, ассистент кафедры германской филологии, аспирант кафедры германской филологии.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина.

Контактная информация: 620100, г. Екатеринбург, ул. Большакова, 15А, кв. 16.

e-mail: ekalarceva@yandex.ru.

Lartseva E.V.

Ekaterinburg, Russia
**AMERICANIZATION OF BRITISH
ENGLISH AND ITS
COMPREHENSION IN MODERN
RUSSIAN AND FOREIGN
LINGUISTICS**

Abstract. The article analyses the process of Americanization of British English and explores different approaches to its comprehension in modern Russian and foreign linguistics.

Keywords: American English, British English, Americanisms, Americanization, global language.

About the Author: Lartseva Ekaterina Vladimirovna, assistant lecturer of Germanic Philology Department, postgraduate student of Germanic Philology Department.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

В 1999 году в одной из своих статей известный журналист и писатель Паскаль Захари писал: «Мы все теперь американцы, хочется нам этого или нет» [Zachary 1999]. Описанный в данной статье процесс американизации – усиленного влияния американского образа жизни, идеологии, культуры, бизнес-моделей, политических доктрин на соответствующие области контактных стран, находится в поле исследования различных дисциплин – политологии, экономики, социологии, культурологии. Изучение данного явления оказывается и в фо-

кусе внимания лингвистической науки, становясь одним из наиболее актуальных направлений англистики последних десятилетий. В условиях экономического, политического, культурного доминирования США во второй половине XX века естественным образом усиливается влияние американского варианта английского языка в мире, в частности на британский английский язык.

Сегодня особый статус американского варианта английского языка в мире и его распространяющееся влияние на британский вариант признается все большим числом российских и зарубежных лингвистов, работающих в области контактологии и теории языковых вариантов: J. Algeo (1999), E. A. Anchimbe (2006), B. Bryson (1998), D. Crystal (1975; 1997; 2001), Ph. Gooden (2011), D. Graddol (1997), O. Hargraves (2003), S. Heffer (2010), Ch. Mair (2006), M. Modiano (2006), A. W. Read (2005), З.Г.Прошина (2007), А.А.Ривлина (2011), В.В.Черняков (1993), Чурюканова (2004). Данная статья представляет собой обзор новейших подходов к осмыслению американизации британского английского языка в отечественной и зарубежной лингвистической науке.

В монографии «История английского языка» британский лингвист Филип Гуден предлагает периодизацию английского языка, в основе которой лежит экстралингвистический принцип, связанный с историческими событиями, повлиявшими на становление и развитие английского языка. Ученый выделяет 8 основных периодов, каждый из которых подробно освещает в книге: 1) кельтский период; 2) римский период; 3) эпоха англосаксов и викингов; 4) норманнская эпоха (или Средние века); 5) эпоха Возрождения (или эпоха правления Елизаветы I и царствования Якова I); 6) эпоха Просвещения; 7) Викторианская эпоха; 8) американская эпоха (*American era*). Последнюю лингвист определяет как период после второй мировой войны (1940-е годы и далее), характеризующийся доминированием США в области английского языка и других сферах [Gooden 2011: 274-275].

Американская эпоха ознаменовала радикальное изменение языковой ситуации в мире. На протяжении XIX века распространению английского языка по всему земному шару способствовала британская политическая система (Кристал 2001: 26). Однако во второй половине XX века английский язык приобрел статус языка международного общения благодаря глобальному доминированию новой супердержавы – Соединенных Штатов Америки, определившей начало американского

периода в развитии английского языка, который продолжается до сих пор. Таким образом, США, по образному сравнению Гудена, стали двигателем глобального английского языка [Gooden 2011: 212].

Убедительной демонстрацией данного положения служит статья Эрика Анчимба «Мировые английские языки и американский вариант», в которой исследователь пишет: «Сегодня английский язык не просто продолжает активно распространяться по миру, но все больше приобретает американские черты в силу престижа американского образа жизни и популярной культуры» [Anchimbe 2006: 3].

Безусловно, влияние американского варианта не могло не затронуть и британский английский язык. Английский журналист и писатель, автор книги «Strictly English» Саймон Хеффер отмечает, что хотя на английском языке говорят во многих странах мира, ни одна из них в настоящее время не имеет такого лингвистического влияния на британский вариант, как США [Heffer 2010: 178].

В двух книгах немецкого ученого Кристиана Мэйра - «Twentieth Century English: History, Variation, and Standardization» [Mair 2006], описывающей основные изменения, произошедшие в системе английского языка в XX веке, и «Change in Contemporary English: A Grammatical Study» [Mair, Leech, Hundt, Smith 2009], написанной в соавторстве с другими зарубежными учеными и посвященной исследованию активных процессов в области грамматики английского языка, раздел «Американизация» вынесен в отдельную главу. Примечательно, что в обоих случаях заглавие сопровождается вопросительным знаком (*Americanization?*). Это свидетельствует об актуальности, дискуссионности, неоднозначности вопроса, который не находит в литературе однозначного решения.

К. Мэйр, обращаясь к проблеме языкового влияния США в современной реальности, предлагает различать два значения термина «американизация». При узком понимании термин рассматривается как проникновение фонетических и лексико-грамматических черт, специфичных для американского английского языка, в другие варианты английского языка. В широком смысле американизация представляет собой распространение в различных вариантах английского языка жанровых, стилистических, дискурсивных установок и моделей, традиционных для американского варианта [Mair 2006: 183].

Признавая большую роль американского варианта в развитии современного английского языка в целом, К.Мэйр полагает, что не во

всех случаях правомерно говорить о прямом лингвистическом влиянии Америки. Характеризуя возможные типы взаимоотношений между британским и американским вариантами английского языка, преобладающий на современном этапе тип ученый называет *follow-my-leader*, при котором оба варианта развиваются в одном направлении, однако в американском английском активные языковые процессы происходят быстрее и позднее воспроизводятся, «повторяются» в британском варианте. В качестве примера ученый приводит постепенное повышение частотности употребления регулярных форм прошедшего времени у глаголов *learn* и *dream*. С большей скоростью эти процессы проходили и закреплялись в американском варианте, чему способствовали целые поколения иммигрантов, изучавших английский язык и ошибочно образующих формы *learned* и *dreamed* по регулярной модели прошедшего времени. Данная тенденция к выравниванию модели наблюдается и в других вариантах английского языка, характеризуясь там меньшими темпами [Mair 2006: 194].

К.Мэйр также подчеркивает, что, наряду с непосредственной американизацией и параллельным развитием, варианты английского языка способны к независимым лексическим и структурным изменениям, что делает безосновательными предположения о гомогенизации английского языка и выравнивании его вариантов по американской модели в будущем. По мнению К.Мэйра, американизмы, заимствуемые в другие варианты английского языка и попадающие в новые языковые среды, включаются в микросистему того или иного национального варианта английского языка, подвергаясь ряду изменений и приобретая особенности функционирования, отличные от исходного варианта [Mair 2006: 195].

Кроме того, К.Мэйр отмечает, что влияние американского английского языка характеризуется выборочным, селективным действием: оно наиболее заметно в лексике, умеренно в грамматике и единично в фонетике. Об этом свидетельствуют списки американизмов, заимствованных британским английским языком, приводимые современными лингвистами [см., например: Trask 2010: 111-112; Crystal 1997: 41]. Влияние американского варианта также ограничено коммуникативными сферами глобального распространения, включающими международную науку, сферу развлечений, массовую культуру. В меньшей степени оно наблюдается в узких коммуникативных сферах, таких как личное общение [Mair 2006: 194].

Вместе с тем, если американизация в узком смысле (как изменение структуры английского языка) зачастую оказывается преувеличенной, в широком смысле она требует более глубокого изучения. В данном случае речь идет, в частности, об этикетных заимствованиях, то есть использовании формул этикета другой языковой культуры [Панькин, Филиппов 2011: 142], к примеру, *you're welcome* (в качестве ответа на *thank you*) или вежливых обращений по имени в государственных институтах (к примеру, в общении между врачом и пациентом). Американизация в широком значении включает в себя также заимствование американских правил оформления резюме и CV [Mair 2006: 194]. Отметим, что о заимствовании американских дискурсивных моделей говорит и Д.Кристал, указывая на недостаточную изученность функционирования в разных вариантах английского языка американских речевых клише, включающих идиомы и выражения с ограниченной сферой употребления, например, фразу «*There you go*», произносимую официантом по отношению к гостю перед началом приема пищи [Crystal 1975: 61].

Говоря о соотношении двух основных, исторически базовых вариантов английского языка, британского и американского, А.А.Ривлина, отмечает, что на протяжении достаточно долгого периода времени между ними происходило нарастание различий, преобладали центробежные тенденции в силу социально-исторических причин [Ривлина 2011: 179]. Однако во второй половине XX века в связи с процессами глобализации и усилением центростремительных тенденций наступил период размывания границ вариантов, переходов особенностей одного варианта в другой. В результате, пишет исследовательница, в описании новых национальных вариантов, *New Englishes*, как и в описании *International English*, ученые отмечают наличие слияния, смеси черт обоих вариантов. Ривлина подчеркивает, что в этом слиянии во всех вариантах и подсистемах английского языка преобладают и продолжают постепенно нарастать черты, характерные для американского английского, причем как в рамках «внутреннего круга», так и в международном использовании английского языка [Ривлина 2011: 184].

Рост влияния американского варианта английского языка отмечается и в области обучения английскому языку как иностранному. Несмотря на то, что в современной реальности британский и американский варианты по-прежнему являются основными в практике пре-

подавания английского языка, как отмечает З.Г.Прошина, в последние десятилетия происходит увеличение роли американского варианта, особенно в странах Европы [Прошина 2007: 108]. Исследовательница отмечает ослабевание роли британского стандарта в европейском образовании под действием процессов американизации. В зарубежной науке на данную тенденцию указывает европейский лингвист Марко Модиано, подчеркивая, что американское произношение, лексика, грамматика, получают все большее признание в области международных экзаменов по английскому языку [Modiano 2006: 225].

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что процесс американизации британского английского языка, являясь сложным многоуровневым явлением, осмысливается лингвистами в различных аспектах. На основе приведенного обзора можно выделить основные аспекты его изучения: 1) вписанность процесса американизации в общий исторический контекст развития английского языка и современный статус американского варианта английского языка в мире; 2) прагматика процесса американизации (изучение факторов, стимулирующих процесс); 3) основные сферы (каналы) проникновения американизмов в британский английский язык; 4) роль американского варианта английского языка в практике преподавания английского языка как иностранного в сравнении с британским; 5) следствия процесса американизации, наблюдаемые на различных уровнях системы британского английского языка (лексика, фонетика, грамматика, орфография) и выявление областей языка, подверженных наибольшему изменению (пристальное внимание уделяется пополнению лексического состава британского английского языка американизмами, что вызвано интенсивностью данного процесса); 6) проблема разграничения языковых изменений в британском варианте, вызванных влиянием американского английского языка, и внутренних изменений, не имеющих прямого американского влияния; 7) функционирование жанровых, стилистических, дискурсивных моделей, характерных для американского варианта, в британском английском языке; 8) прогнозы относительно будущего состояния британского английского языка в связи с процессом американизации; 9) изучение языковой рефлексии британцев об американских заимствованиях.

В совокупности данные аспекты изучения американизации британского английского языка представляют собой единое исследовательское пространство, связанное с осмыслением влияния США на

лингвистическую ситуацию не только в Великобритании, но и во всем мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кристал Д. Английский язык как глобальный: пер. с англ. - М.: Весь Мир, 2001. – 240 с.
- Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. – М.: Флинта, 2011. – 160 с.
- Прошина З.Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка: уч. пособие. – Хабаровск, 2007. – 172 с.
- Ривлина А.А. "Recognize" или "recognise"? О прескриптивизме и оценочности в аспекте контактной вариатологии современного английского языка // Учитель, ученик, учебник: материалы VI Международной научно-практической конференции. – М.: Университет, 2011. - С. 179-188.
- Anchimbe Eric A. World Englishes and the American tongue // English Today. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Vol. 22. – No. 4 – P. 3–9.
- Change In Contemporary English: a Grammatical Study (Studies In English Language) / Ch. Mair, G. Leech, M. Hundt, N. Smith. - Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 370 p.
- Crystal D. American English in Europe [Electronic resource] // Superculture: American popular culture and Europe. – London: Elek, 1975. – P. 57-68. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.davidcrystal.com/DC_articles/English108.pdf
- Crystal D. American lessons [Electronic resource] // Business Traveller. March, 1997. – P. 40–41. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.davidcrystal.com/DC_articles/English42.pdf
- Gooden Ph. The Story of English: How the English Conquered the World. – London: Quercus Books, 2011. – 297 p.
- Heffer S. Strictly English: The Correct Way to Write... and Why It Matters. – London: Random House Books, 2010. – 322 p.
- Mair Ch. Twentieth-century English: History, variation and standardization (Studies in English Language). - Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 244 p.
- Modiano M. Euro-Englishes // The Handbook of World Englishes. / ed. by Braj B. Kachru, Yamuna Kachru, and Cecil L. Nelson. – Oxford, U.K., Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 223-239.

Trask R.L. Why Do Languages Change? - Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 198 p.

Zachary G. Pascal. The World Gets in Touch with Its Inner American [Electronic resource] // Mother Jones. – San Francisco, January/ February, 1999. - URL: <http://www.motherjones.com/politics/1999/01/world-gets-touch-its-inner-american>.

Миронова Д.А.

Челябинск, Россия

**К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ
НЕПЕРЕВОДИМОСТИ**

Аннотация. В статье представлен обзор позиций ученых в отношении вопроса переводимости. Рассматриваются две полярные точки зрения, абсолютизирующие возможность либо невозможность перевода, а также позиция, утверждающая его относительный характер.

Ключевые слова: перевод, переводимость, непереводаемость, степень переводимости.

Сведения об авторе: Миронова Дарья Александровна, аспирант кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, преподаватель кафедры теории и практики перевода. Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: 454014, г. Челябинск, Комсомольский пр., 86, к. 80.

e-mail: daria.mironova28@gmail.com.

Mironova D.A.

Chelyabinsk, Russia

**ON THE CONCEPT OF
UNTRANSLATABILITY**

Abstract. The paper presents the overview of various scholar positions on the issue of translatability. Two opposing views, overemphasizing either the possibility or impossibility of translation per se, as well as the view postulating its relative nature, have been studied.

Keywords: translation, translatability, untranslatability, degree of translatability.

About the Author: Mironova Daria Aleksandrovna, Graduate Student of the Chair of Romance Languages and Intercultural Communication, Instructor of the Chair of Theory and Practice of Translation.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Вопрос о возможности осуществления полноценного перевода с одного языка на другой всегда волновал ученых-лингвистов и остается актуальным и по сей день. В ходе поисков его решения было сформировано три основные концепции: две полярные точки зрения, абсолютизирующие возможность либо невозможность перевода, а также позиция, утверждающая его относительный характер.

Скептическое отношение к переводу можно проследить на протяжении всей истории. В XIX веке рассмотрение этого вопроса шло в русле соотношения функций языка и мышления. Резко отрицательную позицию по вопросу переводимости занял В. фон Гумбольдт, утверждавший принципиальную несводимость языков друг другу, обусловленную их индивидуальным своеобразием, которое объясняется тем, что каждый язык есть форма выражения «духа народа» [цит. по

Швейцер 1988: 100]. Под влиянием этой лингвофилософской концепции в первой половине XX столетия сформировалось неогумбольдтианство, сторонники которого также констатировали принципиальную непереводаемость, заключенную в самой природе языка. Представители европейского (Й.Л. Вайсгербер) и американского (Б. Уорф, Э. Сепир) направления этого течения постулировали детерминирующее воздействие языка на восприятие окружающего мира: «наши представления о материи, пространстве и времени обусловлены структурой того или иного языка» [цит. по Сдобников, Петрова 2006: 80]. Другими словами, представления человека зависят от того, на каком языке он мыслит, что определяет несовместимость «промежуточных миров» (по определению Й.Л. Вайсгербера), формирующих картину мира двух языковых коллективов» [цит. по Швейцер 1988: 100].

В XX веке скептицизм в отношении перевода, представленный гипотезой Куайна, обусловлен восприятием его сущности в философской и психолингвистической плоскости. Рассмотрение возможности осуществления перевода перешло в философскую плоскость. Согласно данной концепции, любой перевод является принципиально неопределенным, поскольку «нет фактов, на основании которых можно считать, что некто подразумевает скорее одно, чем другое»; «выбор составляемых лингвистических объектов двух языков становится основным не на эмпирических свидетельствах, а на теоретических предположениях», следовательно «нельзя со всей определенностью постичь содержание сознания говорящего субъекта» [Самсонов 2006: 10]. Однако данная гипотеза ставит под сомнение скорее не эффективность осуществления перевода, а языковой коммуникации как таковой. Как отмечают О. Каде и Ю. Найда, природа коммуникации включает абсолютное взаимопонимание, поскольку смысл, вкладываемый двумя людьми в какое-либо понятие, никогда не бывает полностью тождественным, следовательно, моменты недопонимания и непонимания между отправителем и получателем вполне естественны [Латышев 1988: 69]. Таким образом, подобная позиция, исключающая высокую коммуникативную эффективность перевода исходит из абсолютизации понятия «взаимопонимание». Однако несмотря на наличие когнитивных расхождений, свойственных не только межъязыковому, но и одноязычному взаимодействию, нельзя не признать в целом высокую эффективность речевой коммуникации.

Категорическому неприятию возможности осуществления пол-

ноценного перевода противостоит диаметрально противоположная концепция, которая в различных трудах, касающихся вопроса переводимости, [Латышев, Семенов 2003; Швейцер 1988; Федоров 1983; Тюленев 2004; Комиссаров 1990] обозначена как абсолютная / «тотальная» / принципиальная переводимость / всепереводимость.

Этот принцип, как отмечает Алексеева, отстаивала философия эпохи Просвещения, опираясь на утверждение о том, что все языки представляют лишь вариации некоего общего языка *lingua universalis* и для перевода важно учитывать лишь общность понятий [Алексеева 2004: 133].

Идея всепереводимости восходит ко взглядам на все языки с точки зрения языковых универсалий. Даная позиция была представлена, к примеру, в «Грамматике Пор-Рояля», авторы которой, А. Арно, К. Лансло, утверждали что, при всем многообразии структуры языковых выражений, существует общая «логическая основа», иначе, структура мысли всех языков. Три века спустя эту идею продолжил Н. Хомский, введя понятия глубинной и поверхностной структуры. Сторонниками принципа всепереводимости выступали также Ж. Мунен и В. Коллер, последний представил данную позицию в виде аксиомы: «если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой» [цит. по Швейцер 1988: 102].

По мере формирования теоретических основ науки о переводе любого рода категоричность в отношении вопроса непереводимости подвергалась все большей критике, что привело к формированию взгляда на перевод как на относительное явление.

Ориентиром в рассмотрении вопроса переводимости, согласно мнению сторонников данной концепции, должны служить факты переводческой деятельности. Как отмечал А. Нойберт: «Переводимость проверяется на практике» [цит. по Латышев 1988: 69]. С одной стороны, переводческая практика, включая «превосходные работы плеяды талантливейших переводчиков», опровергает теорию абсолютной непереводимости, таким образом, по утверждению С. Влахова и С. Флорина, «доказывать ее несостоятельность значило бы ломиться в открытую дверь» [Влахов, Флорин 1980: 5]. С другой стороны, как отмечает А.Д. Швейцер, очевидным является тот факт, что переводческая деятельность влечет за собой неизбежные компромиссы и потери.

Сторонники теории относительности перевода, в частности

представители советской школы перевода, не отрицают возможного отсутствия тождественности в переводе или случаи невозможности передать отдельные элементы текста, однако это, по их мнению, не создает непреодолимого барьера для межъязыковой коммуникации, в частности для перевода. По утверждению В.Н. Комиссарова: «Утрата каких-то элементов непереводаемого текста при переводе не означает, что этот текст «непереводим»» [Комиссаров 1990: 39] Эту мысль продолжает А.В. Федоров: «...речь идет не об исключении из принципа переводимости, а лишь об ограничении его, перевод остается возможным, но только не в полном объеме» [Федоров 1983: 169]. Подобные явления, снижающие эффективность коммуникации, характеризуются, согласно О. Каде, как моменты «пониженной переводимости».

Л.К. Латышев, А.Л. Семенов отметили, что в вопросе переводимости возник «своего рода теоретический тупик» [Латышев, Семенов 2003: 65] На наш взгляд, причина такого положения заключается в принципиально различных точках зрения на то, что понимается под переводимостью, эквивалентностью и сущностью перевода как такового.

Для установления того, что лежит в основе нигилизма в отношении осуществимости перевода, считаем рациональным разграничить понятия «языковая непереводаемость» (понимаемая как невозможность осуществления перевода, вызванная внутрilingвистическими факторами, как например, различие на уровне языковой системы) и «культурологическая непереводаемость» (обусловленная экстралингвистическими факторами, в данном случае - расхождением культур).

Апелляция к первому явлению свидетельствует о понимании перевода исключительно как процесса перекодировки знаков, что в корне неверно. Ж. Мунэн подчеркивал, что перевод не является простой подстановкой слов, он связан с преобразованием, которое, добавим, является зачастую не просто вынужденным, но и принципиально необходимым [цит. по Комиссаров 1990: 22]. Это, как отмечает В.Н. Комиссаров, происходит в силу того, что абсолютная тождественность содержания оригинала и перевода не только невозможна, но и не нужна для осуществления тех целей, ради которых создается перевод. Действительно, стремление достичь полной тождественности в передаче единиц исходного текста может обеспечить буквальность перевода, что зачастую прямо противоположно принципу его эквивалентности. Средством преодоления трудностей в передаче референциального

или коннотативного значения является, по утверждению А.Д. Швейцера, нейтрализация семантических расхождений в рамках текста при помощи контекста.

Что касается «культурологической непереводимости», безусловно, нельзя отрицать неравенство внеязыкового опыта представителей различных языковых коллективов. Тем не менее, в данном отношении мы считаем правомерным говорить не о принципиальной невозможности перевода, а о различной степени переводимости. В основе определения степени переводимости лежат критерии полноты эквивалентности, успешности сокращения лингвокультурологической дистанции между исходным языком и языком перевода и количества потерь при переводе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. — 352 с.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980. — 341 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник. — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
- Латышев Л.К. Перевод проблемы теории, практики и методики преподавания. — М.: Просвещение, 1988. — 160 с.
- Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. — М.: Академия, 2003. — 192 с.
- Самсонов В.Ф. Философский анализ гипотезы Куайна о неопределенности перевода. — Челябинск: Челяб. Дом печати, 2006. — 186 с.
- Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. — М.: Восток-Запад, 2006. — 448 с.
- Тюленев С.В. Теория перевода: учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2004. — 336 с.
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы: учеб. пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Высшая школа, 1983. — 303 с.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. — 215 с.

Нифанова Т.С.

Северодвинск, Россия

**ОБОЗНАЧЕНИЯ СТОРОН
СВЕТА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ
ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Пространство является универсальной категорией концептуальной картины мира, оно антропоцентрично и входит в ядро языковой картины мира любого этноса. Способность ориентироваться по сторонам света – это одна из важнейших вех в познании человеком окружающего мира. Исследование пространственной лексики становится динамично развивающейся областью лингвистики, но в тени остается такой аспект пространственной ориентации, как система координат, основанная на четырех сторонах света: север, юг, запад, восток.

Ключевые слова: пространство, стороны света, пространственная лексика, обозначения сторон света.

Сведения об авторе: Нифанова Татьяна Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии.

Место работы: гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области.

Контактная информация: 164514, г. Северодвинск Архангельской области, ул. Ломоносова, 104, кв. 358. e-mail: nifanova@atnet.ru

Пространство как всеобщая форма бытия материального мира характеризует соразмерность его структурных форм и образований [Философский словарь 2001: 563]. Являясь универсальной категорией

Nifanova T.S.

Severodvinsk, Russia

**NAMES OF THE CARDINAL
POINTS OF THE WORLD IN THE
LANGUAGES OF DIFFERENT
STRUCTURES**

Abstract. Space is a universal category of the conceptual map of the world, it is anthropocentric and enters the core of the language map of the world of any ethnos. Orientation to the cardinal points of the world is one of the most important steps in the cognition of the reality. Studies of space vocabulary are numerous. But such an aspect of space orientation as a system of cardinal points based on north, south, west and east is researched poorly.

Keywords: space, cardinal point of the world, space vocabulary, names of the cardinal points of the world

About the Author: Nifanova Tatyana Sergueevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of German Philology.

Place of employment: Institute for Humanities in the branch of Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov in Severodvinsk Archangelsk region.

концептуальной картины мира, пространство антропоцентрично и входит в ядро языковой картины мира любого этноса. Исследование пространственной лексики становится динамично развивающейся областью лингвистики. Усилия исследователей концентрируются на нескольких направлениях: а) изучение пространственных метафор; б) анализ современной локативной лексики и фразеологии; в) реконструкция пространственных отношений в архаичной языковой модели мира и описание их реализации в лексико-семантической системе древнего языка.

Научная ценность имеющихся исследований несомненна. Вместе с тем для нас более важным является указать на то обстоятельство, что все они оставляют в тени такой аспект пространственной ориентации, как система координат, основанная на четырех сторонах (странах) света: север, юг, запад, восток. Между тем ориентация по сторонам света позволяет человеку определять и описывать свое положение в пространстве, позиционировать себя относительно других объектов, пребывать в безопасности, в состоянии устойчивости. Помимо профанного значения, ориентация по сторонам света имела также сакральный смысл: древний человек стремился в окружающем его микрокосме воссоздать пространственно-временные структуры, имитирующие макрокосмические отношения, с целью иметь возможность, оперируя этой моделью, воздействовать на макрокосмические силы, управляющие его бытием. Способность ориентироваться по сторонам света знаменовала собой одну из важнейших вех в познании человеком окружающего мира.

Способы выражения в языке ориентации по странам света практически не изучены. Можно назвать лишь отдельные публикации, посвященные разработке этой проблемы на материале разных языков. В частности, Ж. Кюиандр в своей книге «*La Droite et la Gauche dans l'orientation bretonne*» отмечает отсутствие в бретонском языке исконных названий для таких сторон света, как север и юг [Cuillandre 1927]. Обе стороны называются либо словами *Nort*, *Norz* и *Su*, заимствованными из французского языка еще в среднебретонский период, либо соотносятся с полуночью и полуднем, возможно, также под влиянием французского. По мнению Ж. Кюиандра, этот факт свидетельствует об отсутствии оси «север – юг» в бретонской розе ветров.

В труде А. и Б. Рис «Наследие кельтов» отмечается, что отождествление понятий «север» и «левый», «юг» и «правый» встре-

чается во многих языках [Рис А., Рис Б. 1999]. В ирландском языке, кроме того, слово «восток» имеет значение ‘впереди’, а слово «запад» – ‘позади’, что ясно показывает исходную ориентацию – лицом к востоку. Ученые подчеркивают также, что ирландское слово *folcha* (от *cle* – ‘левый’) обозначает одновременно ‘север’ и ‘север Ирландии’. Название же южной стороны – *dess* имеет значение ‘приятный, милый, красивый, правильный’. Таким образом, южная сторона воспринимается как «хорошая».

Приведенные данные дополняются наблюдениями А.А. Подосинова о том, что в украинском языке *pівніч* – ‘север’, *південь* – ‘юг’. В латинском языке совмещаются понятия «вечер», «вечерняя звезда» и «запад» в слове *vesper*, которое отложилось в европейском *west*. Латинское *dexter* означает ‘правый, ‘с правой стороны’, ‘счастливый’, но и ‘южный’. Общеизвестное *nord* (в прошлом – *north*), первоначально обозначало ‘левый’. В центральной части полуострова Индостан расположено обширное плоскогорье Декан. Его древнее название *Дакшина пахта* или *Южная страна*, первоначально – ‘правая дорога’. У многих народов сохранился признак определения стран света по вертикали, что отражено в якутских словах *согуру* – ‘юг’ (тюркское *йокары* – ‘верх’); *уса* (тюркское уст.) – ‘высота, глубь, вершина, верховье’, но и ‘юг’; *хоту* (тюркское *коды, койы*) – ‘вниз’, *алара* – ‘низ, нижний мир, внизу, вниз по реке, на север’, бурятское *хойто* – ‘север’, монгольское *хойту* (‘северный’) – ‘покатое положение, север, полночь, вниз, по течению’, чувашское *мал* – ‘передняя сторона, юг’ [Подосинов 1999]. В финно-угорских языках существуют названия стран света, связанные с направлением миграций птиц [Beothy 1951: 238].

А. Мурадова исследует обозначения сторон света в современном бретонском языке [Мурадова URL]. Она приходит к следующим выводам: а) происхождение названий сторон света в современном бретонском языке в целом представляется неясным, хотя прослеживается определенная связь между названиями сторон света и названиями ветров; б) в системе координат, которую отражает бретонский язык, присутствует одна основная ось «восток – запад» (верх – низ) и дополнительные оси «север – юг» (лево – право), «северо – запад – юго – восток», «северо – восток – юго – запад»; в) по данным языка, человек располагается относительно сторон света следующим образом: лицом к востоку, спиной к западу, слева от него – север (дурная сторона), справа от него – юг (благоприятная сторона). Восток находится выше

уровня человека, север также несколько возвышается, запад – ниже уровня человека [Мурадова URL].

Серьезный анализ географических названий с целью поддержать распространение унифицированных географических названий, в том числе и с компонентами – названиями сторон света, в интересах международной коммуникации проводят различные международные и национальные специализированные организации: Группа экспертов ООН по географическим названиям (UNGEGN – United Nations Group of Experts on Geographical Names), Британский постоянный комитет по географическим названиям (British PCGN – British Permanent Committee on Geographical Names), Американский совет по географическим названиям (American BGN – American Board of Geographical Names) и под. В частности, в издаваемых ими рекомендациях отмечается, что при передаче на русский язык англоязычных составных названий с компонентами – названиями сторон света, эти компоненты следует переводить соответствующими русскими эквивалентами: *Новая Зеландия, Новый Орлеан, Новый Южный Уэльс, Северная Каролина, Западная Вирджиния* и пр. Однако в некоторых случаях передается фонетическая форма всех элементов составного названия: *Ист Ривер* (East River – город в США) и пр.

Ценным источником для изучения лексики, обозначающей стороны света, являются географические словари и атласы: «Словарь топонимов Западной Виргинии» (Kenny, 1945), «Словарь калифорнийских географических названий» (Gudde, 1960), словарь «Топонимы Мэна» (Chadbourne, 1955), «Словарь названий рек Техаса» (1919), «Иллюстрированный словарь топонимов США и Канады» (Harder, 1976), «Словарь географических названий Миннесоты» (1969), Фундаментальный географический атлас США «These United States» (1968) и др. Их анализ показывает, что топонимическая модель, включающая обозначение сторон горизонта, является распространенной в американской лингвокультуре; наиболее часты показатели *north, south, west: Northeast Passage, Northern Sporades, South Bend, South Platte, West Point, the West* и др.

В статье С.П. Васильевой «Образ пространства по данным топонимии» описываются региональные особенности способов обозначения пространства в сибирской топонимии по сторонам света. С.П. Васильева приходит к выводу о том, что обозначение сторон света относится к абсолютным характеристикам пространства в научной картине

мира, в топонимии же конкретной территории эти характеристики становятся относительными [Васильева URL].

В публикации Е.А. Мельниковой исследуется специфика географической ориентации древних скандинавов [Мельникова 1998]. В основе организации пространства скандинавов лежало ориентирование по сторонам света с четырьмя основными направлениями: север – юг и запад – восток. При этом за пределами самой Норвегии как северное описывается движение из Дании в Норвегию (само название *Noregr* является стянутой формой *Nordr-vegr*, то есть «Северный путь»), как южное – из Норвегии в Данию и через нее в Поморье (Вендланд) и Саксонию. Параллельно обозначению *Северный путь* в памятниках письменности встречаются наименования *Vestrvegr* или «Западный путь» и *Austrvegr* или «Восточный путь», которые использовались для обозначения земель на западе и на востоке и собирательные названия земель, лежащих вдоль Восточного пути – *Austrlynd* (Восточные земли), вдоль Западного пути – *Vestrlynd*, а также *Sudrland* для обозначения земель на юге. Скандинавской модели мира, состоящей из четвертей, соответствовал мифологический космос, в котором в углах небесного свода сидят карлики *Austri*, *Vestri*, *Nordri* и *Sudr*.

Культурные концепты, среди которых «ЮГ» – «СЕВЕР», «ЗАПАД» – «ВОСТОК» рассматривались Ю.Д. Тильман в контексте поэтической картины мира Ф.И. Тютчева [Тильман 1999]. Е.Ю. Жевна обращается к особенностям репрезентации концептов «ЗАПАД» и «ВОСТОК» в поэтическом дискурсе [Жевна 2006: 51 – 54]. Концепт «СЕВЕР» в американской концептосфере изучала Д.Ф. Закирова [Закирова 2008: 60 – 64]. Исследовательница приходит к выводу о сухости, сдержанности и чопорности, характерных для жителей северных штатов Америки. Особенности канадского концепта «СЕВЕР / СЕВЕРНОСТЬ» анализировала Т.С. Нифанова [Нифанова 2010: 81–84]. Изучению индивидуально-авторского концепта «NORTH» в «северных рассказах» Джека Лондона посвящена диссертация В.М. Лютянского [Лютянский 2011].

Как видим, имеющиеся материалы фрагментарны; языковые механизмы отражения особенностей ориентации человека по сторонам света еще ждут своего исследователя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильева С.П. Образ пространства по данным топонимии [Электронный ресурс]. URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/p04/wasileva.htm>
- Жевна Е.Ю. Содержание концептов «ЗАПАД» и «ВОСТОК» в сознании носителей русского языка (по данным свободного ассоциативного эксперимента)//Вестник Тюменского университета. – 2006. – № 5. – С. 94-108.
- Закирова Д.Ф. Сухость, сдержанность и чопорность как характерные черты жителей северных штатов Америки (к раскрытию концепта «СЕВЕР» в американской концептосфере // Язык. Культура. Коммуникация: материалы II Международной научной конференции 14 – 15 мая 2008 года. - Волгоград: ВГУ, 2008. - С. 39-42.
- Лютянский В.М. Концепт «NORTH» в ‘северных рассказах’ Джека Лондона: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2011. – 211 с.
- Мельникова Е.А. Образ мира древних скандинавов // Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V – XIX вв. - М.: Янус-К, 1998. - 193 с.
- Мурадова А. Обозначение сторон света в современном бретонском языке [Электронный ресурс] // СтудЗона. – URL: <http://www.studzona.com/referats/view/37199>.
- Нифанова Т. С. К проблеме изучения канадского концепта «СЕВЕР / СЕВЕРНОСТЬ» // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: сборник научных статей. Вып. 4. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2010. – С. 208-213.
- Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии.– М.: Языки русской культуры, 1999.- 720 с.
- Рис А., Рис Б. Наследие кельтов, древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. - М.: Энигма, 1999. – 480 с.
- Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира (на материале лирики Ф.И. Тютчева): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 232 с.
- Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
- Beothy E. Die Bezeichnungen für Himmelsrichtungen in den finnischchugrischen Sprachen. – Indiana University publication, Uralic and Altaic series, 84. Bloomington, Indiana, 1951. – 238 p.
- Cuillandre J. La Droite et la Gauche dans l'orientation bretonne //Annales de Bretagne, 1927. – Т. 37. – Р. 263 – 277.

Осипов П.И.

Николаев, Украина

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА В
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена особенностям литературного текста в процессе межкультурной коммуникации. Указывается на отличие этого типа текста от не-литературного, а также на его характерные признаки, культурно-понятийные категории и взаимосвязь между отправителем текста и адресатом.

Ключевые слова: адресат, категория, литературный текст, межкультурная коммуникация, отправитель.

Сведения об авторе: Осипов Петр Иванович, кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой перевода и немецкой филологии.

Место работы: Николаевский Национальный Университет имени В.А. Сухомлинского.

Контактная информация: 54003, г. Николаев, ул. Дзержинского, 26, к. 49.
e-mail: deutsche_sprache@mail.ru

Osyrov P.I.

Nikolaev, Ukraine

**THE PROBLEMS OF THE
LITERARY TEXT TRANSLATION
IN INTERCULTURAL
COMMUNICATION**

Abstract. The article deals with the particularity of a literary text in the process of intercultural communication. It is also pointed out to the differences of this type of text compared with that of non-literary one as well as to its characteristic features, cultural categories and intercourse between the sender and addressee.

Keywords: addressee, category, literary text, intercultural communication, sender.

About the Author: Osyrov Petr Ivanovich, Professor, the Chief of the translation and German philology department. Place of employment: Nikolaev National V. Sukhomlinsky University.

Процесс перевода, возникший в период формирования разных языков и имеющий тысячелетнюю историю, отмечен постоянными усилиями, направленными на преодоление языкового барьера в различных сферах человеческого общения – экономической, политической, социальной и др. Без посреднической функции перевода невозможно передача информации в области философии, науки, литературы, религии, спорта. Изучение перевода как предмета и как отдельной отрасли науки приводят подчас к различному, а порой – несовместимому пониманию отдельных направлений и теорий перевода.

Анализ последних исследований феномена и процесса перевода [Reiss 1989: 71-93; Snell-Hornby 1989: 15-51; Stolze 2008] свидетельст-

вует о том, что данный вопрос далеко не исчерпал своей проблематики, т.к. даже в определениях процесса его исследования варьируются такие выражения как: англ. theory of translation, translation theory, translation science, translation studies, translatology; нем. *Übersetzungswissenschaft, Übersetzungstheorie, Translationslinguistik, Translationswissenschaft, Translationstheorie, Translatologie, Translatorik* др.

В процессе перевода одним из определяющих является понятие культуры, которое теснейшим образом связано с проблемами интеркультурной трансференции и интеркультурной коммуникации. [Goodenough 1964; Heringer 2007; Hinnekamp 1994; Vermeer 1994]. Текст перевода самобытен не только потому, что он состоит из системы языковых знаков, актуализирующих возможности иной языковой системы, но и потому, что языковые единицы соответствующим образом многокультурно объединены. Отмечая несоответствие между выходным текстом/ культурой и целевым текстом /культурой переводчик сталкивается с проблемой: на какую из культур, исходную или – назначения, должен быть ориентирован его перевод. Литературный перевод является, таким образом, делом межкультурной коммуникации (МК), которая происходит не только непосредственно между автором выходного текста и реципиентом, но и при участии в ней третьего лица – переводчика.

Понимание текста переводчиком предусматривает знание им истории, социально-политической формации, религиозных убеждений, культурно и ситуативно обусловленных образцово речевой деятельности в рамках «выходной культуры», а также осведомленность в вопросах синтаксиса и семантики «выходного текста». Каждый перевод создает новую динамичную связь и является межкультурным перенесением текста в той мере, насколько он учитывает культурно - специфические особенности языка, ситуацию и объект перевода. Факторами, которые учитывает переводчик, выступают, с одной стороны, объективные реалии целевой культуры, а, с другой стороны, - система, которая затрагивает круг читателей, их опыт, интересы, нормы поведения, традиции, оценки, формы сознания, эмоционально-психологическую и нравственную стороны и т. д.

Сходство/несходство перевода детерминировано коммуникативной ситуацией, в которой находится переводчик. Важнейшей предпосылкой достижения адекватности перевода должен быть холистический подход к тексту, где значение конститuentов может быть опреде-

лено лишь в контексте. При этом текст понимается как целое и таким же цельным должен быть перевод. [Kade 1968; Thomas 1991]. Под этим углом зрения, а также с позиции герменевтики переводчик рассматривает отличие между культурой выходного и целевого языков. Известно, что качество литературного перевода не всегда является безупречным [Nord 1989]. Это объясняется не только недостатком теоретических знаний и межкультурной компетенции переводчика, но и внешними (экстралингвистическими) обстоятельствами, на которые он не влияет. Рассматривая перевод как процесс и как результат, укажем на некоторые проблемы: 1) проблемы, связанные со спецификой исходного текста (с учетом особенностей индивидуального стиля и выразительных средств языка); 2) прагматические проблемы перевода, возникающие на основе контраста экстратекстовых факторов обоих языков; 3) культурно-специфические проблемы перевода; 4) контрастно-лингвистические проблемы, связанные с особенностями структуры выходного и целевого текстов. Основным положением процесса перевода с учётом его ментально-психологического фактора и лексико-семантических особенностей может служить понимание текста как определённого творческого действия, направленного на исходный текст, подлежащий переводу, и целевой текст, на который осуществляется перевод. При этом процесс перевода воспринимается всегда функционально и тематически очерченным; он происходит сознательно, планомерно, реализуя своё главное назначение: обеспечение необходимой информацией и установление коммуникации между представителями разных языков и культур. Особо важным в процессе перевода является прагматический аспект, определяющий для кого и с какой целью осуществляется перевод [Reiss 1989; Wilss 1996]. При этом целевое назначение текста может также меняться.

Говоря о специфике перевода технических и научных текстов, с одной стороны, и литературных – с другой, укажем, чем отличается литературный текст от не-литературного (специального), и какие проблемы возникают, когда литературный текст передается представителям иной культуры. В этом плане важное значение имеет целевая установка перевода, т.к. реализация постулата «эквивалентности» и «адекватности» не всегда является бесспорной. Возникает вопрос, каким образом при работе над литературным текстом переводчик может отойти от индивидуально-переводческой интуиции и получать по меньшей мере интересующие представления о нем.

Укажем на некоторые признаки литературного текста, которые служат снованием того, что при переводе в рамках определенной культуры они de facto требуют иного подхода, чем не – литературные. Эти признаки, помеченные ключевым словом «литературность» (англ. literacy, нем. literarität, literazität), можно очертить в качестве элементарных компонентов простой модели коммуникации, а именно: отправитель/ адресант сообщения, (интенция) – получатель / адресат – референт/ денотат – код сообщения – характер действия/влияния. Продолжая анализ модели, попытаемся дать короткую характеристику ее составляющим.

Отправитель/адресант. Отправитель литературного текста направляет свои усилия не на обязательную (буквальную) передачу реальной действительности, а передает адресату опосредствовано свой взгляд на нее. Минетическое отражение действительности наполняется элементами экспрессии. Эмотивная функция языка выражена более четко чем дифференциальная.

Адресат. Литературный текст направлен на получателя, ожидания которого обусловлены его литературным опытом. Адресат должен владеть литературным кодом, т.е. располагать определенным инвентарем языковых знаков и правил, которые помогают ему раскрывать литературные тексты, опираясь на соответствующие системы интерпретации, при помощи которых эксплицируется также сигнификативные значения текста.

Референт. Литературные тексты часто затрагивают предметы и вещи, которые не всегда соответствуют реалиям конкретной культуры.

Код. Языковое строение литературных текстов дополняется их «собственным значением» - коннотативным, экспрессивным, эстетическим, художественным, - что помогает лучше понять интенцию адресанта. К литературному коду относятся также устойчивые (сложившиеся) формы литературных жанров [Thomas 1991].

Характер действия/ влияние. В результате использования в тексте элементов кода, а также с учетом их отношения к отдельным культурно-специфическим характеристикам, можно говорить про особый (напр., эстетический или поэтический) характер или «собственную ценность» текста. Следует заметить, что при анализе литературных текстов часто вне поля зрения остаются такие интракультурные факторы как среда (медиум), а также место, время и предлог действия, которые играют определенную роль для перспективы перевода, по-

скольку несут в себе культурно – специфические черты как выходной, так и целевой ситуации. Отправитель сам продуцирует тексты, являясь своего рода «литератором», что также влияет на ожидания адресата.

Сравнивая характерные признаки литературных текстов с их аналогами в не - литературных текстах, констатируем, что ни один из признаков, взятых в отдельности, не является достаточным для определения степени их литературности. В этом контексте уместно, на наш взгляд, говорить о текстовой прагматике, которую в определенной коммуникации задает как отправитель, так и получатель. Правила перевода свидетельствуют, что корректность перевода возможна лишь с учетом поля компетентности адресата. Соответственно этому, литературность текста имеет культурно-специфический характер, если этот текст определяется отношением между интенцией отправителя и ожиданием получателя.

Анализ широкого спектра процесса перевода позволяет выделить наиболее типичные признаки межкультурной, литературной коммуникации, сформулировав их в кратких выводах.

1. Переводчик, соответственно собственному восприятию выходного текста, передает не интенцию отправителя, а свою интерпретацию, которую получатель целевого текста воспринимает, в свою очередь, как интенцию отправителя.

2. Функция перевода заключается в интерпретации интенции отправителя, что связано также с уровнем языковой и деловой компетенции, а также ожиданиями получателя целевого текста, имеющего определенную культурно-специфическую окраску.

3. Степень зависимости процесса коммуникации от культурно-обусловленного своеобразия текста коррелирует с функциональным назначением и ожидаемым действием. Адекватное понимание текста (как выходного так и целевого) зависит от культурной компетенции и мировоззрения адресата.

4. Действие (влияние) средств структурирования текста зависит от их отношения к (литературной) культуре. Процесс перевода воспринимается всегда функционально и тематически очерченным. При этом он реализует свое главное назначение: обеспечение необходимой информацией и установление коммуникации между представителями разных языков и культур [Heringer 2007].

Таким образом, проблемы понимания текста являются зачастую проблемами понимания культуры, и истинным переводчиком может

быть только тот, кто наряду с глубокими знаниями языка уверенно чувствуют себя в обеих культурах. Это составляет квинтэссенцию «межкультурной коммуникации» как отдельной отрасли науки, тесно связанной с теорией перевода, социологией, философией, психологией, историей, религией, литературой, этнологией, степень познания которых определяет уровень межкультурной компетенции переводчика. В практическом плане это означает возведение моста между сообщением или идеей исходного текста и коммуникацией с представителями других народов и культурных слоев, иных социальных систем и языков с различным грамматическим строем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Heringer Hans Jürgen. Interkulturelle Kommunikation. – Tübingen und Basel: Francke Verlag, 2007. – 240 S.

Hinnekamp Volker. Interkulturelle Kommunikation (Sonderband)VIII. – Heidelberg : Groos, 1994. – 156 S.

Goodenough W. Cultural Anthropology and Linguistics // Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology. – New York, 1964. – p.167–173.

Kade Otto. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. Fremdsprachen 7/2 – Leipzig, 1968. – S. 83-94.

Nord Christiane. Textanalyse und Übersetzungsauftrag. F.G. Königs (Hrsg.). // Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachunterricht. – München: Goethe-Institut, 1989. – S. 95-119.

Reiss Katharina. Übersetzungstheorie und Praxis der Übersetzungskritik // Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachunterricht. – München: Goethe-Institut, 1989. S. 71-93.

Thomas A. Kulturstandards in der internationalen Begegnung. – Saarbrücken: Breitenbach, 1991. – 111 S.

Snell-Hornby Mary. Eine integrierte Übersetzungstheorie für Praxis des Übersetzens // Übersetzungswissenschaft und Fremdsprachunterricht. – München: Goethe - Institut, 1989. – S. 15-51.

Stolze Radegundis. Übersetzungstheorien. Eine Einführung. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008. – 285 S.

Vermeer H.J. Translation Today. Old and New Problems. // M. Snell-Hornby. Translation Studies. An Interdiscipline. – Amsterdam/ Philadelphia, 1994. – S. 3-16.

Wilss Wolfram. Übersetzungsunterricht. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1996. – 229 S.

Попова Л.Г.

Москва, Россия

**ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ И
КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОМ
В СЛОВАХ (ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕВОДА)**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы передачи культурно-специфичной информации при переводе слов на примере перевода с русского языка на французский, латинский, армянский и венгерский языки.

Ключевые слова: универсальное, культурно-специфичное, перевод.

Сведения об авторе: Попова Лариса Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Контактная информация: 393761 Тамбовская область, г.Мичуринск, ул.Интернациональная, д.6, кв.5.
e-mail: larageorg@inbox.ru .

Popova L.G.

Moscow, Russia

**ABOUT UNIVERSAL AND
CULTURAL-SPECIFIC IN WORDS
(PROBLEMS OF TRANSLATION)**

Abstract. In this article we consider problems of transfer the cultural-specific information by the translation words, as an example we take the translation of some words from Russian into French, Latin, Armenian and Hungarian..

Keywords: universal, cultural-specific, translation.

About the Author: *Popova Larissa Georgiyevna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of theoretical and applied linguistics..*

Place of employment: Institute of foreign languages of Moscow City Pedagogical University.

Проблемы определения универсального и специфичного в семантике слов при их переводе с одного языка на другой являются в наши дни весьма актуальными. Обращаясь к двуязычному переводу, Ю.А.Сорокин называет его «двукультурным» интерпретативным переводом и полагает, что такой путь дает возможность выявления универсального и культурно-специфичного в семантике исходных и переводных слов [Сорокин 2003]. Как справедливо отмечает Ж.Т. Балмагамбетова, система языковых значений соотносится с культурной компетенцией носителей языка, ибо в языке находит отражение мировидение и миропонимание народа, осознаваемые в контексте культурных традиций. Национальная ментальность, являясь важнейшим аспектом языкового мышления, находит свое отражение в лексико-семантической и грамматической системе языка, поэтому изучение и

адекватность передачи национально-культурных особенностей текста оригинала в переводческом процессе занимает особое место с позиции оптимизации межкультурной коммуникации. При этом исследователь подчеркивает такой момент, что переводчик преломляет смысл исходного текста таким образом, что он является носителем как национальной, так и иноязычной культуры. Он создает собственную переводческую картину мира, которая формирует его сознание билингва. Оптимальность переводческого процесса обуславливается знанием алгоритмов «чужой» культуры [Балмагамбетова Электронный ресурс].

Переводоведение наших дней тесно связано с лингвокультурологией. При рассмотрении проблем перевода Э.А.Сорокина рассуждает об учете национальной картины мира при переводе текста с одного языка на другой. Переводчик в своей практической деятельности погружается каждый раз во фрагмент чужой языковой картины мира. При переводе с одного языка на другой язык трудности возникают прежде всего с теми словами, которые отражают особенности национальной культуры. Подобные слова получили название безэквивалентных [Сорокина 2008].

Рассмотрение проблем перевода затрагивает изучение степени адекватности перевода текста. Но в рамках данной статьи хотелось бы коснуться других проблем и обратиться к переводу слов с одного языка на несколько других родственных и неродственных языков, исходя из данных двуязычных, толковых и этимологических словарей, с целью выяснения содержащихся в них информации универсального, специфического характера. В качестве примера возьмем один из самых древних пластов лексики, а именно лексики, обозначающей орудия труда.

Обратимся к сопоставительному анализу номинации такого сельскохозяйственного инструмента, как серп. Возьмем за основу русский язык, а переводными языками выберем родственные ему французский, армянский и латинский языки, а в качестве неродственного языка назовем венгерский язык. Сначала обратимся к толкованию этого слова в русском языке. Серпом на Руси называли ручное орудие - изогнутый полукругом мелко зазубренный нож для срезывания злаков с корня [Ожегов Электронный ресурс]. Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля дает следующее определение серпа: зубренный, кривой нож для срезки или сжатия хлеба с корня. Серпы затыкают крестьяне в сенах, под потолок. Луна сравнивается с серпом

по форме. Серп и серпик, так называют черного большого стрижа, а серп-травой осот. Серпушная желть – это краска для деревенских тканей. Серпень – старое название месяца августа [Даль Электронный ресурс].

По своей этимологической характеристике это слово имело вид «сѣреп», в украинском языке «серп», белорусском «серп», древнерусском «сърпъ», сербском, церковнославянском «сръпъ», “δρεπανον”, болгарском «сърп», сербохорватском «срп», словенском “sřp”, чешском, словацком “sřp”, польском “sierp”, верхнелужицком, нижнелужицком “serp”, полабском “sårp”. Праславянская основа *sьgrь родственна латышским sirpis, sirps "серп", греческому “ἀρπῆ” – то же, “ἀρπάζω” "хватаяю, похищаю, граблю", “ἀρπάγη” "мотыга", латинским sagriō, sagrō "подрезаю лозу", древневерхненемецкому saŕf, средневерхненемецкому saŕph "острый, грубый, жестокий, дикий" [Фасмер 1996 т.3: 609].

Во французском языке слову «серп» соответствует слово faucille (f) [Русско-французский словарь Электронный ресурс], которое имеет значения: инструмент узкой формы, металлическая гладкая пластина полукруглой формы и с деревянной ручкой, служит для резки травы или злаковых растений, люцерны для кроликов, используется для резки в хозяйственных целях [Толковый словарь французского языка Электронный ресурс].

В этимологическом словаре французского языка мы читаем следующую информацию о происхождении этого слова: оно стало употребляться во французском языке с XII века, имея значение «серп». Является заимствованием из латинского языка, в котором существовало слово falcicula, имевшее значения: садовый нож, серп [Gamillscheg т.1: 417].

В армянском языке русскому слову «серп» соответствует номинация подобного орудия труда (mangagh). Оно связано, вероятно, с другим армянским словом (morg'el), обладающим значением «резать» [Армянско-русский, русско-армянский словарь Электронный ресурс].

В латинском языке серп – falx, falcula, harpe. Слово “falx” обладает значениями:

- 1) серп, коса;
- 2) садовый нож ;
- 3) серп на боевой колеснице;
- 4) стенобитный багор с серповидным крюком (*осадное орудие*).

У слова “falcula” есть следующие значения:

- 1) небольшой **серп** или садовый нож ;
- 2) кривой коготь.

А у слова “hamre” отмечаются следующие значения:

- 1) **серп** ,
- 2) (*лат. hamatus ensis*) кривая сабля ;

3) гарпа, разновидность сокола (предпол. *Faleo gentilis*) [Русско-латинский, латинско-русский словарь Электронный ресурс].

В венгерском языке русскому слову «серп» соответствует слово “sarlo”, которое имеет значение «серп как орудие труда», причем в венгерском языке “sarok” – это угол. Так что в этом слове сохранилась информация о форме серпа [Гуськова 2004: 504].

Сравнив полученную информацию из словарей, можно определить в качестве универсального значения в исходном русском слове и его переводных вариантах из родственных и неродственных языков значение «орудие труда не прямой, загнутой формы для резки». Среди общих значений для индоевропейских языков: русского, французского, армянского и латинского можно перечислить такие значения, как: «садовый нож, используемый для резки в основном травы». Среди специфических значений можно назвать в русском языке: черный большой стриж, осот, желтая краска, месяц август. А в латинском языке: коса, стенобитный багор, кривой коготь, кривая сабля, разновидность сокола. Подобная информация окажет переводчику неоценимую помощь в интерпретации специфических культурных номинаций переводимых слов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ Список

Балмагамбетова Ж.Т. Лингвокультурологические проблемы перевода [Электронный ресурс]. URL: .

http://www.rusnauka.com/2_KAND_2009/Philologia/39623.doc.htm (дата обращения: 20.02.2012).

Гуськова А.П. Венгерско-русский и русско-венгерский словарь. – Мн.: Новое знание, 2004.- 456с

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

[Электронный ресурс]. URL: <http://dal.slovaronline.com/C/СѢ/37766-SERP> (дата обращения:20.02.2012).

Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28534> (дата обращения: 20.02.2012).

Русско-армянский, армянско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibice.com.ua/ru/services/dictionary/> (дата обращения: 20.02.2012).

Русско-латинский, латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://radugaslov.ru/latin1.htm> (дата обращения: 20.02.2012).

Русско-французский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com/ru/> (дата обращения: 20.02.2012).

Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М: Гнозис, 2003. – 160 с.

Сорокина Э.А. Теория перевода (история отечественного перевода). – М.: Академия, 2008. – 168 с.

Толковый словарь французского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/faucille> (дата обращения: 20.02.2012).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.- СПб.: Азбука, 1996.

Gamillscheg E. Ethymologisches Woerterbuch der franzoesischen Sprache.- Heidelberg: Language, 1997 – In 2 Baendern.

Разумкова Н.В.

Тюмень, Россия

**ОСОБЕННОСТИ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ 'ЦВЕТ' В
РУССКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Razumkova N.V.

Tyumen, Russia

**FEATURES OF CONCEPTUAL
STRUCTURE 'COLOURS' IN
CULTURES OF RUSSIAN AND
ITALIAN LANGUAGES**

Аннотация. Статья посвящена изучению цветовой картины мира в русском и итальянском языках на материале фразеологического фонда. На примере концепта 'зеленый' рассматриваются зоны этноприоритетов для каждого народа.

Ключевые слова: *зеленый, концепт, лингвокультура, фразеологизм, эквивалентность.*

Abstract. The paper studies the color picture of the world in Russian and Italian languages on the material of phrases. For example of the concept 'green' specific features of color perception are considered for each nation.

Keywords: *green, concept, linguistic culture, idiom, equivalence.*

Сведения об авторе: Разумкова Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625048, г. Тюмень, ул. Республики, 94, к. 180.
e-mail: 18nadezhda3@mail.ru

About the Author: Razumkova Nadezhda Vassilyevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Linguistics.

Place of employment: Tyumen State University.

Феномен цвета характеризуется как результат сложного и многоуровневого взаимодействия объективных и субъективных факторов и условий зрительного восприятия. С древних времен цвет выражает высшую силу, визуально являемую себя людям. Жизненно необходимый, цвет становится символом социально-политических структур, определенных идей, морально-этических категорий, вечных начал. Цвет питает тело, поддерживает душу, включен в культурные традиции, связан с психогенетическим кодом человека. Так, хроматический тест позволяет за считанные минуты по характеру предпочтений вычислить то интимно-внутреннее, о чем и не догадывался сам человек.

В данной статье мы планируем показать, во-первых, глубокую и неслучайную связь колористики с различными пластами сознания и общественно-культурной жизни народов, проживающих в разных гео-

графических ареалах; а во-вторых – выделить и проанализировать на примере фразеологизмов лингвистический аспект цветового символизма. Понимание природы и сущности человека требует перевода веками накопленных знаний на язык новой научной парадигмы – антропоцентризма. Когнитивно-семантический подход позволяет установить набор прагматических критериев и оценок, с которыми представитель той или иной лингвокультуры подходит к жизненным ситуациям, включая мотивы, определяющие его поступки.

В национальных культурах могут быть разные ассоциативные шаблоны цвета. Внедрение в современную науку термина ‘концепт’ позволяет вывести систему ценностей национальной лингвокультуры, так как концепты передают не только существенные признаки предмета, но и хранящиеся в памяти этноязыкового коллектива ассоциации, социально-культурные предпочтения, эмоции, образы, оценки. Из многих существующих определений концепта мы принимаем следующее: «Концепт – сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [Прохоров, 2010, с. 138].

Как известно, человек привык жить «половодьем чувств». Это нашло свое отражение в разных формах языкового творчества: метафорах, устойчивых словосочетаниях, сравнительных оборотах, фразеотекстах. Впечатления, наполненные игрой цвета и света, отражаются в сознании и памяти человека – так возникает лингвоцветовая картина мира.

Вербализованный во многих фразеологических оборотах концепт ‘цвет’ дает код к расшифровке национально-культурной специфики этнической среды. Цветовые концепты содержат информацию о собственно цветовом признаке и различных смыслах, относящихся к нему. Символика цвета весьма значима в контексте ментально-личностной сферы человека. Сопоставление цветовых слов, эквивалентных друг другу в разных языках, позволяет выявить соотношение этноприоритетов и этностереотипов в лингвоцветовой картине мира. Практическая ценность изучения данной проблемы видится в том, что широкое использование цвета в современных средствах коммуникации и обработки информации ставит многие задачи, например, предотвращение возможных трудностей, возникающих в процессе меж-

дународного общения. Максимальное приближение к “языку цветов” поможет обогатить восприятие и сознание, открыть новые краски мира.

В круг решаемых задач входит: определить корпус колоративных фразеологизмов путем сплошной выборки из интернет-источников; охарактеризовать общее и специфическое в семантической структуре колорем, обусловленное этнопсихологическими установками носителей языков.

Спектрально-структурированное поле цвета является отражением универсальной модели цветовосприятия народа. Традиционно наибольшая оценочная нагрузка ложится на обозначения основных цветов радуги и резко снижается у наименований оттенков.

В предлагаемой работе исследовательская зона ограничена фразеологическими единицами с компонентом ‘зеленый’ в русском и итальянском языках [Электронный ресурс].

Эффективность, как и адекватность выбора цветового концепта в качестве предмета анализа, обусловлена его объективной физической характеристикой: зеленый цвет происходит от слияния синего и желтого тонов. Из научных трудов психологов известно, что зеленый – самый спокойный, консервативный цвет ньютоновского ряда. К положительным характеристикам относят концентрацию внимания, стабильность, прогресс, обязательность, настойчивость, выдержку, самооценку. В медицинском плане зеленый обладает снотворным действием, устраняет спазмы сосудов, понижает капиллярное давление, служит болеутоляющим средством, предотвращает рвоту, используется при лечении истерии и клаустрофобии. В негативном аспекте зеленый связан с эгоизмом, ревностью, ипохондрией. По словам В. Кандинского, в зеленом скрыты “парализованные силы” синего и желтого тонов. «Довольный собой, он похож на здоровую, неподвижно лежащую корову. Девиз этого цвета: положение обязывает» [Драгунский, 2007, с. 144-156].

Психологическая субстанция зеленого участка спектра превращается в систему этноориентированных символов и социальных регулятивов. Лабильность цветового мира рельефно проявляется в этимологической, аксиологической, коннотативной структуре цветового концепта.

Сравнение этимологии номинаций зеленого цвета в генетически родственных языках дает интересные результаты. Термин ‘зеленый’

восходит к индоевропейскому *g'hel-, имеющее значение «желтый», «зеленый», «синий», «серый». Ср.: *чеш.* Zeleny, *лит.* zole – «трава, зелень», *польск.* Zieleny, *авест.* Zairi – «золотистый». В русском языке имеется существительное 'зелье', означающее «злак, зелень, траву».

В английском языке эквивалентом является **green**. Предположительно, данное прилагательное имеет связь с глаголом grow – «расти, прорасти, процветать». Это слово связывают непосредственно с формой индоевропейского корня *ghro- «выделяться, выступать» (о побегах, ростках). Согласно данным Словаря М.М. Маковского, установлена связь с и.-е. *gher- «гореть». Считалось, что зеленый цвет возник из красного. К тому же корню относится *др.-сев.* greni «ель» и grön «борода». (соотношение значений 'цвет' > 'волос': борода > символ сверхъестественной силы). Таким образом, зеленый цвет символизирует оберег, духовную чистоту [Маковский, 2000, с. 156-157]. В итальянском языке эквивалентом является **verde**, производное прилагательное от латинского **viridis** (зеленый) – цвет Венеры и Природы. Корневое гнездо формируют такие единицы, как vireo («быть зеленым, быть сильным»); vireo («зеленеть, крепнуть, укрепляться»); virgula («веточка»); virguncula («молоденькая девушка»); viridia («всходь»). “Энергетика” итальянского verde обусловлена его древней символикой, связанной с плодородием, молодостью, бодростью, весной.

При сопоставлении концептуальной структуры колоратива в русской и романской лингвокультурах было отмечено, что этнопредставления о зеленом как различаются, так и имеют зоны соответствий. Общие колористические склонности проявляются в следующих позициях. 1. Обозначение центрального участка спектра в толковых словарях сопоставляемых языков имеет прототипом цвет травы и листьев. 2. Устойчива связь с растениями: «зеленые насаждения», «зеленые легкие планеты», «зеленая неделя, «зеленые святки». 3. Цвет ассоциируется с молодостью, незрелостью: «молодо-зелено», «зеленый юнец», т.е. человек, не имеющий жизненного опыта. 4. Цвет маркируется кулинарными блюдами, приготовленными из овощей: «зеленые щи», «зеленый салат», «зеленые овощи». 5. Манифестируется непосредственное отношение цвета к охране окружающей среды: партия «Зеленые» в России и Европе, зеленые значки, свидетельствующие об экологичности продуктов. 6. Наличествует ассоциативная связь с понятиями 'весна', 'надежда', 'свежесть'. Ср: синестетическая метафора

«зеленый шум» (пробуждение природы весной), названия ароматов косметических изделий «зеленое яблоко», «зеленый чай».

В плане несоответствий обращают на себя внимание следующие моменты. 1. В русском языке упоминание цвета встречается во фразеологизмах, имеющих отрицательную коннотацию: «тоска зеленая», «скука зеленая», «зеленый змий» (алкогольная зависимость). Последнее выражение возникло на основе фольклорного оборота «зелено вино». Возможно, осознав вред хмельного напитка, славяне стали его называть «зеленым змием». 2. В Италии зеленый цвет является любимым. Феномен этнопriorитета изначально зародился под влиянием радующей глаз обильной средиземноморской растительности. Источник зелени – многочисленные виноградники, лужайки, горные долины, заросшие сочной растительностью. Зеленым в итальянском языке может быть весьма многое: свежесрубленная древесина / *legna verde*; бодрая старость / *vecchiaia verde*; крепкое здоровье / *avere del verde*; «зеленые воротнички / *coletti verdi*» (сельскохозяйственные рабочие). Обладающий качеством доминантности, зеленый цвет отражен в политической символике Италии: левая вертикаль триколора на флаге (зелено-бело-красный). 3. Кроме того, нашел отражение латинский “след” фразы «*pectora felle virent* / грудь богини Зависти зелена от желчи» в итальянском фразеологизме *essere verde di invidia* / позеленеть от зависти. Примечательно, что в русской лингвокультуре зеленый цвет ассоциируется с другой эмоцией – «позеленеть от злости».

Таким образом, изучение и интерпретация смыслового содержания микроконцепта ‘зеленый’, запечатленного в идиомах, добавляет новые штрихи к лингвоцветовой картине мира в целом. Цветоцентризм в данных лингвокультурах продуцирует явление лакунарности некоторых участков концептуальной структуры. В русской лингвокультуре предикат ‘зеленый’ часто получает отрицательную окраску, релевантную вкусовым ощущениям горечи. В итальянской лингвокультуре, ориентированной гедонистически (концепт ‘*dolce vita* / сладкая жизнь’ весьма значим), зеленый цвет не сопрягается с негативными коннотациями. Однако необходимо отметить, что горький смех или кривая улыбка итальянца получают цветовую характеристику: *ridere verde*, а француз воспринимает притворный смех в желтых тонах – *rire jaune*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Драгунский В.В. Цветовой личностный тест: практическое пособие. – М.: АСТ, 2007. – 448 с.

Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. – М.: Диалог, 1999. – 416 с.

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. –176 с.

Мультитран: онлайн-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multitran.ru>.

Садыхова Г.С.

Баку, Азербайджан

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С
КОМПОНЕНТОМ «DIEU-БОГ»
ВО ФРАНЦУЗСКОМ И
РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы, содержащие лексему «dieu-бог» во французском и русском языках. Рассматривается этимология слова, примеры классифицируются в соответствии с их структурой.

Ключевые слова: фразеология, бог, dieu

Sadikhova G.R..

Bakou, Azerbaidjan

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH
COMPONENTS "DIEU-GOD" IN
FRENCH AND RUSSIAN**

Abstract. The article deals with idioms containing token «dieu-god" in French and Russian. We consider the etymology, examples are classified according to their structure.

Keywords: phraseology, God, dieu

Сведения об авторе: Садыхова Гюльнара Рагимовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка

Место работы: Азербайджанский Университет Языков

Контактная информация: AZ1000, Азербайджанская Республика, г.Баку, ул.

28 Мая, дом 14, кв.33

e-mail: gulnarasadiq.70@mail.ru.

About the Author: Sadikhova Gulnara Ragimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of lexicology et stilistics

Place of employment: Azerbaidjan University of Luanguages

Фразеология - наука, сформировавшаяся как самостоятельная лингвистическая дисциплина в XX веке, хотя идиоматические выражения в языке формировались испокон веков, проблема заключалась в том, что они не являлись объектом специального изучения. Именно фразеология является той областью языкознания, где ярче всего отражается национальная специфика языка, а сопоставительная фразеология позволяет нам увидеть насколько схожи или различны образы, послужившие для образования того или иного фразеологизма. Как известно, религия является одним из основных источников фразеобразования во многих языках мира. Одной из самых активных фразеобразующих лексем является слово «бог». Объектом исследования данной статьи являются фразеологизмы с компонентом «dieu» - «бог» во французском и русском языках.

В.Даль дает следующее определение изучаемому нами слову: «Бог-Творец, Создатель, Вседержатель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Создатель Вселенной». [В.Даль 1903:258]. Существуют и другие схожие формулировки. Но учитывая крайнюю сложность и многообразие понятия Бога, мы полагаем, что невозможно дать такое определение слову „Бог“, которое бы включило в себя все значения этого слова. Обратимся к этимологии слова. Русское слово «Бог» (<*bogъ) имеет общеславянское происхождение и родственно иранскому *bagā* и санскритскому *bhagā* «податель благ». С другой стороны, оно тесно связано с достаточно древней производной лексикой, обнаруживающей исходное значение «богатство» — **bogaty*, **ubogъ*, а через неё - с индоевропейской лексикой, обозначающей *доля, делить, получать долю, наделять* (Этимологический словарь славянских языков. с.161). Мнение о заимствовании славянского слова из иранских языков не является общепризнанным. В частности, Фасмер не считает гипотезу о заимствовании убедительной [Фасмер 204:181-182].

Эквивалентом слова «бог» во французском языке является слово «*dieu*». Сначала во французском языке слово выглядело как «*Deo*», далее, в 842 г. оно трансформировалось в *Deus*, *Deu*, в XI-XII вв. слово было зарегистрировано в его современном виде - *Dieu*. Восходит это слово к индоевропейскому корню *dei* - блестящий, позже, в результате семантической эволюции, *dei* превращается в *deiwo* и *dyew*, что означало сверкающее небо, а также все, что на нем находится [Rey 1994:602]. И во французском и в русском языках мы обнаружили большое количество фразеологизмов со словом «бог», семантика и стилистика которых представляют большой интерес как в диахронном, так и в синхронном аспекте. Большое количество фразеологизмов имеют эквиваленты в сопоставляемом языке, но имеются также фразеологизмы, которые зарегистрированы только во французском или только в русском языке. Обнаруженные фразеологизмы можно классифицировать следующим образом:

1) номинативные фразеологизмы:

- *le bon dieu* – божок, кумир: «*Le visage de « Presse-Pourrie » s'éclaire : Paulette, c'est sa fille unique, son bon dieu (J.P. Chabrol, La Dernière cartouche);*

- *le bon Dieu*:

1.боженька: «Il parlait toujours du *bon Dieu*: car il était très pieux... »(R.Rolland, L'Aube) ;

2.причастие, святые дары. Данный фразеологизм лежит в основе следующих:

- *bête à (du) bon Dieu* :

1)божья коровка: « En un mot le scorpion de Clochemerle, mais un scorpion camouflé en *bête à bon Dieu* » (G. Chevallier, Clochemerle).

2) добрый и доверчивый до наивности человек: «C'est que vous le connaissez, vous savez quelle *bête à bon Dieu* ça fait...A force d'être bon il en devient innocent» (A.Dodet, Jack).

В русском языке о таком человеке говорят: *Божий одуванчик*: «Живет там старушка - *божий одуванчик*» (фильм С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»). Фразеологические синонимы данного фразеологизма: *brebis du bon Dieu, créature du bon Dieu*;

- *mangeur de bon Dieu* - ханжа, святоша;

- *la maison de bon Dieu* – приветливый, гостеприимный дом;

- *la maison de Dieu* – дом *божий*, церковь, храм;

- *la maison de Dieu où l'on ne boit ni ne mange* – здесь среди зимы снегу не выпросишь (о негостеприимном доме);

- *bienfaits des dieux* – дары богов;

- *bras (main) de Dieu* – рука *божия*, провиденье;

- *breuvage des dieux* – *божественный напиток*;

- *ennemi de Dieu* – *безбожник*;

- *homme deDieu* – 1)священник; 2) набожный, благочестивый человек;

- *denier à Dieu* – раньше слово обозначало «приплату на богоугодные дела, при совершении сделки. В настоящее время обозначает: 1)чаевые; 2) задаток;

- *dieu tutélaire*:

1. святой покровитель, именем которого названо данное лицо;

2. добрый гений: «Ah! Figaro, mon ami, tu seras mon ange, mon libérateur, mon *dieu tutélaire*» (Beaumarchais, le Barbier de Séville);

- *maître après Dieu* – второй, самый главный после бога;

- *pain de la parole de Dieu* – христианское учение;

- *sourd à n'entendre pas Dieu tonner* – глух как тетерев;

- *beau comme un dieu* – *красив как бог*.

2) междометные фразеологизмы:

- *bon Dieu!* – *боже мой!*, *о господи!*;

- *Dieu du bon Dieu!, bon Dieu de bon Dieu! Corps Dieu!* – черт!
тысяча чертей!;

- *il n'y a pas de bon Dieu!* – проходи, проходи, бог подаст!;

- *que le bon Dieu le bénisse!* – 1) да благословит его бог! 2) ну его!
бог с ним!;

- *avec l'aide de Dieu* – с божьей помощью;

- *comme il plait à Dieu* – как бог на душу положит;

- *ce n'est pas Dieu possible* – божже! Неужели?: «*Est-ce Dieu possible d'en être réduit à cette misère?* » (E.Zola, *Germinal*);

- *c'est un Dieu!* – волшебник!;

-*Dieu vous (soit en) aide!* – да поможет вам бог! бог в помощь!;
(*Allah kötəyiniz olsun!*)

-*Dieu merci et (a) vous!*- спасибо вам на это;

- *à Dieu ne plaise!* - божже упаси!, божже сохрани!;

-*Dieu m'est (m'en est) témoin!* - бог мне свидетель!;(*Allah şahiddir!*)-*Dieu sait (où, comment)* - бог знает, бог весть где, как, что:
«Пустите, пустите руки, бесстыдник, а то граф бог знает что подумает!
Отстаньте!»(А. П. Чехов «Иванов»)

(*Allah bilir(harda, necə)*)

-*Dieu le veuille!* - если на то будет божья воля!; бог даст! (*Allah qoysa*)

- *grand Dieu!* – великий божже! Божже мой!;(*Allahım!*)

- бог с вами (с тобой)!

3) предикативные фразеологизмы:

- *avoir le bon Dieu dans sa poche* – быть с богом на ты: «Je ne m'étonne pas des gens qui cherchent à expliquer l'incompréhensible, mais de ceux qui croient avoir trouvé l'explication, de ceux qui *ont le bon Dieu dans leur poche* » (G.Flaubert, *Correspondance*);

- *porter le bon Dieu* – соборовать;

- *recevoir le bon Dieu* – принимать святые дары, причащаться;
собороваться;

- *manger le bon Dieu* :

1.причащаться: «Ah bah! Ils sont tous sortis. Madame Couture et sa jeune personne sont allées *manger le bon Dieu* à Saint-Etienne... » (H. de Balzac, *Le père Goriot*),

2.молиться: «Les Lorilleux, sans aller *manger le bon Dieu* dans les églises, se piquaient la religion » (E.Zola, *l'Assommoir*);

- *comme le bon Dieu vous a fait* – в чем мать родила: «Il y faisait une chaleur de paradis, on aurait pu y vivre *comme le bon Dieu vous a fait*» (E. Triolet, Les Amants d'Avignon).

- *on lui donnerait le bon Dieu sans confession* – он живым в рай попадет: «Imaginez-vous une gamine, si petite, si délicate, blonde et rose comme un petit ange, et douce avec ça, d'une douceur de Sainte-n'y-touche *à lui donner le bon Dieu sans confession* (E. Zola, La bête humaine);

- *juré (sur) ses grands dieux* – клясться всеми святыми, божиться : «Le maire et le juge de paix *jurèrent leurs grands dieux* que le citoyen Baujard n'avait jamais mis les pieds à Souilly » (A. Theuriet). Выражение ведет свое начало от античного мира. Древние греки и римляне делили богов на великих (олимпийских) и на малых. Когда клялись великими богами, то клятва считалась более торжественной и священной; обещание, данное под такую клятву, подлежало обязательному выполнению.

- *être abimé en Dieu* – находиться в состоянии религиозного экстаза;

- *être beni des dieux* – быть баловнем судьбы;

- *faire à Dieu barbe de feurre* – непочтительно отзывать о религии;

- *se faire un dieu de son ventre* – предаваться чревоугодию;

- *se perdre en Dieu* – уйти в молитву;

- *tenter Dieu* – испытывать, искушать бога;

- *on n'entendrait pas Dieu tonner* – здесь такой шум, что хоть гром греми - не услышишь;

- *как бог на душу положит.*

4) паремиологические:

- *le Bon Dieu lui-même a besoin de cloches* – сам господь-бог нуждается в колоколах (и сильному человеку нужна помощь);

- *Dieu écrit droit avec des lignes courbes* (proverbe portugais) - Бог пишет правду кривыми буквами;

- *Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer* (Voltaire, Epitres) – *если-бы Бога не было, его нужно было придумать;*

- *aux audacieux Dieu prête la main*- смелым бог помогает;

- *à brebis tondue Dieu mesure le vent* – бог по силе крест налагает (Allah dağına baxıb gar yağdırar) : «Je me suis enrhumé horriblement les premiers jours de mon arrivée. Au reste, comme *à brebis tondue Dieu*

mesure le vent, je n'ai plus eu mes douleurs des que je me suis mis à tousser » (P. Merimée, *Lettres à une inconnue*);

- *ce que femme veut, Dieu le veut* – что хочет женщина, того хочет Бог;

- *chacun pour soi, Dieu pour tous* – каждый за себя, один Бог за всех;

- *Dieu donne le boeuf, et non pas la corne* – на бога надейся, а сам не плошай;

- *Dieu fait et défait le destin* – все от бога;

- *Dieu nous a (tous) pétris du même limon* – все мы одним миром мазаны;

- *Dieu nous préserve d'un et caetera de notaire* – избави нас бог от пуганицы;

- *Dieu est toujours pour les gros bataillons* – бог всегда на стороне сильных;

- *Dieu ne veut pas la mort du pécheur* – бог милостив к грешникам;

- *là où Dieu veut, il pleut* – на все божья воля;

- *l'homme propose et Dieu dispose* – человек предполагает, Бог располагает;

- *il y a un Dieu pour les ivrognes* – пьяного бог бережет;

- *il faut (il vaut mieux, mieux vaut) s'adresser à Dieu qu'à ses saints*

– лучше иметь дело с самим богом, чем с его святыми;

- *qui donne au pauvre (aux pauvres) prête à Dieu* – кто бедному дает, тому бог вернет;

- *à qui se leve matin, Dieu prête la main* – кто рано встает, тому бог подает;

- *secret de deux, secret de Dieu; secret de trois, secret de tous* – что известно троим, будет известно всему свету;

- *à toile ourdie Dieu envoie le fil* – была бы охота, а помощь найдется;

- *la voix du peuple est la voix de Dieu* – глас народа - глас божий;

Все вышеприведенные примеры являются широко распространенными и употребляемыми в современном французском и русском языках, что доказывает активность данной лексемы. И в заключении, нам хотелось бы затронуть вопрос о включении в состав фразеологии некоторых словосочетаний, которые, на наш взгляд не являются фразеологизмами. Обратимся к примерам: *dieu des Arts* - бог искусств, Апполон, Феб; *dieu de la guerre* – бог войны, Марс, Арес; *dieu des*

marchands et des voleurs – бог торговли и воров, Меркурий, Гермес; dieu des mers - бог моря, Нептун, Посейдон; dieu du sommeil - бог сна, Морфей; dieu du temps - бог времени, Сатурн, Хронос; dieu de la treille- бог вина, Бахус, Дионис; dieu des bergers - пастуший бог, Пан; dieu des enfers- бог преисподней, Плутон; dieu du feu et du métal – бог огня и кузнечного ремесла, Вулкан, Гефест. [Гак 1963: 349].

Мы полагаем, что вышеперечисленные слова являются названиями персонажей греко-римской мифологии, и могут расцениваться как имена собственные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- Гак В.Г. Французско-русский фразеологический словарь. – М., 1963 – 349 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. – М., 1903. – 258 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 1. - М., 2004. – С. 181-182.
- Этимологический словарь славянских языков. Вып. 2. - М., 1975. - С. 161
- Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. – Paris : Robert, 1994. – 602 p.

Скоробогатова Т.И.

Ростов-на-Дону, Россия

**ФАКТЫ И ПЕРСОНАЖИ
МИРОВОЙ ИСТОРИИ ВО
ФРАНЦУЗСКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ СЕКСУАЛЬНО-
ЭРОТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ**

Аннотация. В статье анализируются французские ФЕ сексуально-эротической сферы, в образном основании которых лежит какой-либо исторический факт, либо прослеживается связь с той или иной исторической личностью: *faire le salut hitlérien, le poilu de 14, faire Charlemagne* и др. Подтверждается продуктивность образования ФЕ на основе исторической метафоры и способность фразеологии адаптироваться к новым коммуникативным условиям за счет обогащения новыми оттенками значения, отражая видение образной основы ФЕ сквозь призму сексуальных установок, символов и стереотипов.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы сексуально-эротической сферы, французский язык, историческая память.

Сведения об авторе: Скоробогатова Таисия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии.

Место работы: Южный федеральный университет.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, Университетский, 93 к. 21.

e-mail: skorobogatova@sfedu.ru.

Skorobogatova T.I.

Rostov-on-Don, Russia

**FACTS AND CHARACTERS OF
THE WORLD HISTORY IN THE
FRENCH PHRASEOLOGY OF
THE SEXUAL AND EROTIC
SPHERE**

Abstract. The article presents the analysis of French phraseological units of the sexual and erotic sphere based on some historical fact or linked to one or another historical personality: *faire le salut hitlérien, le poilu de 14, faire Charlemagne*, etc. It is confirmed that the formation of phraseological units on the basis of the historical metaphor is productive and the phraseology is capable of adjusting itself to communicative conditions through gaining new shades of meaning reflecting the view of the figurative base in the light of the sexual attitude, symbols and stereotypes.

Keywords: phraseology, phraseological units of the sexual and erotic sphere, French language, historic memory.

About the Author: Skorobogatova Taisia Ivanovna, Candidate of Philology, Associated Professor of the Chair of Romance and Germanic Languages.

Place of employment: Southern Federal University.

Главный тезис антропоцентрической гуманитарной парадигмы о том, что человек со своими мыслями и чувствами есть главное действующее лицо в мире и языке, сегодня не вызывает дискуссий среди лингвистов. Однако нужно помнить и о том, что человек есть «существо историческое» (М.А. Барг), а историческое сознание представляет собой высшую духовную ценность человека. Особую значимость поэтому приобретает системное рассмотрение фразеологического фонда того или иного национального языка и фразообразования (т.е. возникновения фразеологизмов; терминовано В.В. Виноградовым) в более специальном смысле – в рефлексивной функции по отношению к исторической памяти.

В силу таких характеристик, как устойчивость и долгосрочность хранения, способность к исторической аккумуляции, ФЕ позиционируются нами как фразеологические мемы, а фразообразование включается в номенклатуру способов и форм фиксации исторической памяти. Фразеознаки, представляя собой результат освоения историко-культурного наследия, способны фиксировать факты исторической судьбы того или иного языкового сообщества и образовывать тем самым *особую форму существования этнической истории* [подробнее см. нашу работу: Скоробогатова 2009].

Тем более интересной является наша задача – выявить французские ФЕ сексуально-эротической сферы, в образном основании которых лежит какой-либо исторический факт, либо прослеживается связь с той или иной исторической личностью. Материалом исследования послужили французские ФЕ, эксцерпированные нами методом сплошной выборки из словаря А. Пьеррон *Dictionnaire des mots du sexe*, изданного в 2012 г. [Pierron 2012].

Как отмечает И. Кон, «французы издавна, как минимум - с эпохи Возрождения, имеют репутацию весьма сексуальной нации. Любовь и эротика для галантной Франции абсолютно естественны и органичны. <...> В ходе истории сексуальное поведение и ценности французов изменялись. Их поведение становилось более раскованным, а дискурс - более откровенным и, самое главное, более многообразным» [Кон 2007]. Это заявление находит подтверждение и в исследуемой нами группе ФЕ французского языка.

Выражение *des propos gaulois* (букв. галльские речи; дескриптор: игривые, нескромные речи) заняло свое место в любовно-эротическом лексиконе не только потому, что Франция (Галлия) имеет репутацию

страны веселости и вольностей благодаря Ф. Рабле (syn. *des propos rabelaisiens* – букв. раблезианские речи), но и потому, что топоним *la Gaule* фонетически и орфографически совпадает с арголизмом *gaule (f)* – пенис [Pierron 2012: 518].

Слова Людовика XIII (1601 – 1643), ставшие proverbiallyми, *Montpellier, ton mont sera pillé!* (букв. Монпелье, твоя гора будет разграблена!) были произнесены королем во время осады города Монпелье, оплота гугенотов, в 1622 г. и получили во французском языке эротический подтекст не только из-за репутации женщин этого города, часто открывавших двери своих спален студентам-медикам (Медицинский факультет Монпелье – старейший в мире медицинский факультет, который продолжает функционировать и в наши дни; в Монпелье в разное время учились Нострадамус, Т. Ренодо, французский анатом Сильвиус, швейцарский врач и анатом Платтер и др.), но и потому, что обозначения пениса в фамильярно-разговорном французском языке часто включают лексему *mont* (гора): *le mont pelé, le mont chauve, le Mont-Blanc*. Этимологически астионим *Montpellier* восходит к *mons pistillarius*, что значит *montagne des épiciers* – гора торговцев пряностями, лекарствами [Pierron 2012: 525].

Ассоциации с красным цветом фригийского колпака, одного из национальных символов Франции, породили новое значение оборота *un bonnet phrygien* (букв. фригийский колпак; дескриптор: пенис после соития с менструирующей женщиной) [Pierron 2012: 529].

В основе образа выражения *faire le salut hitlérien* (букв. сделать гитлеровское приветствие; дескриптор: находиться в состоянии эрекции) лежит жест, сопровождаемый восклицанием *Heil Hitler!* и состоящий из поднятия правой руки под углом в 45 градусов с распрямлённой ладонью, которым нацисты приветствовали друг друга [Pierron 2012: 385].

Ligne Maginot (букв. линия Мажино; дескриптор: женский половой орган): линия Мажино – это система французских укреплений, на границе с Германией, построенная в 1929 – 1934 гг., протяженностью около 400 км, в состав которой входили оборонительные укрепления, бункеры, артиллерийские и пехотные блоки, казематы, блиндажи и наблюдательные пункты. Названа так по имени военного министра Франции того времени Андре Мажино (1877 – 1932), инициатора создания этой оборонительной системы. Многие историки считают, что создание линии Мажино было крупной ошибкой и что она не могла

выполнить свою задачу [Pierron 2012: 386]. Во фразеологии сексуально-эротической сферы эта система ассоциируется с препятствием, которое нужно преодолеть, но которое может оказывать лишь слабое сопротивление.

Оборот *faire la cour à la mousquetaire* (букв. ухаживать [за дамой] по-мушкетерски; дескриптор: говорить нежности на ушко женщине) напоминает о королевских мушкетерах, славившихся своим рыцарским отношением к женщине и многочисленными любовными подвигами [Pierron 2012: 388]. Напомним, что в царствование Людовика XIII часть французской гвардейской кавалерии, состоящая исключительно из дворян и составлявшая так называемую *maison militaire* - военную свиту короля, стала называться королевскими мушкетёрами (1622).

Выражение *Napoléon sur les remparts* (букв. Наполеон на укреплениях; дескриптор: мужская эротическая фантазия, заключающаяся в поочередных переходах от половой щели к анальному отверстию) связано с осадой Тулона (1793), во время которой генерал Бонапарт (1769 – 1821) переходил от одной амбразуры к другой [Pierron 2012: 388].

Военная метафора лежит в образном основании ФЕ *le poilu de 14 / le poilu de Verdun* (букв. пуалю 14 года / пуалю Вердена; дескриптор: лобок). Пуалю (букв. *волосатый, волосатик*) – шутовское прозвище французских солдат во время Первой мировой войны (1914 – 1918), полученное ими из-за своей запущенной шевелюры [Pierron 2012: 391]. Сражение при Вердене, длившееся более года, считается самым кровопролитным в истории Первой мировой войны: с обеих сторон погибло более 700 000 человек [Bologne 2007: 254]. 12 марта 2008 г. президент Франции Николя Саркози объявил о смерти последнего французского ветерана Первой мировой войны Лазаре Понтичелли.

18 июня 1815 г. французы потерпели поражение в битве при Ватерлоо: на поле битвы убитыми и ранеными легли 25 000 французов [Тарле 1992: 482]. *Waterloo morne plaine* (полный крах) – строчка из стихотворения цикла «Возмездие» В. Гюго. В исследуемой нами группе фразеологизмов *c'est le Waterloo* (букв. Это Ватерлоо) означает поражение на любовном фронте [Pierron 2012: 396].

Фразеологизм *faire Charlemagne* (букв. поступать, как Карл Великий; дескриптор: выйти из игры после выигрыша) обязан своим значением тому факту, что Карл Великий (742 – 814) ушел из жизни, сохранив все завоеванные им земли [Назарян 1978: 49]. Переосмысление

данного оборота привело к появлению нового значения – «выйти из состояния эрекции, не доставив удовлетворения женщине» [Pierron 2012: 297].

«Адамовы вечеринки» - *des repas adamiques* (букв. адамовы вечеринки; дескриптор: вечеринки, на которых все приглашенные гости обнажены) - изобретение кардинала Ришелье (1585 – 1642). На адамов ужин, организованный Ришелье, приходил сам король в сопровождении мадам де Помпадур [Pierron 2012: 542].

Оборот *serviette à Charlot* (букв. прокладка Шарло; дескриптор: гигиеническая прокладка) [Pierron 2012: 599] включает антропоним *Charlot* (Шарло), являющийся прозвищем французских палачей и восходящий к имени Шарля Сансона I (1635 - 1707), основателя династии палачей, которые исполняли приговоры в Париже с 1688 по 1847 гг. И его сын, и его внук также носили это имя – Шарль II (1681 – 1726), Шарль Великий (1739 – 1806), которому принадлежала честь казнить Людовика XVI [Радзинский 2006: 461-502]. С отменой во Франции смертной казни (18 сентября 1981 г.) исчезла профессия палача и угасла вторая известная династия палачей – династия Дейблеров (*Deibler*). Последний представитель этой династии Марсель Шевалье удалился от дел [Франция. Лингвострановедческий словарь 1997: 404].

С выходом на экраны турецкого сериала *Muhteşem Yüzyıl* («Великолепный век», 2011) и документального фильма *Soliman le Magnifique* («Сулейман Великолепный», 2012), который был просмотрен 3,5 миллионами французских телезрителей, ближе и понятней стал оборот *jeter le mouchoir* (букв. бросить платок; дескриптор: выбрать сексуального партнера / партнершу). В основе образа данного выражения лежит обычай султанов бросать свой носовой платок той наложнице, с которой султан хотел провести ночь [Pierron 2012: 608]. Павло Загребельный так описывает этот обычай в своем романе «Роксолана», рассказывающем о судьбе украинской девушки Анастасии Лисовской (в Европе известной под именем Роксоланы – *Roxelane*, а в Турции – *Хасеки Хюррем Султан*, 1506 – 1558), ставшей любимой женой Сулеймана Великолепного (1494 – 1566): «<...> возле повелителя мгновенно оказался кизляр-ага [старший евнух] и подал султану легонький платочек из цветастой кисеи. <...> Султан сидел на своем троне, такой же задумчивый и равнодушный, и пестрый платочек, поданный ему кизляр-агой, словно крыло убитой райской птицы, свисал с подлокотника трона. Султан <...> медленно встал, махнул слабо рукой, словно искал

в воздухе что-то невидимое. Кизляр-ага, мгновенно очутившийся возле Сулеймана, подхватил прозрачный цветастый платочек, оставленный султаном там, где он лежал, и пошел за своим повелителем, держась почтительно за его правым плечом. <...> Сулейман бродил среди полуоголенных девичьих тел <...>, неожиданно взмахнул правой рукой наискосок снизу вверх, кизляр-ага, бросившись на этот взмах, мгновенно вложил в султанову руку кисейный платочек <...>. Платочек, легкий, как паутинка, оставил на нежном плече той, кого весь мир вскоре назовет Роксоланой» [Загребельный 1993: 75-77]. В Турции платок (*мендил* - носовой платок; *яглык* - маленькая салфетка, украшенная по краям вышивкой) был знаком милости. Существовал также обычай, согласно которому подарок, вручаемый одним человеком другому, прикрывали платком.

Таким образом, фразеология сексуально-эротической сферы подтверждает продуктивность образования ФЕ на основе переосмысления тех или иных исторических фактов, свойственную французской фразеологии в целом, и способность последней адаптироваться к новым коммуникативным условиям за счет обогащения новыми оттенками значения, отражая видение образной основы ФЕ сквозь призму сексуальных установок, символов, стереотипов и свободно оперируя исторической метафорой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Загребельный П.А. Роксолана: роман: авториз. пер. с укр. – М.: Транспорт, 1993. – 592 с.
- Кон И.С. Сексуальное воспитание и профилактика ВИЧ во Франции [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly (Электронная версия бюллетеня «Население и общество»). - №289-290. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0289/reprod02.php>
- Назарян А.Г. Идиоматические выражения французского языка. - М.: Просвещение, 1978. - 159 с.
- Радзинский Э.С. Прогулки с палачом // Загадки истории. – М.: Вагриус, 2006. - С. 459-502.
- Скоробогатова Т.И. Французская фразеология в зеркале исторической памяти. - Ростов-на-Дону: Логос, 2009. - 212 с.
- Тарле Е.В. Наполеон. – М.: Пресса, 1992. – 640 с.
- Тимескова И.Н. Крылатые слова, их значение и происхождение. – Л.: Просвещение, 1974. – 231 с.: ил.

Франция: лингвострановедческий словарь / под ред. Л.Г. Ведениной. – М.: Интердиалект+: АМТ, 1997. – 1040 с.: ил.
Bologne J.-C. Qui m'aime me suit. Dictionnaire commenté des allusions historiques. – Paris: Larousse, DL 2007. – 303 p.
Pierron A. Dictionnaire des mots du sexe. – Paris: Balland, 2012. - 640 p.

Смолина Л.В.

Воронеж, Россия

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ЗНАЧИМОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО-
ОЦЕНОЧНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВО
ФРАНЦУЗСКОМ НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. В статье анализируются функции эмоционально-оценочных фразеологизмов, представленных в научно-популярных текстах. Образные эмоционально-оценочные ФЕ наряду с другими языковыми средствами участвуют в объективации научных реалий. Их использование позволяет снизить уровень абстракции изложения, обеспечивает необходимое для данного типа дискурса сочетание научности и занимательности, сохраняя при этом его информативную ценность для адресата.

Ключевые слова: эмоционально-оценочные фразеологические единицы, фразеологическое значение, коннотативная составляющая фразеологического значения, научно-популярный дискурс, семантико-когнитивные исследования.

Сведения об авторе: Смолина Людмила Валерьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Место работы: Воронежский филиал Российского государственного торгово-экономического университета.

Контактная информация: 394062, г. Воронеж, ул. Путиловская, д.13, кв. 4.
e-mail: smolina@inbox.ru.

Smolina L.V.

Voronezh, Russia

**FUNCTIONAL IMPLICATION OF
EMOTIVE AND EVALUATIVE
PHRASEOLOGICAL UNITS IN
FRENCH POPULARIZATION
DISCOURSE**

Abstract. The article focuses on functions of emotive and evaluative phraseological units represented in French popularization texts. Figurative emotive and evaluative phraseological units together with other means of language contribute to objectivation of science realities of current interest. Their use reduces abstraction in popularization texts, conduces to combination of scientific character and entertaining narrative necessary for this discourse, and preserves its informative value for the addressee.

Keywords: emotive and evaluative phraseological units, phraseological meaning, connotative component of phraseological meaning, popular science discourse, cognitive semantic studies.

About the Author: Smolina Lyudmila Valerievna, Senior Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Voronezh Branch of Russian State University of Trade and Economy.

В современном обществе в связи с возрастающими информационными потоками большое внимание уделяется изучению процессов переработки информации и способам её адекватной передачи адре-

ту. В связи с этим повышается интерес к такой разновидности научного дискурса как научно-популярный дискурс, когнитивно-коммуникативной задачей которого является популяризация научного знания с учетом профессиональной и коммуникативной компетенции субъектов дискурса. Реализация этой задачи связана, в частности, с выбором оптимальных лексико-грамматических средств.

Проведенный нами анализ лексического состава корпуса текстов, репрезентирующих научно-популярный дискурс, показал, что одной из специфических черт лексики данного вида текстов является присутствие в них фразеологических единиц (ФЕ) эмоционально-оценочного характера, не входящих в репертуар типичной для научного дискурса фразеологии, к которой традиционно относят общенаучные, междисциплинарные, специализированные составные термины, различного рода клише [см. Митрофанова 1973, Новиков Богословская 2003, Tutin 2007].

В связи с тем, что эмоционально-оценочные фразеологические единицы не входят в ядро лексики научного дискурса и его разновидностей, особый интерес для исследования представляет функциональная значимость данных ФЕ для решения основной коммуникативной задачи научно-популярных текстов – передачи научного знания массовому адресату.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить функции эмоционально-оценочных фразеологизмов, представленных в научно-популярных текстах, в объективации актуальных научных реалий. В рамках поставленной цели также решается задача определения семантических составляющих эмоционально-оценочных фразеологизмов, и, прежде всего, коннотативной составляющей их семантики.

Материалом для исследования послужили контексты употребления фразеологических единиц, полученных методом сплошной выборки из французских научно-популярных текстов.

Исследование научно-популярных текстов, в которых присутствуют контексты употребления эмоционально-оценочных ФЕ, показало, что ФЕ соотносятся с различными областями актуальных научных исследований, что позволило нам выявить несколько семантико-когнитивных групп–макропарадигм (физическая, космическая, медицинская, экологическая, историко-культурная, информационная), которые в той или иной степени соотносятся с принятой в современном научном мире специализацией наук. Каждая макропарадигма не-

однородна по своему составу и включает в себя разное количество семантико-когнитивных субпарадигм, которые в свою очередь, также конституируются определенными элементами – фразеологическими единицами.

Рассмотрим структурно-семантические признаки фразеологических единиц, представленных в научно-популярных текстах, и их роль в объективации актуальных научных реалий на примере физической макропарадигмы. Данная семантико-когнитивная группа была выбрана нами для изучения, поскольку исследования в области физики актуальны для развития современной науки, что подтверждается большим количеством публикаций по этой тематике в научно-популярных изданиях. Результаты физических исследований регулярно освещаются в средствах массовой информации и вызывают интерес массового читателя. Данная макропарадигма представлена следующими когнитивными субпарадигмами: «элементарные частицы», «различные виды энергии», «наночастицы». Контексты употребления ФЕ, представляющих физическую макропарадигму, содержат обозначения следующих реалий современной науки:

1) субпарадигма «элементарные частицы»: «стандартная модель» (*le modèle standard*), «ускоритель частиц» (*accélérateur de particules*), «ядро никеля 48» (*noyau de nickel 48*), «частица» (*particule*), «столкновения частиц» (*collisions des particules*), «электрон» (*électron*). «протон» (*proton*)

2) субпарадигма «различные виды энергии»: «солнечная энергия» (*énergie solaire*), «возобновляемый источник энергии» (*source d'énergie renouvelable*), «плутоний» (*plutonium*), «ядерный» (*nucléaire*)

3) субпарадигма «наночастицы»: «электронный элемент» (*composants électroniques*), «графен» (*graphène*), «электронные свойства» (*propriétés électroniques*)

Особенностью употребления входящих в состав физической макропарадигмы ФЕ является то, что в когнитивном пространстве высказываний (текстов), объединенных общей тематической рубрикой «Физика», они наряду с другими языковыми средствами участвуют в объективации актуальных реалий из данной области научного знания. Например, “...dans cette profusion, un noyau de nickel 48, s’il existait, devait se distinguer comme un mouton noir au milieu d’un troupeau... - ... в этом изобилии ядро никеля 48, если бы оно существовало, отличалось бы как черная овца в стаде; “*Le plutonium est né sous une mauvaise*

étoile. - Плутоний родился под несчастливой звездой.

Рассмотрим более подробно семантическую структуру ФЕ, образующих физическую макропарадигму. Денотативно-сигнификативные компоненты значения ФЕ, образующих данную группу, характеризуются гетерогенностью, не позволяющей вычлнить среди них группы фразеологизмов с общим денотатом.

Для нас большой интерес представляет анализ коннотативного плана значения данных ФЕ, поскольку ФЕ не только отражают объективное содержание, но и дают экспрессивную оценку обозначаемому. Все ФЕ, представляющие данную семантико-когнитивную подгруппу, можно отнести к образным фразеологизмам, поскольку они характеризуются семантической двуплановостью, т.е. их значения могут быть противопоставлены значениям их прототипов – современным, бывшим или теоретически возможным. В силу своей образной основы, данные ФЕ являются в значительной степени экспрессивно-эмоциональными и стилистическими средствами выражения.

Анализ эмоционально-оценочного компонента значения ФЕ, образующих физическую макропарадигму, показал, что они образуют три группы по признаку выраженности и направленности аксиологических характеристик: ФЕ с мелиоративным оценочным значением, выражающие эмоции одобрения; ФЕ с пейоративным оценочным значением, выражающие эмоции неодобрения; и ФЕ с амбивалентным оценочным значением (т.е. фразеологизмы с двузначным оценочным зарядом, которые в разных контекстах могут реализовывать положительный или отрицательный знак; их положительная или отрицательная сема будет носить окказиональный характер) либо оценочно нейтральные в зависимости от контекста.

Для определения эмоционально-оценочной характеристики того или иного фразеологизма мы опирались на словарные пометы, анализ дефиниций, выявление идентификаторов пейоративной или мелиоративной оценочности (семантика слов, входящих в дефиницию, семантика отдельных компонентов, значение прототипа в целом). Количественное соотношение этих трех семантико-тематических групп ФЕ с различными видами оценочного значения может быть отражено следующим образом:

- ФЕ с пейоративным оценочным значением (28%): например, *mouton noir; oiseau rare; être né sous une mauvaise étoile;*

• ФЕ с мелиоративным оценочным значением (46%): например, *coup d'éclat; marquer d'une pierre blanche; ouvrir une fenêtre sur qch; donner un coup de pouce; être couronné de succès;*

• ФЕ с амбивалентным оценочным значением (27%): например, *voir le jour; coup de théâtre; les paris sont ouverts.*

Таким образом, физическая макропарадигма представлена ФЕ различной аксиологической направленности с преобладанием фразеологизмов с положительной оценочностью. Доминанта ФЕ с мелиоративным значением объясняется, на наш взгляд особенностями содержания текстов, представляющих тематическую рубрику «Физика», где в основном сообщается о новых достижениях и направлениях в развитии данной области науки, преимущественно в позитивном контексте.

ФЕ могут ослаблять своё оценочное значение, реализуясь в контексте. Например, фразеологизм *mouton noir*: образ, заложенный в прототипе и вызывающий негативное эмоционально-оценочное отношение («несоответствие норме») разворачивается в сравнение: «...dans cette profusion, un noyau de nickel 48, s'il existait, devait se distinguer comme un mouton noir au milieu d'un troupeau...». Таким образом, фразеологизм выполняет скорее изобразительную функцию, придавая наглядность описанию физического феномена.

В высказывании «*Le désespoir commençait à envahir les équipes qui se relayaient jour et nuit sur l'expérience pour guetter l'oiseau rare parmi les mille milliards de particules produites chaque seconde. - Отчаяние начинало охватывать команды, которые сменяли друг друга днем и ночью, не прекращая эксперимента, чтобы постеречь редкую птицу среди тысяч миллиардов частиц, производимых каждую секунду*» ФЕ *oiseau rare* ("редкая птица", необыкновенный, странный человек; редкая вещь (*часто ирон.*) теряет свою ироническую эмоционально-оценочную окраску; актуализируя значение одного из компонентов – прилагательного *rare* («редкий»). В результате ФЕ *oiseau rare* выступает как средство иллюстрации, доступного разъяснения незнакомого читателю физического явления. С другой стороны, эмоционально-экспрессивный потенциал данной ФЕ позволяет автору добиться желаемого эффекта максимально сжатыми средствами, входящими в когнитивный багаж читателя.

И наоборот, образность и оценочность фразеологизма могут усиливаться, например, за счет расширения компонентного состава.

Так, в состав ФЕ *ouvrir une fenêtre sur qch-* — дать представление о чём-либо вводится адъективное определение *nouvelle* («новый\ая») за счет чего общее положительное значение прототипа фразеологизма приобретает более высокую степень положительной эмоциональной оценочности, т.к. в научном мире стремление к новым открытиям вызывает реакцию одобрения: *«Lors de ces collisions, l'électron sonde le proton avec une résolution inédite, une résolution qui promet d'ouvrir une nouvelle fenêtre sur des phénomènes se produisant à l'échelle du dix-millième de proton.»* - Во время этих столкновений электрон зондирует протон с невиданной разрешающей способностью, которая обещает дать новое представление о явлениях (открыть новое окно), происходящих в масштабе одной десятичной протона).

Оценочное отношение предполагает существование объекта оценки, которому, как правило, приписываются определенные ценности. Анализ объектов оценки эмоционально-оценочных фразеологизмов показывает, что некоторые из научных реалий, присутствующих в научно-популярных текстах, объединенных тематической рубрикой «Физика», являются непосредственно объектом оценки в оценочной структуре высказываний содержащих ФЕ, представляющих в нашей классификации семантико-когнитивную физическую макропарадигму. К ним относятся реалии “ядро никеля 48” (*un noyau de nickel 48*), “элементарные частицы” (*des particules*), “разрешающая способность” (*une résolution*), “плутоний” (*le plutonium*). Таким образом, эмоционально-оценочные фразеологизмы непосредственно участвуют в объективации этих реалий. В других случаях научные физические реалии входят в контексты, в которых употреблены эмоционально-оценочные ФЕ, не являясь при этом непосредственным объектом их оценки, то есть фразеологизмы участвуют в их объективации опосредованно.

Среди представленных в изученных нами текстах эмоционально-оценочных фразеологических единиц актуализируются следующие основания (критерии) выражения оценочных отношений: интеллектуально-логический критерий, морально-этический критерий, эмоционально-психологический критерий, экстернальный критерий.

В оценочной структуре исследованных нами эмотивно-оценочных фразеологизмов преобладает эмоционально-психологический критерий оценки. Можно предположить, что подобная доминанта указывает на осознанную прагматическую установку автора: воздействуя на эмоционально-чувственное восприятие адреса-

та, подавать научную информацию в доступной, более привычной для адресата форме, сокращая пропорцию собственно научных, рациональных, интеллективных средств. Следует учитывать, что в процессах мышления рациональное неразрывно связано с эмоциональным. [Фомина 2006:20].

Эмоционально-оценочный компонент значения фразеологизмов тесно связан с экспрессивным компонентом. В группе исследуемых нами фразеологизмов экспрессивность, являясь одним из категориальных признаков фразеологических единиц, присуща всем без исключения ФЕ. Долинин К.А. понимает экспрессивность как такое свойство языкового знака, в силу которого он воспринимается деавтоматизированно, непосредственно воздействует на воображение адресата или на его эмоциональную сферу [Долинин 1987].

В числе ФЕ, представляющих физическую макропарадигму, присутствуют ФЕ, значение которых выражает высокую интенсивность действия, качества, состояния, содержащегося в дескрипции или образно-ассоциативном комплексе, связанном с мотивирующим основанием наименования. Выраженная экспрессивность достигается за счет элемента интенсивности, содержащегося в значении компонентов таких ФЕ, как *coup d'éclat* (поступок, наделавший много шума; достижение; успех), *coup de théâtre* (неожиданная развязка; сенсация; трюк). Лексема *coup* («удар; толчок; резкое движение»), частично десемантизируясь, актуализирует в данных ФЕ присущую ей сему интенсивности. Актуализация экспрессивного компонента коннотации фразеологизмов в научно-популярном тексте обеспечивает необходимое для данного типа дискурса сочетание научности и занимательности, образности изложения, максимально учитывая массового адресата данного вида текстов.

Таким образом, образные эмоционально-оценочные фразеологические единицы в научно-популярных текстах, объединенных тематической рубрикой «Физика», наряду с другими языковыми средствами участвуют в объективации актуальных научных реалий. Использование авторами научно-популярных текстов коннотативного и прагматического потенциала фразеологических единиц позволяет снизить уровень абстракции изложения, редуцировать собственно «научную» составляющую текста, сохраняя при этом его информативную ценность для адресата и придавая образность и экспрессивность высказыванию. Коннотативная составляющая значения ФЕ своеобразно реали-

зуется в научно-популярном тексте: образность, оценочность, эмотивность ФЕ может быть выражена слабее, чем в других видах дискурса. Это может объясняться, в частности тем, что воздействующая функция здесь скорее дополняет интеллективную.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Долинин К.А. Стилистика французского языка - 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1987. – 303 с.

Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы. – М: Изд-во МГУ, 1973. – 143с.

Новиков А.И., Богословская И.В. Научно-популярный текст в его соотношении с научным текстом // Обработка текста и когнитивные технологии. – Пущино, 2003. – №8. – С. 346-356.

Фомина З.Е. Немецкая эмоциональная картина мира и лексические средства её вербализации. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2006. – 336с.

Tutin A. Autour du lexique et de la phraséologie des écrits scientifiques (Lexicon and phraseology of scientific texts) [Electronic resource] // Revue française de linguistique appliquée. - 2007/2. – Vol. XII. [Online]. – URL: www.rfla-journal.org/anglais/AN-sommaire-2007-2-lexique

Степанова О. В.

Екатеринбург, Россия

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ
ХРОНОТОПА ДРАМЫ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Т.СТОППАРДА).**

Аннотация. Статья посвящена вопросам перевода хронотопа драматического произведения. На примере перевода пьесы Т. Стоппарда «Аркадия» автор сравнивает хронотопы ИТ и ПТ, анализирует, с какими трудностями сталкивается переводчик, какие переводческие приемы используются

Ключевые слова: драма, хронотон, Стоппард, пространство, время, перевод.

Сведения об авторе: Степанова Ольга Владимировна, ассистент кафедры германской филологии Института Гуманитарных Наук и Искусств (ИГНИ).

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51.
e-mail: ovsva@mail.ru.

Stepanova O.V.

Ekaterinburg, Russia

**SPACIO-TEMPORAL
ORGANISATION OF DRAMA:
QUESTIONS OF TRANSLATION**

Abstract. The article is devoted to some questions of translation of drama. The author compares spacio-temporal organization of Tom Stoppard's "Arcadia" and its translation and analyses translation techniques.

Keywords: drama, spacio-temporal organization, Tom Stoppard, translation.

About the Author: Stepanova Olga Vladimirovna, lecturer of the Chair of German Philology, Institute of the Humanities and Arts.

Place of employment: Ural Federal University n.a. the First President of Russia B.N. Yeltsin

Драма - особый род литературы. «Драма принадлежит одновременно театру и литературе: являясь первоосновой спектакля, она вместе с тем воспринимается и в чтении» [Литературная энциклопедия 2001: 242]. Категории “пространство” и “время” проявляют себя в драме также по-особому. В частности, пространство можно рассматривать в двух аспектах:

- 1) как сценическое место действия;
- 2) как ассоциативное пространство [Бакланова 1983: 6].

Под “сценическим местом действия” подразумеваются локальные ситуации, происходящие на сцене, “здесь и сейчас” героев пьесы.

««Сценическое место» является фактором театральной жизни, которая предшествует началу действия. Сценическое пространство воздействует на зрителя, создавая атмосферу ожидания и напряжения» [Поляков 1980: 95].

“Ассоциативное пространство” понимается как пространство, “рассказанное” персонажем или упомянутое автором в описаниях книг, документов и т.п.

Драматическое время также можно условно разделить на две составляющие:

- 1) "физическое время спектакля" [Владимиров 1972: 133], или "реальное время" [Поляков 1980: 97];
- 2) ассоциативное, или "иллюзорное время" [Поляков 1980: 97].

Таким образом, хронотоп пьесы можно рассматривать с двух точек зрения:

- 1) как сценический хронотоп;
- 2) как ассоциативный хронотоп.

Важно правильно передать хронотоп оригинального текста при переводе. По словам М. М. Бахтина, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин 1986: 132]. Передачу хронотопа драматического текста при переводе можно считать адекватной, только если точно и четко переданы обе его составляющие.

На материале пьесы Тома Стоппарда «Аркадия» и ее перевода О. Варшавер на русский язык проанализируем, как передается хронотоп драматического произведения, с какими трудностями сталкивается переводчик, какие переводческие приемы используются, насколько хронотоп оригинала адекватен хронотопу в переведенном тексте.

О хронотопе пьесы Е. Г. Доценко пишет: «Вести точный счет временным отрезкам в пьесе, по всей видимости, бесполезно: два плана, три даты (1809, 1812, «наши дни»), но фрагменты сменяют друг друга все чаще, и темп ускоряется, приближаясь к финальному вальсу» [Доценко 2005: 285]. В «Аркадии» Тома Стоппарда действие происходит в одной из комнат дома семьи Каверли. На сцене поочередно изображаются две эпохи: начала XIX века и конца XX века – однако место действия (сценическое пространство) не меняется. В обстановке комнаты нет ничего характерного для одной из эпох. Автор не раз подчеркивает их равнозначность, говоря, что обстановка

не должна ущемлять ни одну из эпох. В конце пьесы оба хронотопа оказываются на одной сценической площадке.

Сценическое пространство, общее для двух эпох, как будто сближает эти эпохи. Однако, при переводе описания происходит некоторое отдаление эпох друг от друга:

- 1) «*The house stands in the typical English park of **the** time.*» [Stoppard 1993: 1]
«Дом стоит в парке, типичном для Англии **тех** времен.» [Стоппард 1996: 12];
- 2) «... *which is indeed the main use of **this** room at **this** time.*» [Stoppard 1993: 1]
«... а обыкновенной обстановкой учебной комнаты **начала прошлого века**» [Стоппард 1996: 12].

Отдаление произошло при переводе артикля и замене английского указательного местоимения определением.

В переводе наблюдается некоторое доминирование современной эпохи, хотя Т. Стоппард неоднократно подчеркивает, что оба хронотопа одинаково важны:

- «... *there is no absolute need to remove the evidence of **one** period to make way for **another**.*» [Stoppard 1993: 15]
«... нет необходимости заменять предметы быта, присущие **началу прошлого века, современными.**» [Стоппард 1996: 21].

В начале своего произведения Т. Стоппард заявляет о высоком темпе развития действия, быстрых и частых перемещениях от хронотопа одной эпохи к хронотопу другой эпохи:

- «*The action of the play **shuttles back and forth** between the early nineteenth century and the present day ...*» [Stoppard 1993: 15].
Переводчик даёт следующий вариант:
«*Действие пьесы **происходит попеременно** то в начале XIX века, то в наше время ...*» [Стоппард 1996: 21].

Таким образом, значение постоянного, «челночного» движения от одного изображенного хронотопа к другому в переводе не передано.

В ряде случаев в переводе описания событий, происходящих на сцене, появляются некоторые добавления:

- 1) «*His loose papers, etc, are kept in a stiff-backed portfolio which also ties up with tapes.*» [Stoppard 1993: 1]

«Разнообразные бумаги Септимуса хранятся в твёрдой папке, которая завязывается ленточками, дабы ничего не потерялось.» [Стоппард 1996: 12].

Нет у Септимуса цели, во что бы то ни стало сохранить бумаги; он и не подозревает о том, что они должны понадобится исследователям конца XX века, и поэтому они не должны теряться.

2) *«The landscape outside, we are told, has undergone changes.»* [Stoppard 1993: 15]

«Парк - как мы узнаем из диалога - претерпел существенные изменения.» [Стоппард 1996: 21].

Стоит ли в переводе сразу давать указания на резкую смену хронотопа, когда Стоппард об этом не упоминает и читатели оригинала должны узнать об этом постепенно? Вероятно, нет.

В ряде случаев для передачи действий на сцене переводчик вынужден прибегать к переводческим трансформациям. Это обусловлено, в основном, особенностями ИЯ. Например,

1) *«He starts to leave.»* [Stoppard 1993: 68]

«Направляется к двери.» [Стоппард 1996: 54];

2) *«JELLABY is about to leave.»* [Stoppard 1993: 68]

«Джеллаби направляется к двери.» [Стоппард 1996: 55];

3) *«The piano starts to be heard.»* [Stoppard 1993: 76]

«Слышатся звуки рояля.» [Стоппард 1996: 59].

В передаче ассоциативного хронотопа также наблюдается тенденция отдаления двух эпох. Слово «поэт», используемое в тексте оригинала героями и начала XIX века, и конца XX века, переводится на русский язык «поэт» (в речи персонажей XX века) и «пиит» (так говорят персонажи XIX века):

1) *«SEPTIMUS: He believes he has written a poem, yes. ...*

... and, of course, Mrs. Chater's husband, the poet» [Stoppard 1993: 2, 3]

«СЕПТИМУС: Да. И даже полагает себя пиитом. ...

... и, разумеется, сам пиит, муж госпожи Чейтер.» [Стоппард 1996: 13];

2) *«BERNARD: Neither as a man or a poet did Ezra Chater cut such a figure as to be habitually slandered or even mentioned in the press»* [Stoppard 1993: 56]

«БЕРНАРД: Понятно, что Чейтера на страницах газет ежедневно не поминали - ни как мужчину, ни как **поэта**.» [Стоппард 1996: 47].

В переводе одного и того же слова по-разному, в зависимости от времени происходящего, подчёркивается принадлежность к определенной эпохе; акцент делается на разделение, разграничение двух хронотопов.

Иногда слово, распространенное и часто употребляемое в XX веке, используется для обозначения реалии XIX века:

«*CHATER: Lady Thomasina's **pen** will serve us.*» [Stoppard 1993: 9]

«*ЧЕЙТЕР: А, вот **перо** леди Томасины.*» [Стоппард 1996: 17].

В переводе чётко показана принадлежность реалий к определённом времени, чего нет в оригинале.

В некоторых случаях трудности перевода связаны с особенностями стиля автора. Приведем пример: в сцене 6 появляются герои конца XX века в одежде эпохи Регентства (начало XIX века). Хлоя предлагает Гасу надеть туфли:

«*Come on, I'll lend you a pair of flatties, they'll **look period** on you -*» [Stoppard 1993: 74]

«*Пойдем, одолжу тебе пару туфель без каблука. **По стилю** как раз **подойдут**.*» [Стоппард 1996: 58]

Выражение «to look period» употреблено здесь в значении «быть подходящим». В данном же контексте оно имеет дополнительный смысл: подходить для данного периода (герои наряжаются в костюмы другой эпохи). В данном примере актуализируется то значение, которое представляется переводчику главным.

Переводить Стоппарда чрезвычайно сложно. Он тщательно подбирает слова и выражения, часто наделяет их «двойным» смыслом, множеством оттенков значения.

В целом, перевод данного драматического произведения выполнен на высоком уровне, хронотоп оригинала адекватно передан. Однако, в некоторых деталях есть расхождения между хронотопом оригинала и хронотопом переводного текста. Они обусловлены особенностями исходного и переводящего языков (в частности, различием грамматических структур ИТ и ПТ), традициями двух культур, а также особенностями стиля автора, которые не всегда можно передать средствами ПЯ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бакланова А.Г. Лингвостилистическая характеристика драмы как типа текста (на материале драмы ГДР): автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1983. - 24 с.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. - М.: Художественная литература, 1986. - с. 121-291.
- Владимиров С.В. Действие в драме. - Л.: Искусство, 1972. - 160 с.
- Доценко Е.Г. Беккет и проблема условности в современной английской драме. - Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. - 391с.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. - М.: Интелвак, 2001. - 1600 стб.
- Поляков М.Я. Теория драмы. Поэтика. - М.: ГИТИС, 1980. - 119 с.
- Том Стоппард. Аркадия: пьеса в двух действиях / пер. с англ. О. Варшавер // Иностранная литература. - 1996. - № 2. - С. 12-78.
- Stoppard T. Arcadia. - London; Boston: Faber and faber, 1993. - 97 p.

Телегина Е.В.

Екатеринбург, Россия

**СОЗДАНИЕ ОБРАЗНОСТИ ВО
ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С
ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Аннотация. Статья посвящена описанию средств передачи образной составляющей фразеологизмов с числовым компонентом, а также символическому значению чисел *один, два, три, семь, девять* в устойчивых словосочетаниях.

Ключевые слова: *фразеологизм, число, образ, метафора, метонимия, гипербола, литота.*

Сведения об авторе: Телегина Елена Васильевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Место работы: Уральский федеральный университет.

Контактная информация: 620020, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, ауд. Т-616
e-mail: elenatel09@rambler.ru

Telegina E.V.

Ekaterinburg, Russia

**CREATING IMAGERY IN
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH
NUMBERS IN THEIR
STRUCTURE**

Abstract. The article is devoted to the means of producing imagery in the structure of phraseological units which contain numbers. It also describes symbolic meaning of numbers *one, two, three, seven, nine* in phraseological units.

Keywords: *phraseology, number, imagery, metaphor, metonymy, hyperbole, litota.*

About the Author: Telegina Elena Vasilievna, senior lecturer of Foreign Languages Department.

Place of employment: Ural Federal University.

Для современной лингвистики характерной тенденцией является рассмотрение языка в национально-специфическом аспекте. Появление национально-культурного компонента в значении слова обусловлено взаимосвязью языка и культуры.

Фразеологический состав языка, который, по словам И. Ройзензона, представляет собой «наиболее самобытное его явление» [Ройзензон 1977:116], в большей степени по сравнению с другими пластами лексики отражает своеобразие национальной культуры. В настоящее время во фразеологии выделяют два основных направления: когнитивную лингвистику и лингвокультурологию. Основная цель лингвокультурологического направления во фразеологии заключается в выявлении способов и средств воплощения культурных кодов в содержании фразеологизмов. В теории фразеологии лингвокультурологический взгляд на языковые знаки получил обоснование в работах В.Н. Телия и

её научной школы. Согласно концепции В.Н. Телия лингвокультурология призвана изучать живые коммуникативные процессы в их синхронной связи с этническим менталитетом, действующим в определенную культурную эпоху.

Целью данной статьи является описание средств и способов, с помощью которых культурные сущности закреплены в языке. Языковым материалом служат фразеологизмы с числовым компонентом русского и английского языков.

Как известно, имя числительное в свободном употреблении, выступая в собственном значении, указывает на точное количество. В составе фразеологических единиц (ФЕ) числительное часто порывает со своим конкретным значением, образует целостное фразеологическое значение и выступает как символ сакрального для данной культуры числа, утвержденного культурно-исторической и языковой практикой. Например, в русских фразеологических оборотах число «один» может символизировать одиночество человека: *один как перст; один в поле не воин* (поговорка). В англоязычной культуре человек склонен к индивидуализации, хочет иметь свое мнение и не зависеть от окружающих. Употребление числового компонента *one* скорее становится знаком 'я': *number one* – «своя собственная персона». Число «два» имеет значение неопределенно малого количества и во фразеологии русского и английского языков способно реализовать как положительные коннотации (быстроту, мгновенность, сходство), так и отрицательные (значение несовместимости, двойственность, противоречие). Например, в русском языке: *два сапога – пара; как две капли воды*; в английском языке *be in two minds* – «стоять перед выбором».

Несмотря на то, что в русской духовной культуре большое значение приобретает число «три», фразеологизмов с компонентом «три» русский народ создал не много: *три грации, три кита, Бог троицу любит, третий - лишний, из третьих рук*. Данное число часто встречается в литературе, как правило, в значении «третий», резко отличаясь от первых двух, либо в худшую сторону, либо в лучшую. Например, когда в мифах и легендах упоминаются три брата или три сестры, три испытания, три желания и т.д., то первый и второй элементы, в общем, соответствуют тому, что уже имеется, а третий элемент может быть отрицательным [Жерлот 1994:582]. Подтверждение этому высказыванию можно обнаружить в английском фразеологическом обороте *two's company, three's a crowd* (где двое, там третий - лишний).

Обзор литературы по исследуемой теме показал, что фразеологические единицы с числовым компонентом «девять» в английском языке встречаются чаще, чем в русском языке. Однако его символическое значение можно сравнить с числом «семь» в русском языке. Например, *to be on cloud nine* (быть на девятом небе), в русском языке *быть на седьмом небе*. С точки зрения символики, у чисел «девять» и «семь» есть общие черты. «Девять» есть конец – предел цифровой серии до её возвращения к единице. «Семь» также может символизировать полный период или цикл [Керлот 1994:578]. Можно предположить, что в данных фразеологических единицах эти числа символизируют максимум возможного, предел.

Таким образом, примеры, приведенные выше, показывают, что количественная репрезентация является важным компонентом структуры фразеологизмов, в которых свойство числа наделять различные объекты и явления не только количественной, но и качественной оценкой, раскрывается наиболее полно.

Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который связан с его культурными традициями [Телия 1981:13]. Так, многие исконно русские фразеологизмы пришли из различных сфер человеческой деятельности. Например, *на два фронта* – «одновременно в двух разных направлениях». Этот фразеологизм возник в военной сфере, когда боевые действия шли одновременно на двух фронтах.

Формирование образа происходит на основе исходного для фразеологизма свободного сочетания слов. В этой связи выделяют интралингвистическую и экстралингвистическую природу фразеогенезиса. Экстралингвистическая природа фразеогенезиса – это знаковая система, сложившаяся в результате культурно-исторического опыта нации и представленная рядом значимых сущностей. Они воспроизводятся из поколения в поколение как результат человеческого самосознания и установившегося этнического мировоззрения. [Василенко 2009]. К ним относятся мифы, легенды, символы, эталоны, ритуалы, стереотипы. Например, выражение *одна ласточка весны не делает* в русском языке и его аналог в английском *one swallow does not make a summer* употребляется в речи, когда хотят предостеречь от поспешных выводов. Эту древнюю поговорку связывают с басней Эзопа о расточи-

тельном и легкомысленном юноше, который обвинил в своих несчастьях замерзшую ласточку. В русском языке поговорка стала популярной благодаря басне И.А.Крылова «Мот и ласточка» (1818), где использован сюжет Эзопа. От поговорки образовано выражение *первая ласточка* – «первые признаки наступления чего-либо».

Интралингвистическая природа представлена преимущественно тропическими средствами как механизмом передачи образной составляющей фразеологизма, к которым можно отнести: метафору, гиперболу, литоту, метонимию, сравнение.

Остановимся на каждом из этих механизмов создания образности подробнее. Процесс метафоризации связан с целеполагающей деятельностью её субъекта – творца метафоры. Эта деятельность ориентирована не только на заполнение номинативных лакун, но и на прагматический эффект, который метафора вызывает у реципиента. Метафора создает психологическое напряжение, вызывая эмоциональное восприятие, «снятое» в форме чувств-переживаний. Например, идиома *два сапога – пара* выступает как термин отношения, сопоставляющий лиц, воображаемых в модусе фиктивности как если бы это – пара сапог (что, естественно, вызывает пренебрежение, поскольку люди – не сапоги) [Телия 1996:198]. «Они с нашим Корнеевым – два сапога пара, оба без царя в голове». (Влада Валеева. Скорая помощь, 2002).

Гиперболой называют преувеличенное представление действительности. Русское выражение *согнуть в три погибели* – «очень низко согнуться» происходит от пыток на Руси с пригибанием головы к ногам. Погибель означает сгиб тела. Приведем пример из корпуса русского языка: «Это для курицы просторную, а Фае пришлось согнуться в три погибели» (Срочно требуется организатор досуга//Лиза, 2005).

Намеренное преуменьшение объектов действительности известно как литота. Например, в русском языке фразеологизмы *одну секунду*, *в двух шагах*, *в двух словах*, в которых образность передается с помощью данного средства, очень распространены. «Если в двух словах, то эволюционная теория составляет теоретический базис всей современной биологии» (Александр Рубцов. Чарльз Дарвин и теория эволюции//Наука и жизнь, 2009).

Метонимия, которая представляет перенос имени с одного объекта на другой, основана на смежности признаков. В русском выражении *давать сто очков вперед* метафора основана на метонимии –

«ход» в игре в кости, в которую включена гипербола *сто очков* [Телия 1996:197]. Метонимия служит средством создания образности и в английском выражении *two heads are better than one*. He said: "It's just a worry I have to think out for myself. Something I hadn't considered". "Tell me, dear. *Two brains...*" (G.Green, *The Heart of the Matter*) [Naciscione 2010:211].

В русском языке встречаются выражения, в которых наблюдается взаимодействие тропов с символами и квазисимволами. Например, русское выражение *семь пядей во лбу* употребляется, когда говорят о человеке чрезвычайно умном, легко разбирающемся в самых запутанных вопросах. Существует мнение, что в основе этого фразеологизма лежит представление о том, что умственные способности человека определяются высотой его лба. «...нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы во всем этом разобраться» (Андрей Житков. Кафедра/ 2000). Число «семь» в этом выражении употребляется в обобщенно-символическом значении, как и во фразеологических единицах *семеро по лавкам, за семерых, до седьмого пота* и другие.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что устойчивые словосочетания с числовым компонентом занимают особое место в рамках фразеологического фонда. Они играют определенную роль в формировании языковой картины мира, маркируя национальное своеобразие языка. Лингвокультурный анализ позволяет выявить культурные сущности, которые воплощены в языке, а также какими средствами и способами они закреплены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Василенко А.П. Автореферат. дис. ... доктора филол. наук. – Орел, 2011. – 45с.
- Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: Relf-book, 1994. - 602 с.
- Ройзензон Л.И. Русская фразеология. - Самарканд, 1977. – 119 с.
- Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты.–М.:Языки русской культуры, 1996.– 288с.
- Anita Naciscione. *Stylistic use of Phraseological Units in Discourse*. - John Benjamins Publishing Company, 2010. – 292 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru

Уланович О.И., Мороз М.В.

Минск, Беларусь

**КОНЦЕПТЫ ЭМОЦИЙ В
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЭМОТИВНОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ**

Аннотация. В работе представлены результаты анализа концептосферы эмоций в английской фразеологии, отражающей ключевые этические и ценностные установки лингвокультуры. Экспериментальное исследование фразеологической экспликации эмоциональных концептов в английском языке основано на использовании концептуального анализа и метода математической статистики, что позволяет говорить о достоверности результатов и выводов.

Ключевые слова: *эмотивная фразеология, концепты эмоций, концептосфера эмоций, экспликация концепта.*

Ulanovich O.I., Moroz M.V.

Minsk, Belarus

**CONCEPTS OF EMOTIONS
IN ENGLISH EMOTIVE
PHRASEOLOGY**

Abstract. The article deals with the results of the analysis of the conceptosphere of emotions in English phraseology, which reveals core moral and value attitudes of the culture. The experimental study of phraseological explication of emotions concepts in the English language is based on concept analysis and mathematical statistics method application. That validates the results and the conclusion made.

Keywords: *emotive phraseology, concepts of emotions, conceptosphere of emotions, concept explication.*

Сведения об авторах: Уланович Оксана Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода, место работы: Белорусский государственный университет;

Мороз Марина Владимировна, студентка 5 курса факультета международных отношений БГУ.

Контактная информация: 220072, Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, 25, ауд. 901.

e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

About the Authors: Ulanovich Oksana Ivanovna, Candidate of Psychology, Head of the department of theory and practice of translation; place of employment: Belarusian State University;

Moroz Marina Vladimirovna, 5th year student of the BSU International Relations Faculty.

Эмоции являются одним из наиболее ярко выраженных элементов психической и социальной жизни человека, а также важнейшим человеческим фактором в культуре и социуме. Изучение отражения в языковых знаках внутреннего мира человека является фундаментальной проблемой эпистемологии, пока весьма далекой от ее окончательного разрешения, поскольку механизмы оязыковления идеальных пси-

хических сущностей и человеческих переживаний неоднозначны и поливариантны.

Экстенционал понятия «эмоции» формируют и состояния (раздражение, удивление, грусть, обида), и действия (злиться, радоваться, волноваться), и качества (встревоженный, злобный, веселый). Полиmodalность и субъективность физиологического проявления человеческих переживаний определяет полистатусность когнитивной категории эмоции. Это, в свою очередь, предопределяет объективацию эмоций на различных уровнях языковой системы, из которых фразеология представляется оптимальным инструментом вербализации и дискретизации физиологического субстрата человеческих эмоций.

Фразеологические единицы представляют собой зафиксированный в языке концентрированный опыт и своеобразие культурно-исторического и психологического развития этноса, «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1966: 9], содержат богатый материал для изучения аксиологических закономерностей, а также для анализа стратегий оценки, которые зафиксированы в языке [Швелидзе 1997: 4]. Последнее представляется особенно важным, поскольку как видимое (в действительности), так и невидимое (в психической жизни) «становится реальностью сознания только через дискретизацию, универсальная форма которой – понятие, являющееся инструментом дискурсивного мышления» [Чернейко 1997: 28], а также объектом аксиологической теории и практики.

Н.А. Красавский определяет фразеологическую единицу как этнически, культурно обусловленное, сложное, структурно-смысловое интегративное, ментальное образование, базирующееся на понятийной основе и включающее в себя, помимо понятия, также и образ, оценку, культурную ценность [Красавский 2001: 73].

Концепты традиционно понимаются как ментальные образования, комплексно отражающие представления и понятия о фрагменте действительности, и являются, по мнению З.Г. Дарамиловой, «посредниками между языком и культурой» [Дарамилова 2008: 162]. Эксплицируемые в эмотивной фразеологии концепты представляются как морально-этические доминанты, комплексы представлений о психических состояниях и переживаниях, содержащие также оценку их проявления в обществе, которая складывалась исторически. Эмотивная фразеология, цельный комплекс языковых репрезентантов, может быть

представлена и изучена как совокупность ключевых эмоциональных концептов – морально-этических доминант культурного сообщества. Изучение репрезентации концептов эмоций во фразеологии национального языка представляется важным для выявления ключевых ценностных установок лингвокультуры, поскольку эмотивные синтаксические идиомы «играют важную роль в осуществлении процессов речевого мышления и общения» и «характеризуются высокой частотностью употребления в разговорном диалоге» [Крутова 2010].

С целью изучения ключевых эмоций в англоязычной лингвокультуре нами было проведено экспериментальное исследование фразеологической экспликации эмоциональных концептов. Корпус исследуемого языкового материала составили 184 фразеологические единицы английского языка, выражающие человеческие эмоции и эмоциональные состояния, которые были вычленены методом сплошной выборки из ряда словарей, что валидирует выводы и возможность обобщения результатов.

При проведении концептуального анализа мы опирались на мнение А. Вежбицкой, в соответствии с которым любой, даже самый сложный и причудливый концепт, закодированный в языковых единицах какого-либо из естественных языков, может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов, которые являются семантически неразделимыми и универсальными [Вежбицкая 1996]. Суть концептуального анализа заключалась в экспликации концептов – т.е. в переводе их на семантический метаязык, лексикон которого и составляет множество семантических элементов, в нашем случае эмотивных фразеологических единиц.

В результате проведения исследования нами были выделены следующие базовые фразеологические концепты эмоций в английской фразеологии: 1) *happiness, joy* – радость; 2) *surprise* – удивление; 3) *fear* – страх; 4) *shyness* – робость; 5) *anxiety* – тревога, беспокойство; 6) *fury* – ярость; 7) *sadness* – печаль; 8) *irritation* – раздражение; 9) *envy* – зависть; 10) *jealousy* – ревность; 11) *arrogance* – надменность, высокомерие; 12) *guilt* – вина. Индексирование фразеологической экспликации концепта (I_k) осуществлялось по специально разработанной формуле $I_k = N_k/n \times 100\%$, где N_k – количество фразеологических единиц, эксплицирующих конкретный концепт, n – общее количество эмотивных фразеологических единиц (в нашем случае 184).

Результаты статистического анализа позволяют говорить о полевой структуре концептосферы эмоций (совокупности всех фразеологических эмоциональных концептов) в англоязычной фразеологии, ядро которой представлено одним концептом: *fury* – *ярость* (25,5%). К ядерным элементам относятся концепты *sadness* – *грусть, печаль* (14,1%), *happiness / joy* – *радость* (10,9%), *surprise* – *удивление* (10,9%), *anxiety* – *волнение* (10,9%), *fear* – *страх* (10,3%), *arrogance* – *гордость, высокомерие* (9,8), к периферийным элементам – *irritation* – *раздражение* (3,2%), *envy* – *зависть* (0,5%), *jealousy* – *ревность* (0,5%), *guilt* – *вина* (0,5%) и др.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что ключевой эмоцией в англоязычной лингвокультуре является ярость, проявления которой однозначно осуждается в обществе, о чем свидетельствуют следующие используемые во фразеологизмах заведомо агрессивные объекты метафоризации: *savage as a meat ax, one's eyes flash fire, get one's knife into smb., go off like a rocket*. Учитывая колониальное прошлое Англии, ожесточенные гражданские войны и религиозные конфликты внутри страны и за ее пределами, можно полагать, что частое проявление данной эмоции, сопровождавшее историческое развитие страны, способствовало появлению значительного числа языковых репрезентантов, эксплицирующих эмоцию. За каждым фразеологическим номинантом эмоций стоит когнитивный образ либо нерасчлененный, чувственный, или же аналитический репрезентант – метафорический концепт – совокупность существенных характеристик человеческих аффективных переживаний как воплощение ментального опыта лингвокультуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
- Дарамилова З.Г. Концепт, концептосфера как базовые понятия когнитивной лингвистики // Университетские чтения: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – С. 161-167.
- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 494 с.
- Крутова И.Н. Прагматика эмотивных синтаксических идиом (на материале современной русской прозы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Астрахань, 2010. – 151 с.

Телия В.Н. Что такое фразеология? – М.: Наука, 1966. – 86 с.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: МГУ, 1997. – 350 с.

Швелидзе Н.Б. Фразеологизмы со значением эмоций в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 1997. – 22 с.

Федорова М.М.

Северодвинск, Россия

**СТАНОВЛЕНИЕ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ КАК НАУКИ**

Аннотация. В данной статье представлен краткий обзор истории становления сопоставительной лингвистики с древних времен до наших дней, рассматриваются взаимосвязи данной области языкознания с другими науками.

Ключевые слова: донаучные источники, сопоставительная лингвистика, сравнительно-историческое языкознание, лингводидактика.

Fedorova M.M.

Severodvinsk, Russia

**THE FORMATION OF THE
COMPARATIVE LINGUISTICS AS
A SCIENCE**

Abstract. This article is a short review of the history of comparative linguistics from ancient times up to our days and relationship between comparative linguistics and other scientific disciplines.

Keywords: prescientific sources, comparative linguistics, comparative and historical linguistics, linguodidactics

Сведения об авторе: Федорова Марина Минионовна, аспирант кафедры германской филологии.

Место работы: Гуманитарный институт Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области.

Контактная информация: 165000, г. Северодвинск, б-р Строителей, 9, к. 33.
e-mail: marminfed@yandex.ru

About the Author: Fedorova Marina Minionovna, Postgraduate of the Chair of Germanic Languages.

Place of employment: Institute for Humanities of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov in Severodvinsk, Arkhangelsk region.

Сопоставительное изучение языков – одна из активно развивающихся областей современной лингвистики. Исследователей занимает вопрос, «почему при постоянном наличии подобного воздействия языки не только сближаются, но и отдаляются друг от друга» [Будагов 2004: 32].

Трудно сказать, когда именно появился интерес к сопоставлению языков. По образному высказыванию В.Г. Гака, сравнение языков появилось сразу же после их «вавилонского смешения», когда на смену единому языку пришло языковое многообразие [Гак 1989: 5].

Современная сопоставительная лингвистика представляет собой сублимацию, теоретическое обобщение давней человеческой практики в области описания языков, поэтому выделяются донаучные и научные источники сопоставительной лингвистики.

Донаучным источником является бытовая лингвистика. С давних пор человечество, в особенности толмачи – переводчики, путешественники, торговцы и другие «наивные» межкультурные коммуникаторы, фиксировали собственные наблюдения над различиями языков мира [Кашкин 2007: 5]. Об этом свидетельствуют, в частности, обнаруженные в библиотеке Ниневии – столице Ассирии – глиняные таблички, которые датируются III тысячелетием до н.э. Эти таблички представляют собой документы хозяйственной отчетности, написанные на различных диалектах аккадского и шумерского языков; очень многие документы представлены параллельно на обоих языках. Подтверждением интереса древних народов к языковому многообразию служат также многоязычные словники, которыми пользовались для переводов шумеры и вавилоняне. Самые древние словники относятся к периоду царствования Саргона Аккадского (2872 – 2817 до н.э.), подвиги которого воспевались на разных наречиях его империи [Гарбовский 2007: 34].

Вопросы языкового разнообразия занимали умы античных мыслителей. Марк Теренций Варрон в попытках воссоздать историю отдельных слов к своим исследованиям нередко привлекал факты других языков, что нашло отражение в его сочинении «О сходстве слов» (I век до н.э.) [Шарафутдинова 2012: 153]. Трактат Макробия «О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов» (V век н.э.) представлял собой прообраз современного сопоставительно-грамматического исследования [Там же: 154].

Еще с дохристианских времен прослеживаются контакты русского языка с греческим, персидским и санскритом, что было обусловлено русско-иностранными торговыми связями. А.А. Шахматов указывает на древнейшие связи Руси с византийско-болгарской культурой через заимствование таких слов, как *парус*, *уксус*, *кровать*, *палаты*, *терем*, *коромысло*, *баня* — слов бытовой семантики, что подтверждает теорию о дохристианских языковых связях Киевской Руси с Византией [Шахматов 1916: 82 – 83]. До наших дней дошел трактат болгарского книжника – монаха Храбра «О письменах» (X век), в котором автор, пусть и в наивной форме, сопоставлял звуковой состав славянской и греческой речи [Нелюбин 2011: URL].

Носители германских языков также осознавали сходства и различия между ними, а также между германскими языками и латынью. Это подтверждается фактами, связанными с изучением латинского языка на основе грамматики Доната «*Ars minor*», что потребовало перевода латинских грамматических терминов на родной язык [История лингвистических учений 1991: 119].

Научными источниками сопоставительного языкознания являются сравнительно-историческое языкознание и лингвистическая типология [Зеленецкий 2004: 4].

Сравнительно-историческое языкознание, нацеленное на решение проблемы родства языков, по необходимости касалось вопросов языковых сходств и различий. В частности, голландский исследователь Ламберт тен Кате в книге «Введение в изучение благородной части нижненемецкого языка» (1723) сопоставлял готский, немецкий, голландский, англосаксонский и исландский языки [Левицкий 2009: 98]. Он рассматривал чередования гласных в различных германских языках, классифицировал сильные глаголы в названных языках, а также выявлял важнейшие звуковые сходства и различия между ними [Нелюбин 2011: URL]. В России в 1811 году появилось исследование «О сходстве санскритского языка с русским» Ф.П. Аделунга, в котором автор указывал на необходимость сравнительного изучения санскрита и русского языка [Аделунг 1811]. Известно также о труде М.В. Ломоносова под названием «О сходстве и переменах языков» (1755), в котором мыслитель сопоставлял первые десять имен числительных в русском, греческом, латинском и немецком языках [Нелюбин 2011: URL].

Имеются и другие примеры сравнительно-исторических исследований, в которых изучались проблемы языковых сходств и различий (Востоков 1820; Добровский 1822; Ворт 1816; Fick 1890; Grimm 1819; Humboldt 1843; Rask 1818; Schleicher 1876 и др.).

Лингвистическая типология выступала в форме морфологической классификации языков и должна была показать своеобразие отдельных языков как проявление «духа» народов – их носителей. А. фон Шлегель, создатель одной из первых морфологических классификаций [Schlegel 1808], «подразумевал под *vergleichende Grammatik*, фактически, сопоставительное языкознание» [Сусов 1999: URL]. В России Ф.Ф. Фортунатов в своем сочинении «Сравнительное языковедение» (1956) предложил морфологическую классификацию индоев-

ропейских языков, подметив, что она основывается «на общих сходствах и различиях, существующих между различными языками по отношению к образованию простых, то есть не составных форм слов» [Фортунатов 1956: 153].

Целый ряд фундаментальных трудов по типологии не потеряли своей актуальности для сопоставительной лингвистики и в наши дни (В.А. Богородицкий, А.В. Исаченко, Е. Sapir, Н.С. Трубецкой, R.O. Jakobson, J. Greenberg и др.).

Распространению межязыковых штудий способствовало зарождение в первой половине XX века лингвистических дисциплин, которые открыли дополнительные возможности для сопоставительных исследований:

– контактология (В.П. Нерознак, В.Н. Топоров, Л.В. Щерба, E. Haugen, A. Martinet, E. Sapir, H. Schuchardt, U.D. Whitney и др.);

– социолингвистика (В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Б.А. Ларин, Р.О. Шор, J. Vachek, B. Havránek, T. Frings и др.);

– психолингвистика (Т.В. Ахутина, А.А. Залевская, И.А. Зимняя, А.П. Клименко, А.А. Леонтьев, Р.М. Фрумкина, Н.Н. Clark, G.A. Miller, R. Rommetveit, Dan I. Slobin);

– интерлингвистика (А.Д. Дуличенко, М.И. Исаев, A. Meillet, J. Meysmans, M. Müller и др.);

– универсология (В.З. Панфилов, Н.С. Трубецкой, Б.А. Успенский, J. Greenberg, R.O. Jakobson, P. Ramat и др.).

Сами разработчики сопоставительной лингвистики подчеркивали роль других, неязыковедческих, наук, в развитии данного раздела языкознания: психологии, этнопсихологии, педагогики, истории культуры (Ch.A. Ferguson, C. James, R. Lado, W. Nemser и др.). Особое место в истории формирования сопоставительной лингвистики отводится лингводидактике: «...сопоставительная лингвистика выросла из потребности преподавания языков» [Гак 1989: 6]. Кроме того, ученый в своей работе «Русский язык в сопоставлении с французским» писал, что «сопоставительное изучение языков имеет целью выявление сходств и различий между языками независимо от степени их родства и всегда выступает как лингвистическая основа обучения языку» [Гак 1975: 10].

С течением времени взаимосвязь и взаимообусловленность сопоставительной лингвистики и лингводидактики, а также психологии,

этнопсихологии, педагогики, истории культуры не только не ослабевают, но даже усиливается.

В англо-американской традиции возникновение сопоставительной лингвистики нередко связывают с выходом в свет книги Р. Ладо «Linguistic across cultures. Applied linguistics for language teachers» [Lado 1957].

Вместе с тем необходимо отметить, что некоторые вопросы сопоставительной лингвистики еще в начале XX века рассматривались Ш. Балли в работе «Traité de stylistique française» (1909). Например, ученый утверждал, что сравнения «открывают в двух языках их характерные черты, которые особенно легко позволяют выявить оригинальность каждого из них и общий тип, который каждый из них представляет» [Балли 1955: 38 – 39].

Кроме того, сопоставительная проблематика, особенно в области фонологии, успешно разрабатывалась такими представителями Пражской лингвистической школы, как В. Скаличка в его работе «Zur mitteleuropäischen Phonologie» (1935), Н.С. Трубецкой – в «Основах фонологии» (1939) и В. Матезиус – в «Úkoly srovnávací fonologie» (1947). В частности, В. Матезиус указывал, что изучение языковых средств с точки зрения их функций при речевом общении тесно связано с принципом аналитического сравнения, то есть с постоянным указанием на различия и сходства между языками [Матезиус 1989: 19].

Среди зарубежных разработчиков сопоставительной лингвистики называют Л. Деже, С. Джеймса, Г.В. Керквуда, Е. Косериу, Дж. К. Кэтфорда, У. Немзера, Г. Никеля, Б. Потье, Р.Дж. Ди Пьетро, Ч.А. Фергюссона, Г. Хельбига, Р. Штернеманна и других исследователей. Значимость их вклада в сопоставительную лингвистику трудно переоценить: они «ставили и пытались решить вопрос о месте сопоставительного анализа среди других лингвистических направлений, о содержании и методах сопоставительного изучения языков» [Гак 1989: 6].

В нашей стране своеобразным фундаментом сопоставительной лингвистики считают книгу Е.Д. Поливанова «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» [Поливанов 1933] и работу Л.В. Щербы «Фонетика французского языка» [Щерба 1963]. Е.Д. Поливанов, отмечая трудности преподавания русского языка в тюркоязычной аудитории, подчеркивал сходства и различия русского и узбекского языков на фонетическом и морфологическом уровне

[Поливанов 1933]. Л.В. Щерба, изучая особенности русской и французской фонетики в лингводидактических целях, указывал на важность того, что «надо, прежде всего, детально осознать все различия как в отдельных звуках, так и в манере их сочетать, которые существуют между французским и русским языком, чтоб не делать грубых звуко-смысловых ошибок» [Щерба 1963: 14].

Сопоставительная проблематика неоднократно обсуждалась в работах В.Д. Аракина, Р.А. Будагова, В.Г. Гака, Б.Ю. Городецкого, А.Б. Долгопольского, А.Г. Елисеевой, В.В. Левицкого, Л.Я. Орловской, М.М. Покровского, А.А. Реформатского, С.В. Семчинского, П.А. Соболевой, Н.И. Толстого, Л.С. Фаркаш, А.В. Федорова, А.И. Фефилова, В.А. Юрик, А.Я. Шайкевича и других исследователей. Например, вопросам сопоставления лексических единиц разных языков была посвящена кандидатская диссертация А.Г. Елисеевой «К вопросу о сопоставлении лексических единиц разных языков», защищенная еще в 1953 году [Елисеева 1953].

Таким образом, появление сопоставительной лингвистики оказалось своевременным, а ее проблематика – актуальной. На современном этапе развития она представляет собой уже сложившуюся науку и занимает свое место среди других лингвистических дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аделунг Ф. О сходстве санскритского языка с русским. – СПб., 1811.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – С. 38-39.
- Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками (Романский лингвистический материал). - 2-е изд. – М.: Добросвет, 2004. – С. 32.
- Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Русский язык, 1975. – С. 10.
- Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика / сост. В.П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-17
- Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – С. 34.
- Елисеева А.Г. К вопросу о сопоставлении лексических единиц разных языков. – М., 1953. – 211 с.

- Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – С. 4.
- История лингвистических учений. Позднее Средневековье / отв. ред. А.В. Десницкая. – СПб.: Наука, 1991. – С.119.
- Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика: учебное пособие для вузов. – Воронеж: 2007. – С. 5.
- Левицкий Ю.А., Боронникова Н.В. История лингвистических учений: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2009. – С. 98.
- Матезиус В. О лингвистической характерологии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика / сост. В.П. Нерознак; общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – С. 19.
- Нелюбин Л.Л. История науки о языке [Электронный ресурс]. URL: http://langhist.ru/lh/Lev-Lvovich-Nelyubin_Istoriya-nauki-oyazyke/2.shtml
- Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. – Ташкент, 1933. – 182 с.
- Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.slavica.org/printout12.html>
- Фортуатов Ф.Ф. Сравнительное языкознание: избранные труды. – М., 1956. – Т. 1. – С. 153.
- Шарафутдинова Н.С. Теория и история лингвистической науки: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – Ульяновск: УЛГТУ, 2012. – С. 153.
- Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий. – Пг., 1916. – С. 82 – 83.
- Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 380 с.
- Lado R. Linguistics across cultures. Applied linguistics for language teachers. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1957. – P. 57.

Федуленкова Т.Н.

Владимир, Россия

АНГЛИЙСКИЕ**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ****ЕДИНИЦЫ: КОННОТАТИВНЫЙ
АСПЕКТ****Fedulenkova T.N.**

Vladimir, Russia

ENGLISH PHRASEOLOGICAL**UNITS:****THE CONNOTATIVE ASPECT**

Аннотация. Основываясь на идеях, высказанных проф. А.В. Куниным, мы рассматриваем роль коннотации в значении фразеологической единицы. Благодаря коннотации ФЕ способна служить как выразительное средство фразеологической системы языка.

Ключевые слова: фразеологические единицы, коннотации, значение, выразительное средство.

Abstract. Following the ideas put forward by A.V. Kunin, we treat the role of connotation in the meaning of the phraseological unit. Thanks to the connotation, phraseological units are able to serve as expressive means of the phraseological system of the language

Keywords: phraseological units, connotation, meaning, expressive means.

Сведения об авторе: Федуленкова Татьяна Николаевна, член-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯПК. Место работы: Владимирский государственный университет.

Контактная информация: 600005, г. Владимир, ул. Горького, 87 – 101.
e-mail: fedulenkova@list.ru.

About the Author: Fedulenkova Tatiana Nickolaevna, RANH correspondent member, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages PC. Place of employment: Vladimir State University.

The role of connotation in the meaning of phraseological units (PUs) is not to be underestimated. The term 'connotation' suggests a set of meanings. Connotation is often defined as an additional content of the word and as its stylistic shades which are applied to its main content.

As A.V. Kunin puts it, connotation is not applied to the main content of the word, it is in the complex unity with the content of the word or PU as there is not only rational but also closely connected with it sensual knowledge of reality [Кунин 1969: 71].

The term 'connotation' is defined by V.N. Teliya as a semantic matter that is included in the semantics of language units usually and occasionally and which expresses emotively-evaluative and stylistically marked relation of the subject of speech to the reality when it is named in the utterance [Телия 1986: 5]. Thus, the connotative information is found in the language

and speech units alongside with their subject-logical content [Fedulenkova 2001: 21].

Connotation usually includes emotive, expressive, evaluative and stylistic (after I.V. Arnold) components [Башиева 1995: 9]. Every of the four components may be combined in different ways or just be missed. A.V. Kunin adds the fifth component – i.e. its figurativeness. Some phraseomatic units are characterized by lack of connotation, e.g. *touch one's cap (or hat) to smb – to greet smb* [Кунин 1976: 109].

Because of the space limit for the paper we shall concentrate our attention on the two basic components of phraseological connotation, i.e. on the component of emotivity and on the component of expressivity.

Dwelling on the component of emotivity, it should be noted that emotions are one of the forms of reflection of reality and its understanding. They are expressed by language means only when they are reflected in the consciousness.

Interjections, which are highly emotive phraseological units, are not subject to a dictionary definition, the intellectual content is given instead, for example: a) *(God) bless me! (or my soul!)* – an expression of surprise; b) *God bless his soul (heart)!* – an expression of fondness, gratefulness, kind feelings etc.

Emotions as a form of the man's attitude to reality are always accompanied by evaluation.

Emotivity is emotionalism through the language refraction, i.e. it is a sensual evaluation of the object, the expression of the man's feelings, emotional experience, mood – by means of language or speech [Кунин 1996: 178]. Emotivity is always expressive and evaluative but not vice versa.

As far as emotions are divided into two classes – positive and negative – their expression in the language may be described as *negatively emotive* and *positively emotive*. But unfortunately they do not have their necessary index in the dictionary. In English lexicography and phraseography there is no special note of positive evaluation and the notes of negative evaluation are not sufficiently worked out.

Nowadays there are such notes in the dictionaries as *derog* (= derogatory), sometimes *impol* (= impolite), *taboo or vulg* (= vulgar) for negative values.

The example expressing the positive evaluation may be *a sight for sore eyes – smth pleasant to look at (especially about a welcome guest)*.

The example of the interjectional phraseological unit with the positive evaluation is *(God) bless his soul (heart)!*

There are a lot of phraseological units that contain negative emotive evaluation, e.g. *a new broom, kick up against the pricks, Damn your eyes! Tell it to the marines!*

A lot of interjectional phraseological units may be used either with positive or with negative evaluation in modern English: *My foot! By George!*

Tackling the component of expressivity it is to be underlined that expressivity is the graphic, portrayal quality of the word or the phraseological unit dependent on figurativeness, intensity or emotivity.

«It is necessary to differentiate intensity as onomasiological category naming the degree of a feature, and expressivity as the functional category of influence providing intensity of comprehension of information» [Шейгал 1980: 40].

Evidently figurativeness and emotivity are also onomasiological categories.

Figurativeness, intensity and emotivity can cause expressivity both separately, and in various combinations.

After A.V. Kunin, we maintain that emotivity without expressivity does not exist, and their differentiation is almost impossible. However one more point is also important: expressivity is not necessarily combined with emotivity. Figurativeness and intensity also generate expressivity and closely interact with it. It is proved by a great number of phraseological units in modern English: *mare's nest; put the cart in front of the horse*, etc.

Figurative expressively non-evaluative phrases are: *the ball is in someone's court* – it is someone's turn to take action; *follow suit* – to do what another person, group, organization, etc. is already doing or has already done (LD).

Some verbal phraseological units, being expressively non-evaluative phrases, express intensity of the action. It is proved by their definitions: *beat someone to a pulp* – to beat and hit someone with hard blows; *work like a horse* or *work one's fingers to the bone* – to work very hard, etc.

Phraseological units of this type, which do not contain an evaluative element in their definitions and do not have evaluative hints can express this or that estimation in the context. So, in the example: *work one's fingers to the bone* it is used with obvious positive estimation:

I've always been a good wife to George, I worked my fingers to the bone in our early days. I helped him to get on. I've never looked at any other man (A. Christie).

All these phraseological units are phrases with the alive inner form.

A great number of adverbial phraseological units, including comparative intensifiers [Кунин 1972: 161], transfer intensity to the syntactically connected with them verbs or strengthen the features which are components of syntactically connected with them adjectives. As examples of such phraseological units can serve the following intensifiers: *as the day is long* – exclusively, extremely; *as they make them* (or 'em) – it is extreme, awful; *hell for leather* – at full speed, very much; *like a house on fire* – quickly and easily, vigorously; *like mad* – as a mentally ill person; desperately, without restraint, etc., for example:

Away off in a big city there was a young girl. She was as pretty as the day is long (E. Caldwell).

You'll learn Italian like a house on fire (S. Lewis).

Thus, intensity is a property of a word or a PU to strengthen features of objects designated by them.

The language material under study shows that expressivity is not always connected with estimation though in the English language there is a great number of phraseological units which are expressively-estimated.

In that measure in what the estimation is determined by the properties of the object of extra-linguistic reality, reflected in the man's mind and fixed in the meaning of the language sign, it (the estimation) has an objective character, which finds its expression in functioning of the evaluative nomination, in the dictionary definition, in the dictionary comment or in dictionary evaluative notes.

One and the same phenomena of the objective reality can be estimated differently by different persons and by the same person at different periods of his life. But both objective, and subjective estimations are socially determined.

Here is an example of different estimations of the same person by different people:

A snake in the grass – a viper, the secret enemy:

Lanny broke in: 'Oh, surely, Robbie, she isn't like that. She's so gentle and kind, she is like a saint.' Robbie turned upon the mother. 'You see! That snake in the grass, imposing upon the credulity of a child!' (U. Sinclair).

The objective estimation is of crucial importance for understanding the subjective one. Thus, in the estimation the social and the individual are dialectically combined.

The estimation, as defined by A.V. Kunin, is the objectively-subjective or the subjectively-objective relation of the person to the object, expressed by language means explicitly or implicitly [Кунин, 1986, с. 155].

In this definition the object is understood in the widest sense: as the person, an animal, a subject, an action, a condition, a situation, etc. The example of the objectively-subjective judgment can be the following:

(a) *A clever dog* – (coll.) the clear head, the dexterous small:

'He's a clever dog, isn't he?' 'Very clever,' admitted the other (U. Sinclair).

The estimation fixed in the language is divided in the given case by both characters.

(b) *(As) bold as brass* – impudent:

'Why, you're as bold as brass!' said Jonas in the utmost admiration (Ch. Dickens).

In the given example the phraseological unit, expressing the negative estimation, is used by one negative character concerning another whose dishonesty is estimated positively. Obviously, the estimation has subjectively-objective character.

The estimation is expressed explicitly if at least one component of the phraseological unit is evaluative or its inner form has an evaluative character. If all the components of the phraseological unit are non-evaluative and its inner form is erased, then the estimation is implicit [Гунченко 1994: 39].

The following phraseological units have an explicit estimation: *hate smb's guts* – to hate smb to death; *a labour of love* – disinterested or unpaid work; *make an ass of oneself* – to behave as the fool, to put itself in an idiotic situation; *(as) pretty as a picture* – beautiful; *worship the ground one walks on* – to be ready to kiss the earth on which it (or he) goes; *(as) ugly as sin* – very terrible, etc. In all those phraseological units one component is evaluative.

In the examples below there is no evaluative component in the phraseological units, but their inner form, alive or erased, is evaluative, and the estimation is implicit, e.g.: *a feather in one's cap* – smb's pride; achievement, a merit; *a bull in a china shop* – an elephant in a crockery bench.

Any act of the estimation assumes the presence of the subject of an estimation, i.e. the person giving it, the object of the estimation, i.e. estimated fragment of the reality, and criteria of the estimation. In some cases, for example at a self-estimation, the subject and object of the estimation can coincide: *A guiding light* – a guiding star, e.g.:

I was the brains behind the job, the guiding light when it came to making up anybody's mind (A. Sillitoe).

The estimation can be positive or negative [Федуленкова 2000: 99-102], intellectual or connotative. We give the examples of the intellectual estimations expressed by imagery phraseological units.

Phraseological units with a positive estimation: *a feather in one's cap* – smth that one may justly be proud of; *good Samaritan* – a person who pities and gives practical help to persons in trouble; *an old hand* – an experienced and highly skilled person at some particular job.

Phraseological units with a negative estimation: *an awkward customer* – a person or an animal difficult or dangerous to deal with; *a dog in the manger* – person who prevents others from enjoying smth that is useless to himself; *the last straw* – an addition to a task, burden, etc. that makes it intolerable. There are much more phraseological units with a negative estimation, than those with a positive estimation. This phenomenon is observed not only in phraseocon but also in lexicon. «The obvious prevalence of words with negative estimation is connected, apparently, with that positivity is perceived and interpreted as something self-evident. The person should permanently face overcoming of drawbacks, lacks, errors, and many other bad and unpleasant things. That's why it is so considerable for him and so firmly reflected in the language» [Девкин 1979: 160]. Only in one sphere of human activity, namely in advertisement, phraseological units are used only with a positive estimation [Fedulenkova 2004: 3].

In the semantic structure of phraseological units, especially verbal ones, the estimation is often combined with resultativeness.

Positive result: *bring home the bacon* – to get the success; *carry the day* – to win.

Negative result: *come a cropper* – to fail, to get into trouble; *kill the goose that laid (unu lays) the gold en eggs* – to spoil something that is good or something that you have, by being greedy, etc.

In a number of expressive phraseological units there exists a complex interlacing of figurativeness, intensity, emotivity and evaluativeness: *(as) fierce as a tiger* – furious as a tiger; *swear like a trooper* – to curse and

swear with great facility; *swim like a cork (or fish)* – to swim very well, etc. The evaluative potential of these phraseological units is so significant that they are often used for expression of emotions in a corresponding context [Fedulenkova 2001: 15], e.g.:

Throw that madman into the sea; then we can pick him up. He swims like a cork (Ch. Reade).

All the estimations shown above are intellectual as they enter into the corresponding concepts. Intellectual estimations amplify and become more expressive in connotative 'environment' in figurative phraseological units. Phraseological units with connotative estimations are rare. As an example can serve the phraseological unit *kick the bucket* – to die. To 'die' is an objectively-logical component of phraseological meaning, and its rudely-disrespectful character is a connotative component.

Summing up the analysis of the components of the connotative aspect of phraseological units we think it necessary to underline that unlike the significant aspect of phraseological units the connotative aspect often denotes not real features of the denotatum but the features attributed to it by the man. Due to the connotation, phraseological units are able to serve as expressive means of the phraseological system of the language.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Башиева С.К. Стилистический компонент фразеологического значения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1995. – 16 с.
- Гунченко И.М. Имплицитный компонент фразеологической семантики в современном английском языке (на материале субстантив. фразеологических единиц): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 175 с.
- Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и методика. – М., 1979. – 209 с.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
- Кунин А.В. О стилистическом контексте во фразеологическом ракурсе: сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 103-126.
- Кунин А.В. Основные понятия фразеологической стилистики // Проблемы лингвистической стилистики: тез. докл. науч. конф. – М., 1969. – С. 71-75.

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. – М.: Международ. отношения, 1972. – 288 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 139 с.

Федуленкова Т.Н. Английская фразеология: курс лекций. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. – 131 с.

Шейгал Е.И. Интенсивность в структуре значения слова: сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1980. – Вып. 160. – С. 39-47.

Fedulenkova T. Discourse value of biblical proverbial idioms in English // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference. – Budapest: British Council, 2001. – P. 15.

Fedulenkova T. Lexicalization of Phraseological Units in English // Lexical Creativity as a Feature of Textuality // ESSE 7 Conference: Abstracts of Seminar 15 / Ed. J. Munat & T. Fedulenkova. – Zaragoza, 2004. – P. 1-5.

Fedulenkova T. Stylistic differentiation of biblical idioms // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference. – Budapest: British Council, 2001. – P. 21.

Филипаци Ю.А.

Екатеринбург, Россия

**СЛОГ, СЛОВО, СИНТАГМА,
ФРАЗА: СИСТЕМНО-
ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ
КЛАССИФИКАЦИЯ
ИТАЛЬЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ С
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЕДУЩЕЙ
ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ЕДИНИЦЫ (ОБСУЖДЕНИЕ
ГИПОТЕЗЫ)**

Аннотация. В настоящей статье анализируется системный подход к рассмотрению явления геминации согласных в итальянских диалектах. Предлагается гипотеза, согласно которой от южных к северным диалектам сфера действия геминации сужается, доходя до нуля, что соответствует ведущим для данных систем фонологическим единицам: фразе, синтагме, словоформе, слогу. Постулируется качественно иной типологический характер диалектов, в которых вместо геминации согласных наблюдаются контактные соединения гласных.

Ключевые слова: итальянские диалекты, геминация, фраза, синтагма, словоформа, фонологическое слово, слог, сандхи, тип языка.

Сведения об авторе: Филипаци Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент.

Контактная информация: 141070, Московская обл., г. Королев, ул. Калинина, д. 15 кв. 35.

e-mail: juliaflip@gmail.com.

Filipazzi Ju.A.

Ekaterinburg, Russia

**SYLLABLE, WORD, SYNTAGM,
PHRASE: SYSTEM AND
TYPOLOGICAL
CLASSIFICATION OF ITALIAN
DIALECTS ACCORDING TO THE
BASIC PHONOLOGICAL UNIT
(DISCUSSION OF HIPOTHESIS)**

Abstract. The article evaluates the system approach to the study of gemination of consonants in Italian dialects. The author makes a supposition that the scope of application of gemination shrinks to zero from Southern to Northern dialects, which is in accordance with the phonological units that are basic for these systems: phrase, syntagm, word form, syllable. Qualitatively different typological features of dialects are posited, which include contact vowels coupling instead of gemination of consonants.

Keywords: Italian dialects, gemination, phrase, syntagm, word form, phonological word, syllable, sandhi, linguistic type.

About the Author: Filipazzi Julia Aleksandrovna, Candidate of Philology.

Понятие «система диалектов» предполагает, что все входящие в нее диалекты, а также составляющие их элементы, находятся между собой в определенных закономерных отношениях. Система наличествует

ует, если ее элементы ведут себя *предсказуемо*, в соответствии с занимаемым внутри нее местом. В этом случае можно анализировать уменьшение или увеличение функционального веса какой-либо языковой единицы при переходе от диалекта к диалекту.

Явлением, которое хорошо иллюстрирует систематичность изменения фонологических правил в пространстве, является геминация согласных и ее частный случай — внешнее сандхи. Внешнее сандхи (*raddoppiamento (fono)sintattico*) — это явление, характерное для центральных и южных итальянских диалектов и присутствующее также в стандартном итальянском языке, которое представляет собой геминацию начальных согласных слов в определенных фоносинтаксических позициях.

Если рассматривать сферу действия внешнего сандхи и внутрисловной геминации в разных итальянских диалектах, мы заметим, что при перемещении с юга на север Италии эта сфера постепенно сужается, доходя до нуля, после чего характер геминации качественно меняется.

Так, в неаполитанском диалекте геминация работает на уровне фразы (предложения), поэтому синтаксическое удвоение способно играть роль полноценного грамматического показателя, например, для обозначения форм женского рода множественного числа: *'e cculonne*, *'e llezione*, *'e ddete*, *'e cchiave*, *chesti pparole*, *cu ccerase*, или слов, следующих за местоимением 'o среднего (неодушевленного) рода: *'o ssaccio*, *'o vvenette a sape'*, *'o vvoglio credere*. У Рольфса есть свидетельство того, что вопросительное слово *pэсче'* вызывает удвоение в случае прямого вопроса: [*pэсче' ccurrэ?*], но не в роли союза или союзного слова: [*chi ssa' pэсче' cantava*], [*so bbэnutэ pэсче' sapeva'*] [Rohlfс 66: 238].

Сфера действия геминации в тосканском и римском диалектах — синтагма и фонологическое слово (словосочетание): [*a ccasa*], [*che ppensi*]. Удвоение согласных обычно не используется для передачи грамматических значений, а необходимо как средство связывания элементов внутри синтагм. В какой-то мере с его помощью решается задача снятия омофонии на уровне словосочетаний: *se bbono* — *se' bono* (различение союза *se* и глагольной формы *sei*), *po ffare* — *po' fare* (различение форм 3 и 2 лица ед. ч. глагола *potere*).

В Лигурии — северо-западном прибрежном регионе Италии, южным концом смыкающемся с Тосканой, - отсутствует феномен

внешнего сандхи, однако геминация активна внутри слов (словоформ). В генуэзском варианте лигурийского диалекта действует живое фонологическое правило, в соответствии с которым согласные внутри слов удваиваются в зависимости от ударности (=краткости) предшествующего гласного: ср. *òmmo*, *òméto*, *òmetìn*. Фонетическая природа этих двойных согласных трактуется по-разному, тем не менее, их использование в качестве маркера словесного ударения не вызывает сомнения, а потому может трактоваться как функция лексического уровня.

В северных диалектах наблюдается иная картина. В ломбардском и эмильянском диалектах, занимающих центральную часть северной оконечности Италии, геминация есть, однако обнаруживается она на внешней (правой) границе фонологической единицы, т.е. представляет собой что-то вроде «обратного сандхи»: см. примеры Рольфса *certi robb*, *i me' cari donn* [Rohlf's 68: 27], а также употребления *pressapocch* 'pressapoco', *semm* 'siamo', *bonn* 'buono'. Речь идет о компенсаторном удлинении согласного, возникающем после падения конечного гласного. В итоге согласный чаще маркирует конец, чем начало языковой единицы, а гласный стремится внутрь нее, образуя многочисленные дифтонги и опорные гласные. При движении на северо-запад, в область Пьемонт, эта тенденция усиливается.

Важно обратить внимание на то, что связующую роль внутри синтагмы в таких системах выполняют уже не согласные, как мы наблюдали в центральных и южных областях Италии, а гласные: интересно, например, что утрата конечного /i/, выражающего значение множественного числа, на конце атрибутивной синтагмы не отменяет его наличия внутри синтагмы: *certi robb* *'certe robe', а при его изначальном отсутствии этот гласный даже добавляется к основе: *trij ann* 'tre anni'. Если принять во внимание, что вынос грамматического значения за пределы знаменательного слова характерен для систем, развивших аналитическую тенденцию, то мы получаем конкретную возможность связать наличие контактных соединений гласных внутри синтагм (слов? фраз?) с иным типом языковой системы, чем те, для которых характерна геминация согласных.

Однако в этом случае мы уже имеем дело с качественно новым явлением, указывающим на глубинное типологическое различие диалектных систем. Остался нерассмотренным диалект области Венето, где полностью отсутствует геминация, но который мы, тем не менее, относим к системе диалектов, реализующих геминацию согласных, с

необходимой оговоркой, что ее функциональный вес в данной системе будет равняться нулю. Отсутствие геминации согласных, на наш взгляд, свидетельствует о том, что значимой фонологической единицей здесь является слог, представляющий собой неразложимую производительную единицу, характер связывания составных элементов которой не может быть изменен или дополнительно маркирован. В порядке компенсации в диалекте области Венето активно применяется правило строгого порядка слов и использование клитик с грамматическими значениями, а из-за невозможности использовать геминацию для выделения словесного ударения повышается роль слогового тона.

Таким образом, рассматривая явление геминации и сферу его действия в различных итальянских диалектах, мы получаем закономерную и предсказуемую систему переходов от единиц со знаком «плюс» с постепенным уменьшением их функциональной роли (от фразы к слогу) к единицам со знаком «минус» (качественно новая функция). Эти данные, подвергнутые дальнейшему осмыслению и проверке, могут быть полезны для системно-типологического описания итальянских диалектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики: монография. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та., 2006. - 390 с.
- A typology of spreading, insertion and deletion or what you weren't told about *raddoppiamento sintattico* in Italian / M. Absalom, M. Stevens, J. Hajek.; ed. By P. Collins, M. Amberger // Proceedings of the 2002 Conference of the Australian Linguistics Society. - Sydney: University of New South Wales. I-12. - 8 p.
- Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Fonetica. - Torino: Giulio Einaudi Editore s.p.a., 1966. - 522 с.
- Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Morfologia. - Torino: Giulio Einaudi Editore s.p.a., 1968. - 402 с.
- Waltereit R. Fossils of a former phonological rule: Irregular *raddoppiamento fonosintattico* // Philologie im Netz. - 2004. - No.1(29). - P. 40-59.

Хемсакун Чанунпорн

Бангкок, Таиланд,

Плотникова Г.Н.

Екатеринбург, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ГЛАГОВ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ОДНОЙ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ГРУППЕ**

Аннотация. Проблема выявления словообразовательного потенциала отдельных частей речи является одной из актуальных в современной дериватологии, которую еще предстоит решить. Рассмотрение языковых единиц под углом зрения их деривационных возможностей будет также способствовать более глубокому представлению о системных связях в лексике и мотивационно-словообразовательных процессах в системе языка в целом.

Ключевые слова: словообразовательный потенциал, лексико-семантическая группа (ЛСГ), словообразовательное гнездо (СГ), лексико-семантический вариант (ЛСВ).

Сведения о I. авторе: Хемсакун Чанунпорн, Аспирант, кафедры РКИ. Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФу).

Сведения о II. авторе: Плотникова Г.Н., Доктор филологических наук, профессор, кафедра РКИ.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого

Hemsakun Chanunporn

Bangkok, Thailand

Plotnikova G.N.

Ekaterinburg, Russia

**PROBLEMS OF CLASSIFICATION
THE POTENTIAL OF WORD-
FORMATION'S VERBS FROM
THE SAME LEXICAL-SEMANTIC
GROUP**

Abstract. In contemporary linguistics, acknowledgement on classification the potential of word-formation from all kinds of words has been increasing. Therefore, the semantic analysis of the potential of word-formation will represent the deep relation process of the russian word-formation system.

Keywords: the potential of word-formation, lexical-semantic group, words from the same root, lexical-semantic variant.

About the I. Author: Hemsakun Chanunporn, Aspirant from the faculty the Russian language for foreign students.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

About the II. Author: Plotnikova G.N., Doctor of Philology Associate Professor of the Chair the Russian language for foreign students.

Place of employment: Ural Federal

Под словообразовательным потенциалом обычно понимают способность лексической единицы иметь производные и совокупность этих производных, связанных между собой как синтагматическими, так и парадигматическими отношениями.

Словообразовательный потенциал непроизводного слова выявляется прежде всего в словообразовательном гнезде (СГ), где он характеризует СГ с точки зрения его мощности, т.е. «количества входящих в него словесных единиц, не включая исходное слово гнезда» [Рацбургская 2002: 12].

Проблема выявления словообразовательного потенциала отдельных частей речи является одной из актуальных в современной дериватологии, которую еще предстоит решить, так как изучение словообразовательного потенциала каждой части речи «позволит установить долю каждой из них в словопорождающем механизме языка, определить пути и каналы их взаимодействия в процессе словопроизводства» [Тихонов 1978: 3].

Рассмотрение языковых единиц под углом зрения их деривационных возможностей будет также способствовать более глубокому представлению о системных связях в лексике и мотивационно-словообразовательных процессах в системе языка в целом. Однако до сих пор нет сколько-нибудь полных данных о количественном составе дериватов в комплексе словообразовательных гнезд, относящихся к одной части речи. Можно встретить лишь отдельные исследования, в которых имеются подсчеты по некоторым СГ или группам гнезд (Казак, 2001; Кадькалова, 2001; Лисицына, 1985; Миронова 1999; Плотникова, 2004 и др.).

В последние десятилетия появились работы, которые рассматривают какую-либо группу слов как словообразовательную базу русского языка. Именно в этом аспекте анализируются отдельные группы глаголов. Например, в работе Ю.И. Плотниковой исследуется словообразовательный потенциал непроизводных глаголов *висеть*, *лежеть*, *сидеть*, *стоять*, относящихся к одной лексико-семантической группе «положение в пространстве». Или в диссертационном исследовании Гацайниевой Асият проанализирован словообра-

зовательный потенциал группы существительных, являющихся названиями частей тела человека в русском и даргинском языках.

Как отмечают многие ученые (В.А. Белошапкова, А.И. Моисеев, Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, В.М. Шелякин, Н.Ю. Шведова и др.), среди всех частей речи наибольшим словообразовательным потенциалом обладают глаголы. Это во многом определяется тем, что глагол является доминантой русской лексики и не просто образует «глубоко разветвленный и обширный класс слов, но обнаруживает стремление к активному проникновению в сферы других классов, во многом диктуя им пути пополнения и внутренних перегруппировок» [Шведова 1995: 44]. По словам Т.В. Поповой, словообразовательный потенциал непроемких глаголов примерно в полтора-три раза превышает деривационные возможности существительных и прилагательных [Попова 1996: 5].

Словообразовательный потенциал глагола зависит прежде всего от его принадлежности к определенной лексико-семантической группе (ЛСГ), в связи с чем встает вопрос о выявлении и описании словообразовательного потенциала глаголов одной ЛСГ.

Многие ученые отмечают, что выявление и описание словообразовательного потенциала слов определенных частей речи, принадлежащих к одной ЛСГ, является одной из важнейших задач системного изучения словообразования и лексики, так как «каждая лексико-семантическая группа слов порождает свои, закономерно ей присущие производные, поэтому рассматривая словообразовательный потенциал слов определенной части речи и определенных лексико-семантических групп, мы создаем некую научную абстракцию (конструкт), отражающую свойства реального объекта» [Земская 1992: 18].

Несмотря на большой интерес к словообразовательному потенциалу глагола, существует немало вопросов, которые на сегодняшний день либо недостаточно разработаны, либо открыты. Так, например, до сих пор не исследован потенциал отдельных лексико-семантических групп глагола, не определена методика выявления словообразовательного потенциала ЛСГ, нет сопоставительных исследований словообразовательного потенциала ЛСГ глаголов в разных языках и т.д.

Это, вероятно, связано с тем, что при определении словообразовательного потенциала ЛСГ глагола, существует много проблем. Мы

постарались определить основной круг проблем при выявлении словообразовательного потенциала лексико-семантической группы глаголов характеризованной речевой деятельности. Эта ЛСГ представлена в Толковом словаре русских глаголов (ТСРГ) под редакцией Л.Г. Бабенко в количестве 76 слов.

Так как словообразовательный потенциал, как было сказано выше, определяется в составе СГ, то прежде всего надо было отобрать только те глаголы, которые являются исходными глаголами словообразовательного гнезда, т.е. непроезженные слова в составе выделенной группы. Для этой цели мы воспользовались Словообразовательным словарем А.Н. Тихонова. Таких слов оказалось 29 и, следовательно, для анализа появилось 29 словообразовательных гнездо. Однако проблема заключается в том, что не вошедшие в это число глаголы данной ЛСГ входят в другие СГ, в которых они также проявляют свой словообразовательный потенциал. Например, глагол *шепелявить* находится в СГ *шепелявый*, где он образует 4 производных слова (*шепелявление; шепелявящий, прич.-прил.; зашепелявить; прошепелявить*), от которых, в свою очередь, образуются другие слова.

Таким образом, для выявления полного объема словообразовательного потенциала одной лексико-семантической группы важно учитывать, на наш взгляд, и производные глаголы, которые не образуют свои самостоятельные СГ, но их словообразовательный потенциал проявляется в комплексных структурных единицах других СГ: словообразовательных парадигмах и словообразовательных цепочках.

Вторая проблема связана с характером семантической структуры исходного глагола гнезда. Если глагол имеет одно значение, то особых трудностей не возникает: все его дериваты, как правило, и составляют его словообразовательный потенциал. В данной группе таких глаголов оказалось восемь: *бормотать, брюзжать, бубнить, гаркать, галдеть, изложить, скандировать, шамкать*. Но большинство глаголов этой группы имеют по несколько значений.

Однако, как известно, имеющиеся словообразовательные словари не разграничивают производные слов в зависимости от того значения производящего, на базе которого они возникли, то есть в них показан словообразовательный потенциал слова как лексем. «Но семантическая структура конкретного производного слова строится на вполне определенном значении производящего, если оно полисемично» [Плотникова 2011: 104]. При этом значения в полисемичном ис-

ходном слове гнезда могут иметь разные категориально-лексические семы и поэтому соотноситься с разными лексико-семантическими группами, что, несомненно, отражается и на производных. Это приводит к тому, что в составе СГ появляются семантические группировки производных слов, объединенных единой словопроизводственной базой, в качестве которой выступает отдельный лексико-семантический вариант значения (ЛСВ). Такие группировки производных слов в научной литературе получили название семантических подгнезд (А.М. Зализняк, Е.Н. Котлярова, М.Ф. Скорнякова, А.Н. Тихонов и др.). Так, М.Ф. Скорнякова отмечает, что анализ СГ с исходными многозначными глаголами «дает возможность выделять варианты словообразовательных гнезд, составляемые лексико-семантическими вариантами глаголов» [Скорнякова 1982: 287].

Таким образом, если речь идет о словообразовательном потенциале ЛСГ, то необходимо найти в составе словообразовательных гнезд семантические подгнезда, образованные лексико-семантическими вариантами, соотносительными с данной ЛСГ глаголов. Именно они войдут в состав объема словообразовательного потенциала определенной ЛСГ, а не весь состав СГ. К сожалению, в Словообразовательном словаре русского языка А.Н.Тихонова не указаны семантические подгнезда, поэтому их надо составлять самостоятельно. При этом исходной базой для семантического подгнезда может быть как основное значение глагола, так и вторичные значения. Например: глагол *диктовать* имеет 2 значения, но только его первое значение соотносится с данной ЛСГ: – «1. Медленно и раздельно произносить что-л. вслух с тем, чтобы слушающие записывали» [МАС]. В данном случае в это подгнездо войдут почти все слова гнезда (*диктоваться, диктовка, диктант, подиктовать, продиктовать*), за исключением слова *диктат*, которое соотносится со вторым значением глагола: – «2. Предлагать называть, что-л. для безоговорочного выполнения; предписывать» [МАС]. Или глагол *брякать* имеет 3 значения, но только его третье значение соотносится с ЛСГ глаголов характеризованной речевой деятельности: – «3. Перен.; Разг. Необдуманно, неосторожно сказать» [МАС]. И следовательно, в словообразовательный потенциал данной ЛСГ войдет семантическое подгнездо, образованное на основе только этого ЛСВ. В данном случае в это подгнездо войдут два слова: *брянуть* в 3 знач.: – «3. Перен.; Разг. Необдуманно, неосторожно сказать» [МАС]. И *отбрякать* во 2 значениях: –

«что. Высказывать, не стесняясь, с грубоватой прямоотой» [СУ]. Еще одна проблема, связана она с грамматической характеристикой глагола. Как отмечал В.В. Виноградов, «область словообразования является ареной сложного и разнонаправленного взаимодействия лексических и грамматических категорий» [Виноградов 1977: 47].

У глагола наиболее тесно связана с лексическим значением грамматическая категория вида, которой охватываются все глаголы, формируя, как правило, видовые пары. До сих пор существуют две противоположенные точки зрения на природу этой грамматической категории: одни ученые считают ее словоизменяющей, другие – словообразующей. Не вдаваясь сейчас в сущность каждой из этих точек зрения, отметим лишь спорные моменты, касающиеся нашего исследования. Дело в том, что в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова члены видовой пары предстали как разные слова, занимающие соответствующие позиции в СГ. Однако в дальнейшем, в своей книге «Русский глагол», А.Н. Тихонов по-новому осветил этот вопрос, заявив, что члены видовых пар – это формы одного и того же глагола, аффиксы НСВ – формообразующие, а «члены имперфективных корреляций находятся в отношениях формообразовательной производности СВ→НСВ» [Тихонов 1998: 18]. Безусловно, такое утверждение меняет картину структурной организации глагольного СГ, а также его наполняемость, что создает дополнительные трудности для выявления словообразовательного потенциала. С другой стороны, как отмечают многие ученые, глаголы видовой пары могут обладать разными системами лексических значений, то есть каждый член видовой пары «может иметь значения, несоотносительные со значениями другого члена» [АГ-80: 584]. Например, глагол *заикаться* в несовершенном виде он имеет одно значение. А в совершенном виде (*заикнуться*) у него 2 значения. И оба значения имеют отношение к речевой деятельности.

Итак, объем словообразовательного потенциала определенной ЛСГ складывается из суммы дериватов, представленных в отдельных СГ и семантических подгнёздах, сохраняющих «семантическую выводимость» (И.А. Ширшов) от слов, входящих в эту ЛСГ. Следует отметить, что анализ отдельных СГ с исходными глаголами характерной речевой деятельности показал, что они довольно существенно отличаются друг от друга по объему. Например, всего по три деривата находим в СГ с исходными глаголами: *заикаться* (*заик-*

нуться; заикание; заика), бубнить (забубнить; побубнить; пробубнить) и мямлить (мямля, замямлить, промямлить). В словообразовательных гнездах данной ЛСГ (без под-разделения на семантические подгнезда) самым мощным гнездом является гнездо глагола *нести* – 579 дериватов. Ряд других гнезд также являются довольно объемными, например: *чесать* – 154 деривата, *цедить* – 65 дериватов, *долбить* – 64 деривата и др.

Причины этого различны. Прежде всего, как отмечают многие, количество дериватов в СГ зависит от лексико-семантического объема исходного слова гнезда: чем больше ЛСВ оно имеет, тем больше дериватов образуется в нем. Так, по данным МАС у глагола *нести* зафиксировано 12 значений, и в его СГ находим 579 дериватов; глагол *долбить* имеет 4 значения и 2 оттенка, и в его СГ находим 64 деривата; а у глагола *галдеть* зафиксировано только одно значение, и в его СГ находим всего 7 дериватов.

Также важным фактором, влияющим на объем СГ, является его стилистическая окраска. Это сказывается в том, что у глаголов, не имеющих стилистической окраски, находим больше дериватов в составе гнезда, чем у глаголов со стилистической окраской. Например, глагол *лопотать* имеет помету *Разг.* Его СГ составляют 7 дериватов; а глагол *роптать* не имеет стилистических помет и в его СГ находим 17 дериватов.

Глаголы с пометой *Перен.* тоже, как правило, имеют меньше дериватов. Например, глагол *лепетать* с переносным значением имеет в СГ 7 дериватов, глагол *лопотать* с переносным значением имеет в СГ тоже только 7 дериватов.

К сожалению, объем данной статьи не позволяет остановиться на других проблемах, но и решение указанных проблем будет способствовать не только более адекватному выявлению словообразовательного потенциала отдельной лексико-семантической группы глаголов, но и описанию деривационного процесса в русском языке, раскрывая сложность организации и функционирования словообразовательной системы в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Большой толковый словарь русских глаголов (БТСРГ) / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 573 с.
- Виноградов В.В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Лексикология и лексикография: избр. тр. – М.: Наука, 1977. - С. 47-68.
- Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Лексикология и лексикография: избр. тр. – М.: Наука, 1977. - С. 162-189.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
- Плотникова Г.Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 144 с.
- Попова Т.В. Русские непроизводные глаголы: морфемная структура и деривационные особенности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 119 с.
- Попова Т.В. Способы глагольного действия и лексико-семантические группы глаголов // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во урал. ун-та, 1997. - С.147-239.
- Рацибурская Л. В. Словообразовательное гнездо и принципы его описания: учеб.-метод. пособие. – Н. Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2002. – 50 с.
- Русская грамматика=АГ-80 / гл. ред Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – 783 с.
- Скорнякова М.Ф. О зависимости структуры словообразовательных гнезд от лексико-семантического своеобразия исходных глаголов. – Ташкент: АПРС., - 1982. – С.285-288.
- Словарь русского языка (Малый академический словарь): в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.
- Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. – М.: Академия, 1998. – 280 с.
- Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I-II. – М.: Русский язык, 1985.
- Тихонов А.Н. Лексико-семантические и грамматические проблемы изучения словообразовательного гнезда // Вопросы русского и общего

языкознания: сборник научных трудов Ташкентского ун-та. – Ташкент: Укитувчи, 1978. – № 549. – С. 3-13.

Толковый словарь русского языка. Т. I / под редакцией проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935. – 531 с.

Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник: к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. – М.: ИРЯ РАН, 1995. – 414 с.

Чагин И.В.

Пермь, Россия

**РОЛЬ ВОПРОШАНИЯ В
ТИПОЛОГИИ НАУЧНОГО
ПЕРЕВОДА³**

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения типологии научных текстов и связанный с ней вопрос выявления типологических параметров исходного научного текста, определяющих его научность и вследствие этого необходимых для трансляции в тексте перевода. Понятие вопрошания, изучаемое в переводческом аспекте, также рассматривается как неотъемлемая черта научного текста, которую необходимо транслировать в тексте перевода. Универсальность вопрошания, первичность по отношению к тексту и деятельностный характер доказывают значимость вопрошания в научном переводе.

Ключевые слова: научный перевод, типология научных текстов, вопрошание, вопрос, типология научного перевода.

Сведения об авторе: Чагин Игорь Владимирович, аспирант, преподаватель кафедры английской филологии.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: 614036, г. Пермь, ул. Одоевского, 22, кв. 9.
e-mail: balloonucs0boy@gmail.com

Chagin I.V.

Perm, Russia

**SIGNIFICANCE OF
QUESTIONING IN TYPOLOGY
OF SCIENTIFIC TRANSLATION**

Abstract. The article deals with the question of typology of scientific texts, that is related to the question of defining parameters of a source language text, which determine its scientific value and are necessary to be transferred into the target language text. The concept of questioning which is explored in the aspect of translation, is considered as an essential feature of scientific text, which should be translated to keep the scientific value of the text. Universal character of questioning in the process of cognition, primary status of questioning in comparison to the text and dynamicity of questioning determine its significance in scientific translation.

Keywords: scientific translation, typology of scientific texts, questioning, question, typology of scientific translation.

About the Author: Chagin Igor Vladimirovich, post-graduate student, teacher of the Department of English Philology. Place of employment: Perm State National Research University.

Современный этап развития переводоведения выявляет новые

³ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 6.5828.2011).

проблемы, связанные с переводом текстов. Одной из актуальных проблем современной лингвистики является исследование перевода научных текстов. Актуальность изучения перевода научных текстов обусловлена высокой востребованностью научных переводов в глобальной научной коммуникации. Значимость научного перевода заключается в том, что он, прежде всего, является средством обмена новыми научными знаниями. В переводе объединяются усилия ученых разных стран в развитии той или иной научной теории или концепта. Наконец, научный перевод может служить фактором появления научных открытий, которые были бы невозможны без совместной работы ученых во всем мире. При этом нужно учитывать, что наиболее востребованными оказываются переводы тех текстов, которые обладают наиболее высоким уровнем научности, то есть представляют действительную научную и практическую ценность. В связи с этим актуально решение следующих вопросов: Из каких компонентов складывается научность текста? Каким образом организовать перевод, чтобы обеспечить трансляцию научности?

Решение данных вопросов в рамках современного переводоведения связывается с общими вопросами изучения типологии текста. По аналогии с лингвистической типологией, трактуемой как «сравнительное изучение структурных и функциональных свойств различных языков, независимо от генетических отношений между ними» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 512], можно предположить, что типология текста создается посредством сопоставительного изучения структурных и функциональных параметров текстов, в результате чего возможно выявление отдельных типов текстов, обладающих определенными параметрами, отличающими один тип текста от другого. Исследование трансляции выявленных параметров текста в переводе позволяет предположить, что перевод должен обладать теми же структурными и функциональными параметрами, характеризующими его как отдельный тип перевода. Некоторые исследователи уже обосновывают тип перевода исходя из типологических особенностей текста и типов двуязычной деятельности [Львовская 2007], изучение специфики перевода в данном аспекте заставляет сфокусировать внимание на исследовании типологических параметров текста. В число параметров научного типа текста, транслируемых в переводе, наряду с такими свойствами как информативность, логичность, связность, цельность, теоретичность, терминологичность и т.д., может быть

включено понятие вопрошания. Исследование понятия *вопрошание* в качестве типологического параметра научного текста и научного перевода имеет несколько обоснований.

Во-первых, вопрошание имеет универсальный характер в том смысле, что оно используется в качестве универсального инструмента познания действительности. Зародившись в доантичную эпоху (Древний Египет, Индия, Китай) и оформившись в античный период истории в трудах известных философов (Сократ, Платон, Аристотель, Диоген, Протагор, Кратил), вопрошание на сегодняшний день является объектом исследования различных наук, следовательно в каждой сфере знания исследуются различные аспекты вопрошания. Вопрошание достаточно глубоко изучено в философии и логике (Аристотель, Н. Белнап, В.Ф. Берков, Ф. Бэкон, Г.-Г. Гадамер, Р. Декарт, Э. Кондильяк, С.Б. Крымский, Г. Лейбниц, Платон, Сократ, И. Стил, Я. Хинтикка, Г.П. Щедровицкий), психологии (А.А. Ухтомский, Edelman S., Loewenstein G.), социологии (Аверьянов Л.Я.), лингвистике и литературоведении (М.М. Бахтин, А.В. Бондарко, И.Р. Гальперин, М.А. Кобелева, А.Ф. Конюхов, А.В. Логинов, Ю.М. Лотман, Л.Н. Мурзин, А.И. Новиков, Н.К. Рябцева, G. A. Leech, L. Tesnière). Вопрошание может быть использовано в различных целях и с различными установками для исследования разных сфер знания (в философии и логике – как способ выявления истины; в религии – как способ постижения божественной истины; в психологии и психиатрии – как способ изучения процессов мышления и причин болезни; в социологии – как способ сбора информации и изучения общественных отношений; в лингвистике – как метод исследования связи языка и мышления).

Во-вторых, вопрошание рассматривается как атрибут человеческого мышления, как ментальный процесс, неразрывно связанный с процессами понимания и познания. Вопрошание в данном случае выступает как метод получения нового знания, а познание и понимание – как результаты этого процесса. Познание, со времен эпохи великих географических открытий, всегда подразумевало направленность на открытие нового знания. Понимание, по С. Крымскому, «выступает результатом ответа на определенные вопросы» [Крымский 2006: 101; 105]. Открытость человеческого сознания через вопрошание подчеркивал и М. Хайдеггер: «Вопрошание – это благочестие мысли, освобождение от окончательных констатаций» [Крым-

ский 2006: 9]. Ментальный характер вопрошания определяет его первичность по отношению к научному тексту как результату мыслительной деятельности исследователя. Первичный характер вопрошания является, на наш взгляд, условием того, что вопрошание может обуславливать тип научного текста, принципы его построения, содержание, цели и задачи текста. В результате анализа индивидуальной исследовательской деятельности, отраженной в научных текстах, было выявлено в среднем около 60 случаев встречаемости вопрошания на каждые 10-12 страниц текста, что в целом составляет около 1200 случаев на протяжении всего текста (общее количество – 198 страниц). Данные, полученные в результате обработки текстов, свидетельствуют о наличии вопрошания в научном тексте, а высокая частотность встречаемости вопрошания – о том, что вопрошание присуще научному тексту и активно используется при его построении.

В-третьих, мы полагаем, что вопрошание имеет динамический характер. Некоторые из приведенных ниже определений вопроса подтверждают мысль о деятельностной природе вопрошания. «Вопрос – мыслительная и языковая структура, которая опосредованно функционирует в основаниях всякой осмысленной человеческой **деятельности**... Вопрос есть высказывание, предполагающее ответ. В свою очередь ответ – это высказывание, которое есть результат **интеллектуальной деятельности** (решения задачи), обусловленной и управляемой вопросом» [Современный философский словарь 1998: 150]; «убедиться в чем-либо на опыте – для этого необходима **активность вопрошания** (des Fragens)» [Гадамер 1988: 218]. Исходя из данных определений, можно сделать вывод о том, что вопрошание, в отличие от категории вопросительности, исследуемой в теориях по грамматике и синтаксису, где вопросительность трактовалась лишь как тип вопроса [Leech 1983: 74], представляет собой не застывшую структуру, а интеллектуальную деятельность по получению нового знания, что позволяет отнести вопрошание в большей степени к типу мыслительной деятельности. Вопрошание динамично, поскольку сам процесс познания динамичен: исследователь ставит вопрос, и отвечая на него, задается новым вопросом. Перечень вопросов, поставленных в определенной последовательности, создает своеобразный «канал», по которому «продвигается» исследователь, пытаясь решить ту или иную научную проблему. Если предположить, что каждый новый ответ влечет за собой новый вопрос, то данный процесс можно представить в виде бес-

конечного «тоннеля», причем с каждым шагом исследователь «погружается» глубже, выявляя новые аспекты исследуемой проблемы. Вопросание, таким образом, выступает в качестве движущей силы, направляющей научное познание. Данная трактовка понятия вопросание в достаточной мере отвечает положениям современных деятельностных теорий перевода, развивающих точку зрения о том, что перевод представляет собой деятельность по осмыслению исходного текста и трансляции выявленного смысла в тексте перевода.

Таким образом, выявленные в процессе теоретического и практического исследования универсальность вопросания в качестве средства познания, ментальный характер вопросания и его первичность по отношению к научному тексту, а также деятельностная природа вопросания обусловили его значимость в процессе изучения типологии научных текстов. Благодаря выявленным характеристикам, вопросание с необходимостью реализуется в научном тексте, поскольку научное мышление невозможно без постоянной постановки вопросов, сомнения в исследуемой проблеме. Вопросание определяет построение научного текста, поскольку научное вопросание отличается от других типов вопросания (например, от вопросания в художественном типе текста), кроме того, научное вопросание имеет специфические цели и задачи в зависимости от типа научного текста (статья, реферат, монография, учебник, патентное описание, аннотация, документация, каталог, справочник и т.д.). Анализ нескольких типов научных текстов (статья, монография, аннотация) позволяют сделать вывод о том, что вопросание в наиболее цельном виде реализуется в жанре научной монографии, в то время как научная статья отражает лишь фрагмент познавательной деятельности исследователя, направленный на решение определенной задачи. Отмеченные характеристики вопросания как атрибута научного типа текста позволяют предположить, что вопросание может быть транслировано в тексте перевода, следовательно может войти в перечень параметров научного перевода, трансляция которых является необходимым условием сохранения научности исходного текста в переводе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / под ред. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
- Кобелева М.А. Категория интеррогативности как атрибут научного текста // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Издательство ЧелГУ, 2007. – № 1. – С. 57-61.
- Крымский С. Экспликация философских смыслов. - изд. дополн. - М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Львовская З.Д. Современные проблемы перевода. – М.: URSS, 2007. – 220 с.
- Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М.: Панпринт, 1998. – 1064 с.
- Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. – М.: Просвещение, 1983. – 156 с.

Чайкисова А.В.

Иркутск, Россия

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ МОДАЛЬНЫХ
ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются последние изменения в функционировании модальных глаголов в современном английском языке. Предлагается обзор основных результатов корпусных исследований данной проблемы.

Ключевые слова: модальность, языковая динамика, модальные глаголы, полумодальные глаголы.

Chaykisova A.V.

Irkutsk, Russia

**TENDENCIES IN THE
DEVELOPMENT OF MODAL
SYSTEM IN MODERN ENGLISH**

Abstract. The article discusses recent changes in the development of the system of English modals. It summarizes the main approaches and results in this field.

Keywords: modality, language dynamics, modal verbs, semi-modal verbs.

Сведения об авторе: Чайкисова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической лингвистики.

Место работы: Иркутский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 664080, г. Иркутск, мкр. Топкинский, д.66, к. 20.
e-mail: anncher@rambler.ru.

About the Author: Chaykisova Anna Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theoretical Linguistics.

Place of employment: Irkutsk State Linguistic University.

В лингвистике давно доказано, что языковая система не стабильна, а динамична. Динамика проявляется на всех уровнях языка, в том числе и в грамматике. Несмотря на то, что грамматический строй языка является одним из наиболее устойчивых, а происходящие в нем изменения не так очевидны, как, например, в лексике, и представляют определенную сложность для анализа, исследование данной проблематики в современном английском языке представляет, на наш взгляд, особый интерес. Кроме того, результаты зарубежных исследований последних лет показывают, что эта область достаточно интенсивно развивается, в ней активно протекают разнообразные динамические процессы. Цель данной статьи – проанализировать на примере английских модальных глаголов динамику развития грамматической системы

английского языка и выявить основные тенденции изменений на современном этапе развития.

В последнее время зарубежные лингвисты проявляют устойчивый интерес к изучению динамики в системе модальных глаголов в современном английском языке. Благодаря развитию корпусной лингвистики и наличию разных корпусов английского языка стало возможным проводить количественные исследования, в которых подсчитывается и сопоставляется частота встречаемости языковых единиц в различных контекстах в разные периоды времени, и таким образом выявляется определенная динамика. В сфере модальных глаголов результаты таких исследований убедительно демонстрируют значительное снижение частотности основных модальных глаголов (*can, could, may, might, shall, should, will, would, must*) и увеличение частотности так называемых полумодальных глаголов (*have (got) to, be able to, be going to, (had) better to* и др.) в британском и американском вариантах английского языка [Close and Aarts 2010, Leech 2003, 2009, Krug 2000, Mair 2006].

Среди основных модальных глаголов, демонстрирующих значительный спад, ученые прежде всего называют *shall* и *must*. Процессы, связанные с постепенным выходом из употребления глагола *shall*, протекают уже в течение двухсот лет. В целом, его употребление сокращается в контекстах будущего времени, для выражения волеизъявления, предсказания и прогнозирования, так как он вытесняется глаголом *will*. Отмечается, что в американском варианте *shall* служит маркером формального стиля, или используется для создания особого литературного эффекта. Кроме того, *shall* сохраняется в устойчивых конструкциях типа *as we shall see* [Mair 2006: 102]. Что касается снижения частоты употребления глагола *must*, то это связывается в первую очередь с соответствующим ростом функционирования глагола *have (got) to* [Krug 2000: 74-78]. С другой стороны, утверждается, что употребление *have got to* не увеличивается до такой степени, чтобы компенсировать снижение функционирования *must* [Leech 2003]. Противоречивые результаты наблюдаются также касательно глагола *may* – одни говорят о снижении, другие – о повышении частотности [см. Jill et al. 2012]. В этой связи абсолютно уместным нам представляется замечание о том, что, во-первых, необходимо рассматривать изменения в употреблении модальных глаголов в зависимости от типа текста (жанра, дискурса), а во-вторых, анализировать не общие, а частные случаи, обращая вни-

мание на формальные и семантические особенности конструкций, в которых используется тот или иной модальный глагол.

Так, анализ функционирования глаголов *must*, *have (got) to* и *need to* в различных типах текстов показывает, что *have(got) to* доминирует разговорном варианте, в то время как *must* и *need to* чаще используются в письменной речи (это связано с различной степенью формальности) [Johansson]. Кроме того, *must* демонстрирует высокую частотность функционирования в перформативной конструкции (*I must admit/confess/say/apologize/insist/ emphasize* и т.д.), а глаголы *have (got) to* и *need to* достаточно редко используются в этой функции [Johansson].

Если говорить о реализации определенных модальных значений, то модальный глагол *have (got) to* заменяет *must* преимущественно в деонтическом значении, а не в эпистемическом, несмотря на то, что немногочисленные примеры употребления *have (got) to* в значении высокой вероятности встречаются в современном английском языке, о чем свидетельствуют результаты исследования [Krug 2000] и корпусные данные:

You have got to be kidding me (COCA⁴);

It's got to be better than this(BNC⁵);

There's got to be something (BNC).

Необходимо также отметить развитие конструкции *I need you to + verb*, которая в современном английском языке часто используется вместо конструкции *you must + verb*. Возникает вопрос, каковы причины этого явления, а также тех изменений, которые были рассмотрены выше.

Интересной представляется попытка найти объяснение нестабильности в употреблении модальных глаголов через семантические изменения. Так было выдвинуто предположение о том, что это может быть связано со сдвигом в значении основных модальных глаголов в сторону однозначности [Leech 2003]. Однако анализ показал, что у разных глаголов процесс семантических изменений протекает по-разному, да и вряд ли какой-либо из модальных глаголов можно назвать однозначным на данном этапе развития.

⁴ COCA – Corpus of Contemporary American English, Brigham Young University, Provo UT.

⁵ BNC – British National Corpus, Oxford University, Oxford.

Текущие изменения в системе модальных глаголов можно объяснить и социально-психологическими причинами [Myhill 1995, Mair 2006]. В частности, употребление таких глаголов, как *must*, *should*, *may* и *shall* ассоциируется с социальной иерархией, то есть, употребляя эти глаголы, говорящий навязывает свой авторитет, власть. Такой способ общения считается некооперативным, по терминологии П. Браун и С. Левинсона может рассматриваться как «угрожающий лицу» (*face-threatening*). Использование глаголов *have to*, *got to*, напротив, свидетельствует о стремлении говорящего к поддержанию сотрудничества, делает его высказывания более вежливыми. Зарубежные исследователи называют данную тенденцию “*democratization*” [Leech 2004: 75, Klein 2009], т.е. стремлением избегать неравенства в коммуникации, прямого выражения контроля со стороны говорящего, и напротив, поощрять использование вежливых, эгалитарных форм в общении.

В качестве еще одной тенденции развития системы модальных глаголов в современном английском языке можно назвать проникновение и распространение черт разговорной речи в письменную, т.н. “*colloquialization*” [Leech 2004: 75, Klein 2009]. Этим объясняется увеличение частоты функционирования форм *have to* и *need to*, изначально употребляющихся в разговорной речи в три раза чаще, чем в письменной [Klein 2009].

Нельзя не отметить динамику развития такой очень популярной формы выражения деонтической модальности в современном английском языке, как *had better*. Здесь наблюдается тенденция опускать *had* и постепенная перекатегоризация *better* в модальный глагол [Mair 2006: 109]. Конструкция с *better* также используется для выражения говорящим оценки ситуации. В связи с вышесказанным, в современном английском языке можно встретить такие случаи употребления *better*:

It better be good (BNC);

Wow, I want to be a part of that, so I *better not* screw this up (COCA).

Схематически развитие конструкций с *better* представляют следующим образом: *had better* → ‘*d better* → *better*, при этом отмечается, что в британском варианте предпочтение отдается промежуточной форме – ‘*d better*, а в американском – самой юной форме – *better* [Denison and Cort 2010: 354; van der Auwera et al. 2011].

Как мы видим, в системе модальных глаголов действительно наблюдаются значительные изменения, касающиеся не только частотности функционирования, но и их семантических, формальных и дискурсивных особенностей употребления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Close J., Aarts B. Current change in the modal system of English: a case study of *must*, *have to* and *have got to* // *The history of English verbal and nominal constructions* / ed. by U. Lenker, J. Huber and R. Mailhammer. – Amsterdam: John Benjamins, 2010. – P. 165-181.
- Denison D., Cort A. *Better as a verb* // *Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization* / ed. by K. Davidse, L. Vandelanotte, H. Cuyckens. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2010. – P. 349-383.
- Johansson S. *Modals and semi-modals of obligation in American English: Some aspects of developments from 1990 until the present day*. [Electronic resource] – University of Oslo [Online]. –URL: www.ucl.ac.uk/english-usage/projects/verb-phrase/book/johansson-.pdf
- Jill B., Wallis S., Aarts B. *Contemporary change in modal usage in spoken British English: mapping the impact of 'genre'* // *Current issues on evidentiality and modality in English: theoretical, descriptive and contrastive studies* / ed. by Van der Auwera J. and Marin Arrese J.I. – Mouton de Gruyter, (forthcoming 2012).
- Klein B. *Ongoing grammatical change in spoken British English: real-time studies based on the DCPSE*. [Electronic resource]. – 2009. – URL: periodicals.narr.de/index.php/aaa/.../729
- Krug M. *Emerging English Modals: A Corpus-based Study of Grammaticalization*. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2000. –333 p.
- Leech G. *Modality on the move: The English modal auxiliaries 1961–1992*. // *Modality in Contemporary English* / ed. by R. Facchinetti, M. Krug, F. Palmer. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 223–240.
- Leech G. *Recent grammatical change in English: data, description, theory* // *Advances in corpus linguistics. Proceedings of the 23rd ICAME Conference, Gothenburg, 2002* / ed. by B. Altenberg, K. Ajimer. – Amsterdam & New York: Rodopi, 2004. – P. 61-81.
- Leech G. et al *Change in contemporary English: a grammatical study*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 341 p.
- Mair Ch. *Twentieth Century English: History, Variation and Standardization*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 244 p.

Myhill J. Change and continuity in the functions of the American English modals // *Linguistics* 33. – 1995. – P. 157-211.

van der Auwera J., Noël D., Van linden A. Had better, 'd better and better: Diachronic and transatlantic variation. [Electronic resource]. – 2011. – URL: <http://webh01.ua.ac.be/vdauwera/Better.pdf>

Шакин П.В.

Екатеринбург, Россия

**ВЫЗОВ (CHALLENGE):
ВЛИЯНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО
ЗАИМСТВОВАНИЯ НА
РУССКУЮ КОНЦЕПТОСФЕРУ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода слова CHALLENGE на русский язык. На примере несоответствия словарных статей и фактического значения, автор выдвигает гипотезу о формировании нового концепта. Что подтверждается проведенным исследованием.

Ключевые слова: лексика, заимствование, концепт, сема.

Сведения об авторе: Шакин Павел Владимирович, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Место работы: Уральская государственная архитектурно-художественная академия.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 31, к. 405. e-mail: shakin@the.su

Shakin P.V.

Ekaterinburg, Russia

**CHALLENGE: LEXICAL
BORROWING IMPACT ON
RUSSIAN SPHERE OF CONCEPTS**

Abstract. The article deals with the problem of translation of the word CHALLENGE into russian language. Due to the mismatch of dictionary entries, the author proposes a hypothesis about forming of a new concept. The data are confirmed by an appropriate research.

Keywords: lexis, borrowing, concept, seme

About the Author: Shakin Pavel Vladimirovich, senior teacher at the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural State Academy of Architecture and Arts.

Крутые повороты истории на рубеже XX–XXI веков, привели к тому, что русскоязычное языковое пространство столкнулось с широкомасштабной англоязычной экспансией, выражающейся в обильном заимствовании английских слов. Причины данного явления очевидны, но этот процесс активно продолжается и по сей день, причем, влияние английского языка на русский приобретает все более сложные формы. Механизмы регулярных безэквивалентных заимствований обусловлены отсутствием в русском языке линейного эквивалента заимствованной лексемы (*провайдер*). Однако внедрение «чужеродных» программ в концептосферу носителей русского языка приводит к освоению новых концептов. В какой-то степени концепт обладает свойствами сознания и является неким подобием кристаллизованных частиц общего информационного поля, обладает сложной иерархичной мозаичной структурой. Концепт есть нечто, неразделимо соединяющее в себе

элементы сознания, действительности и языкового знака [Прохоров Ю.Е. В поисках концепта 2004: 184].

Часто заимствуется не только лексическое значение слова, а концепт (или его фрагмент), который может быть выражен в заимствующем языке как английским словом, так и близким по значению русским. Примером последнего может служить функционирование в русском языке слова *вызов*.

В контекстах современной прессы, а также в Корпусе русского языка существует масса примеров использования этого слова в значении, не зафиксированном в русском толковом словаре. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1991) дает следующее определение слова *вызов*: 1. Требование, приглашение явиться куда-н. *Направить в. кому-н. Прибыть по ~у. Явиться с ~ом на руках.* 2. кому (чему). Выраженное словами, поступками, взглядом желание вступить в борьбу, спор. *В его словах прозвучал в. С ~ом посмотреть на кого-н. Бросить в. окружающим (обычно о поступке, идущем вразрез с чем-н. общепринятым).*

Тем не менее, в экономическом и политическом дискурсе мы наблюдаем множество примеров использования слова *вызов* в новом значении. Например: *Каждую страну нужно рассматривать отдельно. Но есть один общий момент – насколько хорошо исламисты смогут управлять экономикой, обеспечат ли они процветание и решат ли ключевые проблемы своих стран. Экономика – ключ к стабильности. Если исламисты не справятся с этим **вызовом**, их выкинут на свалку истории* (Независимая газета, http://www.ng.ru/courier/2012-03-05/9_risks.html).

Очевидно, что слово *вызов* приобрело новое значение под влиянием английского слова *challenge*. В словарях Oxford Advanced Learner's Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, Merriam-Webster's 11th Collegiate Dictionary, Macmillan English Dictionary искомый ЛСВ лексемы *challenge* формулируется как *'a new or difficult task that tests sb's ability and skill in a way that is interesting, a stimulating task'*; *'something that needs a lot of skill, energy, and determination to deal with or achieve, especially something you have never done before and will enjoy doing'*. Англо-русский словарь В.К. Мюллера (1991) предлагает в качестве эквивалента перевод *'сложная задача, проблема'*.

В результате компонентного анализа семных структур значений вариантов переводов и лексемы *challenge*, нами были выделены экви-

валентные и безэквивалентные семы. К первым относятся: 'вопрос', 'задача', 'проблема' (task) – лексические эквиваленты категориальной семы, 'сложная' (difficult), 'новая' (new); 'требует решения', 'исследования' – дифференциальные семы.

Безэквивалентные дифференциальные семы: объектно ориентированная – 'увлекательная' (interesting), субъектно ориентированные – 'проверяет' (tests), 'побуждает к развитию' (stimulating), 'требует энергичности, инициативы, решимости' (needs a lot of skill, energy, and determination), 'достижение' (to achieve), субъектно-ориентированная сема 'новизны' (you have never done before), 'доставит удовольствие' (will enjoy doing).

При переводе слова *challenge* на русский язык теряется субъектно-ориентированный аспект его значения. Для носителя англосаксонской культуры ситуация, описываемая словом *challenge* воспринимается как ведущая к личностному росту, достижению успеха, как связанная с добровольностью выбора субъекта и с его энтузиазмом. Для носителя русской языковой культуры субъектная значимость не зафиксирована в семном составе лексемы *вызов*.

В русском языке концепт *challenge* выражается разными лексемами: вопрос, задача, проблема, [Англо-русский словарь, В. Мюллер, 1991]. С точки зрения лингвокультурологии для носителя англосаксонской культуры испытание – это возможность проверить себя, для русского это, скорее, препятствие, которое можно не только преодолеть, но и обойти.

С учетом всего вышесказанного наиболее эквивалентной лексемой для перевода будет *испытание*. Речь идет не о заимствовании иноязычного слова в совокупности его формы и значения, а только о заимствовании значения английской лексемы *challenge*, а точнее, включении его семантических компонентов, не представленных в слове *вызов* в русском языке, в семантическую структуру русского слова. За счет этого происходит расширение семного состава значения слова и формируется новый для русского языка ЛСВ лексемы *вызов*, чья семантическая структура включает следующие семы: 'новая', 'увлекательная', 'проверяет', 'побуждает к развитию способностей', 'требование активных действий', 'решимости', 'выполняется впервые', 'испытание'. Возможно, в русской лингвокультуре формируется новый концепт *вызов* (см.: Стернин 2006).

Широкое употребление нового значения в публицистическом дискурсе не является свидетельством полноценной интеграции концепта *вызов* в русскоязычное языковое пространство. Политика, бизнес, экономика – терминология этих сфер деятельности активно пополняется за счет английского языка, но как соотносятся новые заимствования с нормами словоупотребления и исконным лексическим составом литературного русского языка? Может ли идти речь об адекватности и уместности употребления новых заимствованных значений? Являясь феноменом массовым, англоязычная экспансия зачастую игнорирует ресурсы русского языка, которые, вероятно, смогли бы самостоятельно восполнить пробелы в концептосфере, в частности при переводе. Чтобы ответить на эти вопросы, был проведен психолингвистический эксперимент.

Цель эксперимента – выявить степень присутствия (или отсутствия) в русском языковом сознании безиквивалентность сем, фиксируемых в англоязычных словарях для значения слова *challenge*, которое переводится как *вызов*. Что позволит выяснить, в каком виде существует концепт *вызов* в русском языковом сознании, насколько он усвоен лингвокультурой. Для достижения этих целей были применены специальные методики.

В пилотном эксперименте приняло участие 27 респондентов в возрасте от 18 до 20 лет. Гендерный состав групп – 19 девушек, 8 юношей. Респонденты – студенты второго курса УГМА, неспециалистами в области политики и экономики. Тестировался уровень обычного сознания рядового носителя русской лингвокультуры.

Испытуемым было предложено две версии заданий. Задания выдавались поочередно, чтобы Версия 1 отражала активное владение концептом, а Версия 2 отражала его представленность в пассивном словарном запасе.

Версия 1 построена с использованием методики *close procedure* и содержит 10 контекстов из англоязычной прессы, переведенных на русский язык. В каждой оригинальной выдержке присутствовало слово *challenge*, которое мы перевели как *вызов*. Однако в анкете это слово было пропущено. Таким образом, испытуемым было предложено, пользуясь собственной языковой догадкой и опираясь на контекст, вставить вместо пропусков подходящие по смыслу слова. Пример: *Концепция дорожной безопасности и охраны здоровья нации начала обретать конкретные очертания лишь после доклада ВОЗ в 2004 го-*

ду. С тех пор эта конструкция формируется медленно и постепенно. Лишь 15% стран имеет базовые правила дорожной безопасности. Превратить практику дорожной безопасности в политику – это глобальн... _____.

Версия 2 предлагала респондентам вставить в эти же контексты наиболее подходящие по смыслу слова из предложенных ниже: *задача, проблема, испытание, препятствие, вызов, вопрос, трудность* либо свое собственное слово. Эти слова в своих категориально-лексических семах репрезентируют смыслы, формирующие семантическое поле нового концепта.

Из расчета абсолютного числа ответов и их процентного соотношения результаты получились следующие (первая цифра – количество полученных ответов / вторая – их процентное соотношение).

Версия 1: проблема (102 / 40,97%), вопрос (28 / 11,24%), задача (15 / 6,02%), трудность (14 / 5,62%), сложность (4 / 1,6%), беда (3 / 1,2%), требование (2 / 0,8%). Другие – дефектные варианты ответов, связанные с непониманием контекста, – имеют показатели (82 / 32,91%). Среди них: *противник, сторонник, окончание, народ, метод, место*.

Версия 2: проблема (65/26%), трудность (35/14%), задача (32/12,8%), вопрос (32/12,8%), испытание (31/12,4%), препятствие (23/9,2%), вызов (9/3,6%). Дефектные варианты ответов, связанные с непониманием контекста, имеют показатели (23/9,2%).

Версия 1 демонстрирует, что носители русского языкового сознания на уровне бытового сознания не владеют концептом *вызов*. Об этом свидетельствует большое количество дефектных ответов. Ни один из респондентов не использовал слово *вызов*. Слово *проблема*, по мнению испытуемых, наилучшим образом вписывается в предложенные контексты. Слова *задача* и *вопрос*, коррелирующие с новым ЛСВ, тем не менее, не являются категориальными семами в структуре его значения. Испытуемыми не освоены семы 'новая', 'увлекательная', 'проверяет', 'побуждает к развитию способностей', 'требование активных действий', 'решимости', 'выполняется впервые', 'испытание'. Предложенный вариант *беда* является эмоциональной интерпретацией отношения к проблеме, с этой точки зрения характерной для русского сознания.

Версия 2 демонстрирует, что на уровне пассивного словарного запаса, концепт *вызов* уже приобретает некоторые очертания. Исполь-

зуется слово *вызов*, а также близкое по значению слово *испытание*, которые отсутствовали в Версии 1. Появляется сема '*проверка личностных качеств и способностей субъекта*', что достаточно важно для понимания контекста. Это объясняется использованием логики и языковой догадки, однако не свидетельствует о полноценном освоении концепта русским языковым сознанием. Доминируют все те же *проблема, задача, вопрос, трудность*. Безэквивалентные семы не реализуются. Процент дефектных ответов высок.

В итоге, благодаря проведенному исследованию, мы с уверенностью можем сказать, что новый концепт *вызов* находится лишь на стадии внедрения в русскую концептосферу. Конечно, он уже существует в зачаточном виде, актуализируется в публицистическом дискурсе, официальной речи. Однако на уровне обыденного сознания новый ЛСВ лексемы *вызов*, соотносящийся с англосаксонским концептом, практически не освоен. Наш эксперимент наглядно это продемонстрировал. Эквивалентная часть отражена в лексическом фонде русского языка, но безэквивалентная отсутствует, воспринимаясь, как нечто чуждое русскому языковому сознанию. Тем самым, при переводе теряется смысл личностной значимости жизненной ситуации вызова, который манифестируется через безэквивалентные семы.

Импортируя целые пласты концептов из английского языка в русский в политическом, экономическом, техническом, компьютерном дискурсах, порой мы перенимаем и некоторые поведенческие сценарии для этих сфер деятельности, которые зачастую и существуют лишь в этих искусственных рамках, не интегрируясь в концептосферу русского языка.

Принадлежит ли концепт *вызов* лексическому багажу профессиональной терминологии, либо является лишь данью языковой моде – вопрос сложный. Но факт остается фактом. Лексема *challenge* чаще всего переводится словом *вызов*. Однако *вызов* не актуализирует основных смыслов концепта *challenge*, выраженных в семантических компонентах значения этого слова в английском языке. '*Новая*', '*увлекательная*', '*проверяет*', '*побуждает к развитию способностей*', '*требование активных действий, решимости*', '*выполняется впервые*' – эти семы говорят о позитивности англоязычного мышления. Носитель англосаксонской культуры добровольно и осознанно принимает ситуацию вызова. Вызов для него едва ли не благо, возможность проверить себя. Вызов совершенствует субъекта, развивает.

Субъект находится в позиции агенса по отношению к действительности. В русском языке субъект находится в пассивной, объектной позиции. Его существованию и деятельности препятствуют, а порой и угрожают обстоятельства, судьба, проблемы. Отсутствуют смыслы добровольности и осознанности принятия вызова, личностного развития, удовольствия от преодоления трудностей. Либо, если человек бросает вызов, под этим подразумевается нечто негативное, идущее вразрез с общественным мнением. Сема конфронтации актуальна для русского слова *вызов*, что практически противоположно по значению *challenge*. Таким образом, в английской культуре вызов ориентирован на личностный рост субъекта, главный объект борьбы – слабости субъекта, его недостатки, которые преодолеваются благодаря испытанию.

Различные культурные доминанты наглядно дают о себе знать при заимствовании сложных понятий. В англосаксонской языковой культуре *вызов* – это субъектно-ориентированный концепт, а с точки зрения культуры русской – угроза извне, препятствие, а подчас и беда. На примере внедрения в русскую концептосферу английского концепта *challenge/вызов* мы можем проследить динамику взаимодействия не только языков, но и, прежде всего, двух разных культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Стернин И.А. Challenge и вызов – новый концепт в русской концептосфере? // Сопоставительные исследования. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 87-94.
- Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. – М., 2004. – 184 с.
- Мюллер В.К. Англо-русский словарь – М., 1991. – 842 с.
- Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М., 2003. – 893 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Азъ, 1992. [Электронный ресурс]. URL: ozhegov.info/slovar/?q=%D0%B2%D1%8B%D0%B7%D0%BE%D0%B2
- Longman Dictionary of Contemporary English. [Electronic resource]. URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary/challenge_1
- Macmillan English Dictionary. [Electronic resource]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/challenge>
- Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. [Electronic resource]. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/challenge>
- Oxford advanced learner's dictionary. [Electronic resource]. URL: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/dictionary/challenge>

УДК 81-119

Власик Н.В.

Горловка, Украина

**ТОНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ
ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА
ДИСКУРСА МАССОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. В статье рассмотрены тональные маркеры смыслового развертывания дискурса массовой коммуникации с учетом гендерной дихотомии..

Ключевые слова: дискурс массовой коммуникации, гендер, просодия, мелодический контур, тематико-комментивные блоки.

Сведения об авторе: Власик Наталья Викторовна, преподаватель кафедр практики речи и информационных технологий

Место работы: Донбасский государственный педагогический университет Горловский институт иностранных языков.

Контактная информация: 84646, г. Горловка, пр. Победы, 90, к. 72.
e-mail: nrsa76@mail.ru.

Vlasik N.V.

Gorlovka, Ukraine

**TONAL MARKERS OF THE
GENDER STEREOTYPE IN THE
MASS-MEDIA DISCOURSE**

Abstract. The paper highlights the tonal markers of the mass-media discourse information processing with the focus on the gender dichotomy.

Keywords: mass-media discourse, gender, prosody, tonal contour, topic-comment relations.

About the Author: Vlasik Natalia Victorovna, the teacher of the Chair of English Communication and Information Technology

Place of employment: The Donbass State Pedagogical University Gorlovka Institute of Foreign Languages.

В современной лингвистике интенсивно развивается новая исследовательская парадигма, опирающаяся на принцип антропоцентризма в изучении языковых явлений. Важное значение при исследовании человека в языке приобретают индивидуальные характеристики языковой личности, к важнейшим из которых относится гендер (социокультурный пол), определяющий социальную, культурную и когнитивную ориентацию индивида в мире [Никольская В.А. 2005]. Смещение вектора исследований в современной лингвистике с отдельного высказывания на системный анализ целого текста с учетом фактора человека, создающего и воспринимающего этот текст [Кривнова 2007:3], приводит к необходимости выявления интеграции языковых уровней в процессе реа-

лизации коммуникативной интенции говорящего.

В нашем понимании, особую роль в процессе порождения текста (дискурса) играет супрасегментный (просодический) уровень фонетической системы языка, способствующий оптимизации коммуникативного замысла говорящего. На наш взгляд, просодия как одно из главнейших средств передачи смысла высказывания в акте речевого общения активно изучается отечественными и зарубежными исследователями (Потапова Р.К., Дворжецкая М.П., Калита А.А., Великая Е.В.). Однако вопросу роли социальных факторов в процессе порождения дискурса и особенностей вербализации коммуникативного замысла с учетом гендерной дихотомии уделено мало внимания. В связи с этим, актуальность исследования определяется необходимостью изучения роли гендерной дихотомии как фактора просодического акцента дискурса. Наши наблюдения показывают, что маскулинность и фемининность выступают не противоположными, а диалектически взаимосвязанными категориями, а гендер в целом рассматривается нами как личностно-социальный дискурсивный феномен. На наш взгляд, представители двух макросоциальных групп обладают особым инвентарем супрасегментных средств для решения коммуникативных задач. Гендерные различия в языке и речи создают гендерные стереотипы, которые обусловлены социальными ролями мужчины и женщины и влияют на гендерное самоопределение личности в соответствии с социокультурными установками, нормами и правилами данного общества [Александрова Е.С. 2007: 7]. В нашем понимании, личностно-социальные особенности коммуникантов женского и мужского пола выявляют манеру общения, специфику композиции, а так же комплекс супрасегментных средств для создания конфигурационной динамики репрезентации коммуникативного замысла. Таким образом, гендерные особенности говорящего обуславливают вариативность нормы в рамках определенного ситуативного контекста, взаимодействие двух важных факторов продуцирования дискурса – социальной ситуации и личностных особенностей коммуниканта. Инвариантная модель гендера определяет особенности вербализации дискурса, в частности, и на супрасегментном уровне.

Инвариантная модель гендерных реализаций, обуславливающая речевое поведение представителей макросоциальных групп, имеет характерные признаки, такие как экстравертность женщин, стремление к образности и описательности, ориентированность на систему взаимодействия. Женщины отдают предпочтение партнерской, равноправной

коммуникации; они ориентированы на установление доброжелательных отношений, стремятся к их укреплению, уничтожению социальных и других барьеров. Что касается мужчин, то они - автономны, настойчивы, авторитарны. Мужской стиль общения ориентирован на систему доминирования. В процессе общения для них важна сама информация, то есть факты, цифры и результаты.

Объектом нашего исследования является дискурс массовой коммуникации в жанре «прогноз погоды». Дискурс массовой коммуникации представляет собой тонкую динамическую систему, которая нацелена на развертывание коммуникативной интенции репрезентанта для достижения перлокутивного эффекта. Следует отметить, что дискурс массовой коммуникации рассчитан на продуцирование воздействия на адресата, но осложнен отсутствием активного взаимодействия отправителя информации и аудитории и носит однонаправленный характер. Медиальные средства нацелены на массовую аудиторию, поэтому вербальный контекст, целевой установкой которого является не только донести информацию до максимально широкого круга аудитории, но и произвести на потенциального адресата эмоциональное, психическое и идеологическое воздействие, должен быть максимально приближен к ее языковому узусу и соответствовать требованиям удобства звукового предъявления и слухового восприятия. Целесообразно высказать предположение о том, что успешность достижения перлокутивного эффекта дискурса массовой коммуникации как устной формы реализации замысла репрезентанта обусловлена спецификой функционирования тональной подсистемы просодии. Наблюдения лингвистов над ролью супrasegmentных средств (тональной подсистемы просодии) в ходе реализации речевой интенции свидетельствуют о том, что интонационно-смысловую связность звучащей речи можно изучать как многомерный линейный процесс просодического выделения микро- и макроединиц и одновременного объединения их в глобальную коммуникативно-речевую единицу – дискурс. Именно просодия дает первую ориентацию в процессе акта речевой коммуникации, в понимании смысла высказывания [Потапова Р.К., Дворжецкая М.П., Мороз Н.Ю.]. Проникновение в «смысл» сообщения дает возможность исследователю получить «аналитическое представление структуры смысла» с целью точного кодирования ее для ввода в механизмы, управляемые при помощи речи [Дворжецкая М.П. 1968: 2]. Таким образом, просодия, образуя обилие супrasegmentных комбинаций, маркирует коммуникативные компоненты вы-

сказывания (рему, фокус сопоставления, новое), его иллюкативную принадлежность, фазовую характеристику группы, оценочные модусы, выявляя как достаточно глубинные, так и гораздо более поверхностные интегративные процессы [Кодзасов С.В.].

Организация любой информации предполагает избирательное вычленение из нее основных объектов и фона [Потапова Р.К. 2010:269]. В соответствии с конкретной ситуацией общения слова в речевом континууме являются неоднородными по своей информативности. Так, в каждом секторе речи есть свои «ключевые» слова, которые выступают сгустком коммуникативно-прагматического потенциала информационно-смыслового поля. Такие слова представляют собой семантический фокус сообщения. Регулярная повторяемость их обеспечивает смысловую целостность дискурса. Ключевые слова создают семантические текстовые поля, где выступают смысловым центром и притягивают к себе другие слова, расположенные на периферии, создавая смысловой лейтмотив дискурса [Валгина Н.С. 2003].

Регулярная повторяемость ключевых слов создает семантический страт дискурса, который аргументируется с позиции изотопии и рассматривается в контексте семантической итеративности. Необходимо подчеркнуть, что в основе механизма семной итерации лежит повторение одинаковых сем в группах слов, что, в результате, представляет объединенную тематически в текстовую единицу членения и актуализирует смысл высказывания.

Например:

A. Hello there. Well *Scandinavia's* enjoying some *warm* and *settled spells of sunshine*. The same cannot be said elsewhere across *Europe*. Still some *heavy* and *intense downburst* come through Wednesday and again it looks as if it passes into *the Balkans* towards *the centre of Europe* really being a *brand* of those.

Across *Africa high pressure* will be across *South Africa* but still a few *showers* to get rid of first on Wednesday for keeping time before *the sunshine* returns.

(BBC World News, 2008)

В приведенном образце «прогноза погоды» изотопные цепочки, выделенные жирным курсивом, характеризуются специфическим лексико-семантический потенциалом.

B. Hello! There's some *unsettled weather* on *the North West Part of Europe*. If ignore *France*, *the South of the UK's* lucky to have some *wet weather*

through Friday and into the weekend. *Showers* continue across much of *Southern Scandinavia* and extending across into *East Europe* but *plenty of sunshine* to be enjoyed through the whole of *the Mediterranean*. Some *sunshine* too in *Cairo*. Here's *the temperature's* as *high as forty degrees* by Saturday.

(BBC World News, 2008)

Доминирующая изотопия образца В представлена более детализированной смысловой линией географических понятий, которые являются базовыми для данного жанра: *the North West Part of Europe, France, South Africa, the South of the UK, Southern Scandinavia, East Europe, the Mediterranean, Cairo, Cape Town, the Philippines*.

Изучение особенностей функционирования дискурса массовой коммуникации в жанре «прогноз погоды» наводит на мысль о том, что как макрокоммуникативная единица дискурс представляет собой интеграцию топикально-комментивных блоков, маркированных на тональном уровне.

В рамках этой статьи предполагается изложение результатов экспериментально-фонетического анализа тональной подсистемы гендерных реализаций «прогноза погоды». Объектом исследования послужили образцы дискурса массовой коммуникации – «прогноз погоды» в представлении мужским (MG) и женским (WG) голосом. Продолжительность звучания материала - 1,5 часа. Корпус экспериментального материала представлен носителями британского варианта английского языка с учетом идентичности возрастных и статусных личностных параметров. В соответствии с протоколом эксперимента предусматривалось изучение направления движения частоты основного тона и его регистровых модификаций на ядерных участках фоносинтагм гендерных реализаций. Перцептивные характеристики были сопоставлены с оцифрованными акустическими показателями. Акустическая обработка звукового сигнала проводилась с помощью компьютерных программ Wave Surfer 1.8.4 и PRAAT.

Особенностью тональной аранжировки комментивного блока образцов, представленных MG, является нисходящий тон неполного падения высокого (33%) и среднего (25%) регистра, что показывает уверенность, четкую логичность, сдержанность, рациональность, в тоже время заинтересованность репрезентанта. Однако, следует также заметить, что реализация информационного фокуса фоносинтагм рематической части нисходяще-восходящим тоном в образцах MG (33%) свидетельствуют

об особенности гендерной реализации, которая указывает на стремление адресанта сделать информацию доступной, более приближенной к адресату, на установление равноправных партнерских отношений.

Например:

MG

There'll be a few showers along the coast lane of New South Wales on Sunday (1) | | . But they should generally be pulling a way (1) | | . The weather from there will bring some wet weather across (2) | Tasmania (3) | | .

(BBC World News, 2008)

Что касается реализации коммуникативного замысла идентичных блоков дискурса, представленного женским голосом, наблюдается несколько иная тональная аранжировка. Частотность высокого нисходящего тона неполного падения (52%) создает эффект непринужденности, легкости, доступности информации в силу семантики этой тональной реализации, стремление репрезентанта сократить дистанцию между собой и аудиторией. Благодаря повышенной эмоциональности, создается гармоничная, позитивная атмосфера и у адресата возникает чувство вовлеченности в процесс происходящего.

WG

'Now across India we'll have the monsoon rains now (1) | | . We'll also have →some(1) | pre-monsoon showers across the Northern parts (2) | | . So for Delhi (1) | some heavy and at →times (2) | thundery showers (3) | | .

(BBC World News, 2008)

Относительно топиальных блоков, следует отметить достаточно четкую вариативность в оформлении фоносинтагм. Так, заметно, что в реализациях WG, в отличие от образцов MG, превалирует высокий нисходящий тон неполного падения (46%), высокий восходящий (18%) и средний ровный (11%). В образцах «прогноза погоды», реализованных мужским голосом, доминирует средний нисходящий неполного падения (41%), средний ровный (18%) и нисходяще-восходящий (18%) терминальные тоны. Например:

MG

*But in Morocco (1) | there'll be in*creasing in clouds (2) | stronger winds (3) | and some rain arriving by the *late afternoon (4) | |*

В данном примере, ядро фоносинтагм топикального блока маркируется средним нисходящим тоном неполного падения (2), средним восходящим (3) и нисходяще-восходящим терминальными тонами (4), что свидетельствует об инвариантных особенностях тональной реализации «прогноза погоды». Вариативность реализации фоносинтагм обеспечивает экспрессию реализации коммуникативного замысла.

WG

On to /Europe its weather (1) | when we've got the \cold (2) | and the \snow to the \North (3) | in , Paris (4) | *Really \grey a , couple of , days(5) | The *temperature's \struggling to get above freezing (6) |

Следует заметить, что реализации женским голосом отличаются меньшим разнообразием мелодических контуров. В приведенном примере превалируют нисходящие терминальные тоны на ядерных участках фоносинтагм (4, 5, 6), которые отличаются лишь регистровыми характеристиками. Тональные контрасты в реализациях женским голосом и изрезанность мелодического рисунка в образцах, представленных мужским голосом, служат достижению необходимого когнитивного качества презентации и представляют гендерную вариативность в достижении коммуникативной цели.

Таким образом, наши наблюдения над тональной подсистемой просодии в гендерном аспекте, позволяют прийти к выводу, что гендерный стереотип является важным социо-коммуникативным фактором тонального варьирования речевого поведения говорящего, и способствуют дальнейшему поиску дистинктивных характеристик социально маркированных моделей языковой коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александрова Е.С. Гендерная маркированность англоязычного новостного текста (на материале современной британской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2007. – 18 с.

Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2003. [Электронный ресурс]. URL: [http://yanko.lib.ru/books/language/ru/valgina.teoriya_teksta.moskva.logos.2003p173_\(sl\).htm](http://yanko.lib.ru/books/language/ru/valgina.teoriya_teksta.moskva.logos.2003p173_(sl).htm)

Дворжецкая М.П. Интонация перечисления в современном английском языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале диалогической речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев: Киев-

ский национальный лингвистический ун-т, 1968. – 235 с.

Кодзасов С.В. Глубинные и поверхностные структуры в интонации. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookos.org/book/615834>

Кривнова О.Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Москва: Московский гос. ун-т им. М.В.Ломоносова, 2007. – 53 с.

Мороз Н.Ю. Мелодический компонент просодии в социофонетике (приминительно к немецкой спонтанной диалогической речи) (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Московский гос. лингвистический ун-т, 2011. – 25с.

Никольская В.А. Гендерные асимметрии и стереотипы в английской фразеологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н.А.Добролюбова, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/gendernye-asimmetrii-i-stereotipy-v-angliyskoy-frazeologii#ixzz2HjKwG137>

Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика: учебное пособие. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 600 с.

Гузикова В.В.

Екатеринбург, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРЫ СЛОВ И ИДИОМ В БРЕНДАХ

Аннотация. Английская реклама использует высокую степень применимости английского языка, которая дает возможность создателям рекламных объявлений, употреблять каламбуры, образный язык, а также смешивать индивидуальные стили и типы текстов. Бренды обладают исключительной способностью компактно сочетать неоднозначные, едва уловимые нюансы различий в ценностях, убеждениях и желаниях. Сочетая историю конкретного бренда с тщательным маркетинговым манипулированием его текущего идеологического профиля, демонстрируемое в рекламе, спонсорстве, использовании знаменитостей и т.д., бренд становится мощным инструментом.

Ключевые слова: бренд, слоган, игра слов, каламбур, идиома.

Сведения об авторе: Гузикова Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Уральский юридический институт МВД РФ.

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, к. 318.
e-mail: V.Guzikova@e1.ru

Guzikova V.V.

Ekaterinburg, Russia

THE USE OF WORDPLAY AND IDIOMS IN BRANDS

Abstract. English advertising exploits from the high adaptability of the English language which enables the creators of advertisements to use word puns, figurative language, and to mix individual styles and types of texts. Brands have an extraordinary capacity to compact complex and subtle nuances of differences in values, beliefs and desires. Combining the history of a particular brand with careful marketing manipulation of its current ideological profile as demonstrated in advertisements, sponsorships, use by high-profile celebrities etc., a brand becomes a powerful instrument.

Keywords: brand, slogan, wordplay, pun, idiom.

About the Author: Guzikova Valentina Victorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation.

Бренд определяется как ярлык собственности: название, термин, дизайн или символ.

Самые компактные и убедительные из визуальных сигнализирующих систем бренды позволяют потребителям выразить незамедлительно сложные убеждения и ценности.

Слоган – это сжатая идея бренда, рекламной кампании, рекламного предложения. Существуют слоганы великих брендов, которые выражают философию поколений. Приведем некоторые примеры:

Just do it. (Nike)

Impossible nothing. (Adidas)

Live young. (Evian)

Ask for more. (Pepsi)

Hate something, change something. (Honda)

Не тормози – сникерсни. (Snickers)

Есть идея, есть ИКЕА. (ИКЕА)

Для всех этих слоганов с большой буквы характерны три составляющие: афористичность, философичность и художественность.

Бренды обладают исключительной способностью компактно сочетать неоднозначные, едва уловимые нюансы различий в ценностях, убеждениях и желаниях. В процессе продукт прекращает быть предметом, таким как джемпер или бутылка пива и становится обозначением того предмета или точнее, указанием образа жизни, вокруг которого данный бренд начинает позиционироваться.

Следовательно, самое большое значение представляет, то, что люди, работа которых состоит в продвижении и формировании будущего конкретных брендов, имеют полное и точное понимание того, какую информацию их бренд несет. Отправная точка такого анализа может быть вербальной:

funny – serious/concerned (веселый – серьезный); *active – contemplative* (активный – созерцательный); *wealth oriented – street* (ориентированный на богатство – уличный); *urban – rustic* (городской – сельский); *hot – cool* (горячий – прохладный); *hard – soft* (жесткий – мягкий); *formal – casual* (официальный – повседневный); *minimal – baroque* (минимальный – причудливый), etc.

Названия брендов передают сообщение денотативно и коннотативно. Производитель должен дать продукту название на рынке товаров массового производства. Название должно сделать больше, чем просто промаркировать и обозначить продукт: оно должно также вызвать ассоциации для него, которые помогут продаже продукта. Названия, даваемые продуктам косметики и другим товарам красоты, восстанавливают в памяти образы красоты, чистоты и утонченности: *Sunsilk, Dove, Sephora*. Иногда названия продуктов передают научное значение: *Clinique, Normaderm*. Товары мужской гигиенической кос-

метики (а не продукты красоты) также имеют напоминающие названия: *Denim*, *Old Spice*. Игра слов (или каламбур) – риторический прием, который часто основывается на различных значениях многозначного слова, буквальном и недословном значении идиомы или на соединении двух омонимов в одном и том же высказывании для создания шуточного эффекта. Каламбур часто используется в коммерческой рекламе для привлечения внимания читателя и поддержания его или ее интереса, соответствуя AIDA – принципу, посредством чего язык рекламы должен привлекать внимание (Attention) предполагаемого покупателя, поддерживать его/ее интерес (Interest), порождать желание (Desire) и побуждать его / ее к действию (Action) [Lund 1947: 63]. Играя со сходством формы и различием в значении данных лексических единиц, рекламодатель заставляет читателя понять двойное значение, передаваемое данным сообщением, как если бы это было что-то вроде головоломки. В результате зарубежный лингвист по теории речевого воздействия и прагмалингвистики К. Танака замечает по этому поводу: «усилие, предпринимаемое аудиторией для понимания намеренных воздействий рекламы, действительно возрастает при помощи каламбура» [Tanaka 1994: 64]. Другой известный исследователь Д. Деллабастита определяет игру слов как текстовое явление, языковой факт, неразрывно связанный со структурными особенностями языка [Dellabastita 1996: 129]. Каламбуры также тесно связаны с культурой языка, отражая определенные ценности, вкусы и стили жизни. Более того, из-за своего комичного эффекта, каламбуры идеально подходят для острого, эффектного и запоминающего изображения коммерческой рекламы, как это требуют многие крупные компании во всем мире. Поистине хороший каламбур может творить чудеса. Однако имеются примеры рекламных объявлений, в которых отсутствует идентичность бренда. Почти любой конкурирующий бренд мог бы использовать эти строчки.

Wyborova Vodka: *Enjoyed for centuries straight.* / Которую любят в течение нескольких веков кряду.

Range Rover: *Go beyond.* / С высоты положения.

Holiday Inn: *Pleasing people the world over.* / Доставляя удовольствие людям во всем мире.

Casio: *Precisely what you're looking for.* / Как раз то, что вы ищете.

Zanussi: *The appliance of science.* / Научное устройство.

(http://www.e-sgh.pl/cia/lexical_stylistic_devices.pdf).

В следующей серии примеров название бренда появляется, но не как часть каламбура, а как решение или обещание.

Finish Detergent: *Brilliant cleaning starts with Finish.* / Блестящая стирка начинается с помощью «Finish».

British Steel: *British Steel: British mettle.* / Британская сталь: Британский характер.

Kodak Gold: *Is your film as good as Gold?* / Ваша пленка такая же прекрасная, как «Gold»?

Tetley Tea: *Tetley make teabags make tea.* / Чайные пакетики марки «Tetley» заваривают чай.

Tic Tac Candy: *Tic Tac. Surely the best tactic.* / Tic Tac – несомненно самая лучшая тактика.

В английских примерах, приведенных ниже, бренд работает, неразрывно выступая в качестве компонента каламбура.

Absolute Vodka: *Absolute magic.* / Абсолютное волшебство.

Citibank: *Because the Citi never sleeps.* / CITI никогда не спит.

Skoda Favorit: *Put your money on the Favorit.* / Поставьте свои деньги на FAVORITa.

Следующая реклама MG Rover Cars, продвигающая свою марку автомобиля Land Rover, является примером игры слов, которая использует омонимию двух значений английского слова “spring”. Одно из значений данного слова – “длинный тонкий кусок металла в форме спирали”, другое – “время года между зимой и летом”, которое особенно приятно в Англии. Затем спираль изображается в виде мужчины или женщины, получающие совет о том, “как стать красивым“, так представляя хороший пример того, что немецкий философ В.Ф. Хауг называет «Warenästhetic, т.е. эстетизация товаров, в силу чего реклама заставляет продукты выглядеть как можно приятнее и привлекательнее» [Haug 1971:15]. Сообщение мелким шрифтом состоит на самом деле из перечня соответствующих инструкций различных стадий того, что оказывается разновидностью косметического ухода. Ассоциация между различными этапами изготовления металлической пружины и привычными действиями, направленными на обретение идеальной фигуры, достигается с помощью метафорического использования вербальных фраз “feed yourself” – разогрейтесь, “take a dip” – окупитесь и “stretch [...] your entire body” – растяните все свое тело.

How to be beautiful. First, feed yourself through the furnace. / Как стать красивым. Сначала разогрейтесь с помощью печи.

ANOTHER / Другая

Then take a dip in hot oil. (About 10000°C should be OK.) / Затем окунитесь в горячее масло (10000° Ц должно быть нормально).

BEAUTIFUL / Красивая

After that, get blasted by small metal balls. Finally, stretch / После этого подвергнитесь удару маленьких металлических шариков. Наконец, растяните

ENGLISH / Английская

and compress your entire body to the limit 250,000 times. / и сожмите все свое тело максимально до 250,000 раз.

SPRING / Весна

Then, and only then, can you be fitted to the most stunning 4×4 / Тогда и только тогда, вы сможете соответствовать самым ошеломляющим (The Telegraph Magazine, January 17, 1997).

«Идиома – выражение (т.е. слово или фраза), значение которого нельзя вывести из дословных определений и расположения ее частей, а вместо этого относится к переносному значению, которое известно только в результате общепринятого использования. В лингвистике идиомы это риторические фигуры, которые противоречат принципу построения, (т.е. принципу, который гласит, что значение составного выражения определяется значениями его составных компонентов и правилами, используемыми для их соединения)» (<http://en.wikipedia.org/wiki/Idiom>). Идиомы имеют многословный характер, они фиксированы и имеют общее переносное значение. Выражение *‘to be in the same boat’* имеет буквальное значение находиться в одной и той же лодке, а также идиоматическое переносное значение *‘находиться в одной и той же сложной ситуации’*.

Пословица – это тип идиоматической конструкции. Это “хорошо известная фраза или предложение, которое дает совет или гласит, что что-то главным образом является истинным” [OALD 2002:1020].

Например: *‘Too many cooks spoil the broth’*. Это означает, что, если слишком много людей заняты в чем-либо, оно не будет сделано хорошо. Копирайтеры используют идиомы и пословицы в своих рекламных объявлениях, поскольку эти конструкции знакомы большинству потенциальных потребителей в обществе. Идиома или пословица в тексте может быть применена без формальных изменений либо креативным образом, где элемент пословицы или идиомы незначительно изменен или заменен другим словом для создания каламбура и, следо-

вательно, связи с продуктом. Если изображение сопровождает текст, картинка обычно представляет нефигуральное и, конечно, верное общее значение данной идиомы, а она представляет образ и изображение буквальных значений ее компонентов.

e.g. *“Change us – and get yourself a bigger slice of the cake”* (wl.siemens.com/). Идиома *‘a bigger slice of the cake’* означает долю имеющихся в наличии денег или льгот, на которые вы полагаете, что имеете право. Картинка изображает пару счастливых молодых женщин, кушающих торт. Идиомы, имеющие как буквальное, так и идиоматическое значение, часто творчески используются в игре слов. Идиомы меняются от семантически неясных, таких как *‘to break the ice’*, означающую ‘сказать или сделать что-то, для того, чтобы заставить людей почувствовать себя комфортно’, до полупрозрачных, таких как *‘to pass the buck’* со значением ‘переложить ответственность’, либо до относительно понятных, таких как *‘to see the light meaning’* в значении ‘понимать.’ Идиомы, которые трудно узнать, это те, которые имеют буквальное, а также идиоматическое значение, подобно таким как: *‘to go out with somebody’*, *‘take someone for a ride’*, *‘to put one’s feet up’*, *‘to pull somebody’s legs’*, *‘to have cold feet’*, или *‘to put something on ice’*.

e.g. *Thorntons new chocolates bars. Not everyone’s a fruit and nut case. Thorntons bring you a new selection of chunky chocolate bars. Milk chocolate. Dark chocolate. Autumn Nuts. Toffee. Winter Nut and Fruit. And Ginger. You’re spoilt for choice. So spoil yourself. (The Guardian Weekend, 1997)*

Реклама продвигает новую коллекцию шоколадных батончиков, производимые фирмой Thorntons, известная Британская шоколадная компания с 1911 г. Шутка создается с помощью игры с идиомой *‘to be a nut case’*, которая означает ‘быть сумасшедшим или вести себя странным образом’. Рекламист намеревается сказать, что Thorntons не только все это производит, но и является мудрым, поскольку эта компания не ограничивает свой ассортимент продуктов фруктовыми и шоколадными батончиками, подобно своему конкуренту Cadbury, а они предлагают вкусное разнообразие всевозможных начинок. Игра слов, основанных на буквальном и идиоматическом значении слова *‘nut’* /‘орех’ и ‘чудак/сумасброд’, а также добавлении слова *‘fruit’* /‘фрукт’ и получения связанного именного выражения *‘fruit and nut’* /‘фрукты и орех’, которое вызывает воспоминание фрукто-

шоколадных батончиков Cadbury, имеет определенный эффект, заставляя Thorntons выделиться в ущерб своего делового конкурента, таким образом передавая то, что в рекламе известно как Unique Selling Proposition [Goddard 2002:4]. Это четкий пример того, где знание специфического культурного контекста, порождающего рекламный слоган, зачастую очень важен для устранения неоднозначных тонких значений, передаваемых креативным использованием рекламного языка.

Grab life by the horns – это известный слоган бренда Dodge. В слогане обыгрывается известный фразеологизм ‘возьми быка за рога’. А вот пример того, как сложно перевести на другой язык игру слов:

Maybe she's born with it,

Maybe it's Maybelline. (Возможно, она такой родилась, а возможно, все это Maybelline). В нашей стране, к сожалению, перевод потерял эту замечательную игру слов: ‘*Все в восторге от тебя, а ты от Maybelline*’.

Вообще говоря, игра слов (или каламбур) есть шутка, которая основывается на эффекте игры с различными уровнями языка, а именно: фонологическим, графологическим, лексическим, синтаксическим и текстовым. Каламбуры и идиомы часто используются в коммерческой рекламе в качестве риторического приема для продвижения данного продукта или услуги путем создания юмора, привлекая внимание читателя и добавляя убедительной силы сообщению. Они также отражают культурные предпочтения и традиции страны, следовательно, они могут успешно применяться в педагогических целях для повышения осведомленности о лингвистических и культурных особенностях иностранного языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Delabastita Dirk Introduction // The Transtator Volume 2, Number 2, 1996: Wordplay and Translation: Essays on Punning and Translation. – Manchester: St. Jerome Publishing Ltd., 1996. – P. 127-139.
- Goddard A. The Language of Advertising. – London and New York: Routledge, 2002. – P. 4.
- Haug W.F. Kritik der Warenästhetik. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971. – P. 15.
- Lund J.V. Newspaper Advertising.–New York: Prentice-Hall, 1947.– P. 63.
- Oxford Advanced Learners's Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 1020.

Гусева Е.В.

Лимож, Франция

**ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
ЛИНГВИСТИКИ И
СЕМИОТИКИ: К
ПРОБЛЕМАТИКЕ
РЕФЕРЕНЦИИ СМЫСЛА В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И**

ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению этических проблем рекламного дискурса. Данная проблематика связана с вопросом отображения внеязыковой действительности посредством языка или посредством других знаковых систем, которая в лингвистике и семиотике решается в рамках проблематики референции смысла. Цель статьи - предложить обзор теоретических аспектов данной проблематики с точки зрения инференциальной, когнитивной и дифференциальной парадигм в российской и зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: рекламный дискурс, этика, референция, инференция, стратегия, упаковка, аргументация, семиотика

Сведения об авторе: Гусева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент ВАК,
Место работы: докторантка университета города Лимож (Франция), филологический факультет.

Контактная информация: 6, Allée Jean Moulin, Limoges, 87100.
e-mail: elena2guseva@gmail.com.

Guseva E. V.

Limoges, France

**APPLIED QUESTIONS OF
LINGUISTICS AND SEMIOTICS:
THE REFERENCE PROBLEM IN
THE RUSSIAN AND FOREIGN
LINGUISTICS**

Abstract. The article is devoted to the study of the ethical problems in the advertising discourse. This problem is connected to the question of the representation of extralinguistic reality by means of the natural language or others languages. In linguistics and in semiotics this question is resolved in terms of the reference theory. The aim of the article is to suggest a review of theoretical aspects of this problem from the point of view of inference, cognitive and difference paradigms in the Russian and foreign linguistics.

Key words: advertising discourse, ethics, reference, inference, strategy, packaging, argumentation, semiotics

About the Author: Guseva E. V., Candidate of Philology in Russia.

Place of employment: PhD student, University of Limoges (France) Philology Departement.

В последнее время всё большее значение приобретают этические проблемы массовой коммуникации. В связи с этим, рекламный дискурс становится объектом лингвистического исследования не

только в России, но и за рубежом. Такой интерес объясняется многими причинами. В первую очередь тем, что это особый вид коммуникации, который служит для достижения практических целей и призван оказывать программируемое, целенаправленное воздействие на адресата.

Материалом нашего исследования является упаковка или пэкеджин продовольственных продуктов. Для нас данный вид коммуникации является видом рекламной коммуникации, преследующей определенные цели: информировать покупателя о содержащемся в упаковке продукте, о его происхождении, качестве; отразить вкусовые и питательные свойства продукта; убедить потенциального покупателя его приобрести. Точность и правдивость отображаемой информации является основным условием этической коммуникации.

В лингвистике и семиотике проблематика отображения внеязыковой действительности посредством языка или посредством других знаковых систем решается в рамках проблематики референции смысла. Таким образом, лингвистическая проблема референции смысла приобретает в нашу эпоху особую актуальность.

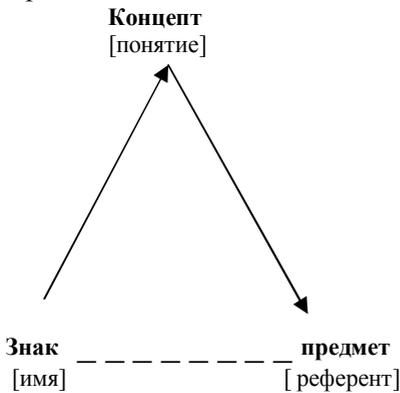
«Референт (от англ. refer – соотносить, ссылаться; лат. referents, род. п. referentis – относящийся, сопоставляющий) – объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок; предмет референции. Предметная отнесенность противопоставляет референт смыслу знака (значению, концепту, *сигнификату*), а соотнесенность с конкретным речевым актом — *денотату*. Термин «референт» был введен в 1923 Ч. Огденом и А. А. Ричардсом прежде всего для того, чтобы подчеркнуть косвенный характер отношения референта к имени, с которым референт связан лишь через посредство *понятия*» [Лингвистический энциклопедический словарь].

В лингвистике проблематика значения изучалась с позиции двух подходов. Можно выделить подход референциальный (в центре которого находится понятие референции) и подход инференциальный (в его цели входит изучения понятия инференции). Третий подход к изучению значения является дифференциальным и входит в область изучения семиотики, которая возникла на основе работ Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, и развивалась на базе Парижской семиотической

школы. Её основателями стали А.Ж. Греймас, Ж.-К. Коке, а последователями Ж. Фонтаний, Ф. Растье, Д. Бертран и др.

Когнитивная парадигма исследования языка, развиваемая в рамках прикладной лингвистики в Московской лингвистической школе, также предлагает новый взгляд на проблематику порождения и восприятия смысла».

В центре внимания теории **референции** находится **знак**. У истоков триадической модели порождения смысла стоит модель Аристотеля.

В течение истории взгляды на отношение между этими тремя компонентами менялись. Так, в логико-философской традиции было распространено мнение о прямом соответствии между словом и вещью. Тогда как, Огден и Ричардс настаивали на косвенном характере между референтом и именем посредством понятия.

Референциальная парадигма связывает Аристотелевскую триаду с семиотической моделью, созданную Ч. Морисом, в центре внимания находится референт и его отношение к объекту внеязыковой действительности, к другим знакам и к говорящему субъекту [Попова, 2005 : 210].

Теории референции начали складываться в логике. Но при анализе реальных ситуаций коммуникации возникла необходимость учитывать прагматическую составляющую высказывания. Поэтому общее развитие теорий референции определилось их постепенной прагматизацией. В концептуальный аппарат теорий референции вошли понятия коммуникативной установки говорящего, его интенции, фонда знаний

собеседников, коммуникативной организации высказывания, отношения к контексту.

Русский ученый Л. Линский был одним из первых, кто прямо соотнес акт референции с говорящим субъектом, поставив под сомнение связь референции с семантикой таких языковых выражений, которые служат для указания на предмет речи. «Здесь особенно важно помнить, что референция характеризует употребление языка говорящими и не является свойством самих выражений» [Линский]. С. Крипке предложил различать референцию говорящего и референцию семантическую. Первая определяется контекстом и намерением автора речи (и принадлежит к прагматике), вторая — языковой конвенцией [Лингвистические проблемы референции].

О связи смысла высказывания с интенцией говорящего, а также с языковой ситуацией подчеркивали и французские авторы. Так, Е. Бенвенист писал «Смысл фразы включает референцию на речевую ситуацию и на отношение говорящего» (Benveniste 1974: 225). Включая совокупность референтов и прагматическую составляющую, семантический порядок «идентифицируется с ситуацией высказывания и с речевой ситуацией» (Benveniste 1974 : 64).

Инференциальная парадигма

По мнению французского лингвиста Растье, проблема инференции также берет свои истоки в древней Греции и в настоящее время развивается в рамках прагматики. Понятие инференции определяет смысл высказывания как интенциональное действие разума, устанавливающего связь между двумя знаками или двумя предметами». В отличие от референции, которая устанавливает связь между двумя разными сущностями, понятием и предметом, инференция устанавливает связь между двумя явлениями, имеющими одну природу, двумя предметами или двумя концептами [Rastier 2001: 84].

Спербер и Уилсон утверждают, что, начиная от Аристотеля до современных исследований в семиотике, все теории коммуникации основывались на одной модели, так называемой модели кода. Согласно этой модели, общаться — это значит кодировать и декодировать сообщения. Относительно недавно такие философы как Пол Грайс и Дэвид Льюис предложили новую модель коммуникации, инференциальную модель. Согласно этой модели общаться значит

порождать и интерпретировать индексы [Sperber et Wilson 1989: 13]. В рамках этой парадигмы были осуществлены изучение импликаций и пресуппозиций русскими и зарубежными лингвистами.

По нашему мнению, определение сущности имплицитного содержания не возможно без изучения процесса порождения и восприятия высказывания. В этом процессе очень важным является момент выбора наиболее удачного средства из нескольких возможных [Блакар, 1998; Борисова, Мартемьянов и др., 1999]. Отправитель, порождая сообщение, выбирает такие единицы языка, которые лучше всего соответствуют его цели, точнее всего выражают его замысел. Получатель сообщения, согласно принципу кооперации [Грайс, 1985], знает, что отправитель стремится к максимальной точности и легкости понимания, и учитывает это при декодировании сообщения. Ирена Беллерт [Беллерт, 1978] считает, что *семантическая интерпретация* любого высказывания представляет собой совокупность следствий или выводов, которые можно сделать на основании данного высказывания, при этом имеется в виду опора на знание системы соответствующего языка, знание ситуации и знание о мире, что позволяет получать импликации и квазиимпликации на базе языковых и энциклопедических знаний, учитывая и пресуппозиции, которые касаются ситуативных условий для выполнения данным высказыванием его семантической функции.

При таком подходе с понятием имплицитной информации тесно связано понятие *выводного знания*, которое в значительной мере пересекается с понятиями импликации, пресуппозиции, внутреннего контекста, фоновых знаний [Залевская, 1999]. Французский лингвист К. Кербрат-Орекьони вводит понятие «*le calcul interprétatif*» «интерпретативное вычисление». Оно включает комбинирование информации, полученной непосредственно из сообщения, со сведениями, составляющими экстралингвистическую компетенцию реципиента [Kerbrat-Orecchioni, 1986]. Исследователь подразделяет все инференции смысла на пресуппозиции и *sous-entendu* (подразумеваемое). Существует также понятие имплицатур П. Грайса, которые исследователь делит на имплицатуры конвенциональные (*conventionnelles*) и разговорные (*conversationnelles*). Таким образом, с позиции данного подхода большую роль приобретает понятие интенции говорящего и учет не только лингвистических, но и

экстралингвистических знаний для правильной интерпретации сообщения.

С позиции **когнитивного подхода**, во время коммуникации её участники обмениваются знаниями, которые входят в состав модели мира говорящего и слушающего. Для того чтобы модифицировать способ действия слушающего необходимо модифицировать его модель мира. С этой точки зрения, важным является понятие не отражения действительности, а её представления или моделирования посредством языковых средств [Баранов 2000:122].

Значимым варьированием исследователи называют выбор из множества возможных языковых средств описания некоторого положения дел именно тех способов описания, которые несут в себе необходимые говорящему оттенки значения, ассоциации, представляют ситуацию в выгодном для говорящего свете, вызывают потребный говорящему отклик в душе слушающего [Паршин, 2000: 58]. Именно значимое варьирование является источником манипулирования или способом моделирования мира адресата в нужном для адресанта направлении.

Таким образом, авторы развивают идею существования механизмов вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание. Они определяют их как средства «непропозиционального» искажения истины («формально верно, но...») обыденно интерпретируемые как «не ложь, а введение в заблуждение», «полуправда», «умолчание» и т.д. [Баранов, Паршин, 1986:102-103].

Дифференциальная парадигма связана с развитием лингвистической семантики, основывающейся на традициях структурализма.

Структурализм развился на основе идей Ф. де Соссюра, который стал вдохновителем лингвистики XX века. В своей основной работе — «Курс общей лингвистики» (фр. «*Cours de linguistique générale*»), Соссюр изложил основные положения, которые легли в основу дифференциальной парадигмы в лингвистике. Говоря о проблеме референции смысла, автор утверждает, что значение связано с понятием значимости (*valeur*). Язык — система значимостей (*valeurs*). Значение — это то, что представляет собой означаемое для означающего. Значимость же знака возникает из его отношений с другими знаками языка. Как понятия, так и акустические образы,

составляющие язык, представляют собой значимости, — они чисто дифференциальны, то есть определяются не положительно — своим содержанием, но отрицательно — своими отношениями к прочим членам системы. В языке нет положительных элементов, положительных членов системы, которые существовали бы независимо от неё; есть только смысловые и звуковые различия (*différences*). «То, что отличает один знак от других, и есть всё то, что его составляет». Языковая система есть ряд различий в звуках, связанный с рядом различий в понятиях. Положительны только факты сочетаний данных означаемых с данными означающими [Соссюр 1999].

По мнению Ф. Растье, данное открытие приводит к решительному отказу от понятия референции [Rastier 2003 : 24]. Исследователь утверждает, что признание отрицательности приводит к признанию того, что речь — это система оппозиций, а не кодирование элементов действительности [Rastier 2003 : 26].

Растье развивает концепцию смысла и определяет референцию, как «референциальные впечатления» (*impressions référentielles*), которые определяются как ментальные представления (ментальные картины), возникшие в результате восприятия (интерпретации) текста. Автор отрицает идею онтологической функции языка, он утверждает, что речь — это посредник между человеком и его окружением. Автор говорит о ментальных представлениях или мультимодальных симулякрах (*simulacres*), которые создают не только визуальный образ, но и слуховой и др. [Rastier 2001: 103].

Жак Фонтаный утверждает, что в речи высказывание приобретает особую направленность, которая зависит от точки зрения и позиции говорящего. Понятие точки зрения является решающим при анализе текста и в более широком смысле дискурса [Fontanille 1989:7].

Таким образом, можно отметить, что с развитием теории языка различные научные парадигмы по разному подходили к изучению способа представления явлений внеязыковой действительности посредством языка. Однако каждый подход привнес свой вклад в развитие теории референции. В нашем исследовании, мы придерживаемся позиции исследователей дифференциальной парадигмы, развиваемой в семиотике. Однако, по нашему мнению, понятие механизмов вариативной интерпретации действительности и понятие референциальных впечатлений схожи, т.к. основываются на

таком свойстве как вариативность, т.е. способности языка представлять одну и ту же ситуацию многочисленными способами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баранов А.Н. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М.: Гребенников, 2000. – С. 109-128.
- Баранов А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М.: ИНИОН, 1986. – С. 100-143.
- Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып.8. – С. 172-207.
- Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 88-125.
- Борисова Е.Г. Предисловие // Имплицитность в языке и речи / Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов, И.И. Акимова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 9-14.
- Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16. – С. 217-237.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/referent/520>
- Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции) [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/grammar/157.new-in-linguistics-13/source/worddocuments/_htm
- Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции) [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/grammar/157.new-in-linguistics-13/source/worddocuments/_6.htm
- Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М., 2000. – С. 55-75.
- Попова З. Д. Знаковая ситуация в лингвосомиотике // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 208-216.
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

- Benveniste E. Problèmes de linguistique générale 2. - Paris: Gallimard, 1974. - 288 p.
- Fontanille J. Les espaces subjectifs. Introduction à la sémiotique de l'observateur. – Paris: Hachette, 1989. – 200 p.
- Rastier F. Sémantique et recherches cognitives. - Paris: PUF, 2001. – 262 p.
- Rastier F. Le silence de Saussure ou l'ontologie refusée // S. Bouauet (éd.), Saussure. – Paris: L'Herne, 2003 - P. 23- 51.
- Sperber D. & Wilson D. La pertinence. – Paris: Minuit, 1989. – 400 p.
- Kerbrat-Orecchioni C. L'implicite. – Paris, 1986. – 404 p.

Дмитриева О.А.

Волгоград, Россия

**МОДЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ В
РАКУРСЕ ТЕОРИИ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ
ТИПАЖЕЙ.**

Аннотация. В статье рассматривается феномен «языковая мода» с позиции прагматики, лексикологии, социолингвистики и лингвокультурологии. Предлагается широкое и узкое понимание языковой моды.

Ключевые слова: языковая личность, лингвокультурный типаж, модельная личность, культура, язык, ценностные приоритеты

Сведения об авторе: Дмитриева Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Контактная информация: 400005, г. Волгоград, ул. Бакинская 13 - 163

e-mail: dmoa@mail.ru.

Dmitrieva O.A

Volgograd, Russia

**THE MODEL PERSONALITY IN A
FORESHORTENING OF THE
THEORY OF LINGVOKULTURNY
TYPES.**

Abstract. This article discusses the phenomenon of « model personality » from the perspective of pragmatics, lexicology, sociolinguistics and linguistics.

Offers a board and narrow of the model personality .

Keywords: language personality, model personality, lingvokulturny type, culture, language, priest, valuable priorities

About the Author: Dmitrieva Olga Alexandrovna, the doctor of Philology, the senior lecturer the professor of chair of English philology

Location: Volgograd State Social – Pedagogical University

Антропоцентрический подход в изучении языка обозначил специфику выделения сферы лингвистических исследований. Теория языковой личности – «продукт» данного направления. Ввиду того, что языковая личность рассматривается в широком спектре наук, существует большое количество различных принципов типологии и подходов изучения этого явления в зависимости от объекта исследования научной дисциплины. С позиции лингвоперсонологии при акцентировании внимания на специфику коммуникативного поведения и его оценки в коммуникативно-массовом сознании, предлагается выделение модельной языковой личности - «представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик 2001:99]. Кроме того, набирает обороты такое на-

правление в изучении человека в языке как теория лингвокультурных типажей. Как же соотносятся между собой термины: языковая личность, модельная личность, лингвокультурный типаж?

Понятие языковой личности в аспекте типизированного лингвокультурного своеобразия коммуникативного поведения является более широким, чем понятие лингвокультурного типажа и модельной личности, которые являются одними из подходов изучения языковой личности [Дмитриева 2007: 5].

Лингвокультурные типажы – обобщенные образы личностей, чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества [Там же]. Если модельной личности стремятся подражать, то лингвокультурный типаж может вызывать критическое отношение, кроме того, лингвокультурный типаж не только менее ярок и может иметь отрицательную оценку [Карасик 2007:88].

В коммуникативно-массовом сознании «модельность» выражается в совокупности суперморальных ценностей, своеобразным идеалом. С точки зрения Стернина и Поповой, коммуникативный идеал – это стереотипное представление об идеальном собеседнике, зафиксированное в коммуникативно-массовом сознании носителей лингвокультуры. Речь идет о желательных, приятных, комфортных для общения качествах коммуниканта [Попова, Стернин 2007]. С позиции теории лингвокультурных типажей – коммуникативный идеал является одним из конститутивных признаков модельной языковой личности. Помимо коммуникативного идеала, как мы упомянули выше, модельная личность должна оцениваться в социуме только позитивно, что находит свое отражение во всех составляющих лингвокультурного типажа, а именно в понятийной, образно-перцептивной и ценностной структурных составляющих [Дмитриева 2007]. Основной характеристикой модельной личности является установление ценностных ориентиров поведения, то есть, модельная личность представляет собой «культурогенный фактор развития общества» [Карасик 2007: 87–88]. Соответственно, модельная личность является стереотипом поведения, который оказывает существенное воздействие на культуру в целом и служит своеобразным символом данной культуры для представителей других этнокультур [Карасик 2002:12].

Таким образом, модельная личность – это лингвокультурный типаж, имеющий сугубо позитивную оценку носителей лингвокультуры, иными словами, его действия являются примером для подражания, гордости за свою культуру и моделью поведения для всех остальных представителей данного культурного общества.

Мы полагаем, что признак модельности не является стабильным в связи с тесной привязанностью к ценностным ориентирами общества, которые, как мы видим, подвергаются изменениям. Сравним явления «перекупщик», негативно оценивающийся в советской идеологии, вербально зафиксировано в качестве языковой единицы «спекулянт» и современный «бизнесмен, предприниматель, занимающийся торговлей». Как мы видим с трансформацией ценностных ориентиров в социуме модельная личность может переоцениваться в глазах общества, переходить в разряд лингвокультурных типажей.

Так как модельные личности существенно влияют на общество, изучая их особенности поведения, мы можем охарактеризовать общество и его культуру в целом, выделить, что для него является приоритетным и значимым, выяснить к каким идеалам она стремится.

Мы предлагаем рассмотреть ряд лингвокультурных типажей в рамках разных типов дискурса: религиозного, политического и педагогического с позиции выделения модельной языковой личности. Так, основа религиозного дискурса, заключающаяся в системе ценностей, сложилась за тысячелетия церковной коммуникативной практики. Существует разветвленная система жанров религиозного дискурса: устное предание, проповеди, официальное выступление на диспуте или редакционной статье в иллюстрированном журнале и т.д. Для носителей лингвокультуры вполне очевидна специфика языковых характеристик, речевых средств, используемых в институциональном общении в рамках религиозного дискурса [Миронова 2011:WWW].

Лингвокультурный типаж «священник» (русской православной церкви) является одним из старейших, стабильных типажей, в то же время подвергающийся наименьшей трансформации, что связано с фундаментальными ценностями, на которых базируется шкала приоритетов данного типажа, кроме того, помимо понятийной и ценностных сторон, перцептивно-образная составляющая также характеризуется статичностью. Являясь транслятором суперморальных ценностей, священник обязан строго им следовать. Заповеди, на которых базируются ценностные приоритеты христианства, в первую очередь, долж-

ны определять жизненные приоритеты священника. Доминантой образа жизни священника является христоцентричность, которая включает в себя устремления к страданиям на земле с целью заслужить вечную жизнь. В случае отклонения от них, в любой структурной составляющей появляется резко негативная оценка. При рассмотрении паремиологического фонда мы установили основные характеристики языковой личности «священник», подвергающиеся критики и негативной оценки:

- 1) Алчность;
- 2) Стремление к комфорту;
- 3) Двуличность;
- 4) Пьянство;
- 5) Лживость;
- 6) Блуд;
- 7) Придирчивость;
- 8) Продажность.

Не меньшей критики подвергаются отклонения от идеала со стороны верующих. Будучи агентами религиозного дискурса, одновременно встроенные и в другие типы дискурса, как институциональные, так и бытовой, с позиции носителей лингвокультуры они обязаны сохранять целостную модельную личность независимо от коммуникативной ситуации и регистра общения. Ценностная характеристика верующего заключается в следующем: *«Мало «ходить в церковь», надо являть собой Церковь, всегда и везде»*. Соответственно, межличностные отношения с позиции христианства регламентируются следующими постулатами: «Почитай отца и мать» (Втор. 5:16), «Почитай лицо старца» (Лев. 19:32), «Вдовиц почитай» (1 Тим. 5:3), «Всех почитайте» (1 Пет. 2:17), «Почитайте один другого высшим себя» (Фил. 2:3), «Отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь». (Честь - почет, изъявление уважения, признание превосходства) (Рим. 13:7). Таким образом, концепт «почитание» является ключевым для модельной личности религиозного дискурса, соответственно представляет собой идеал коммуникативного поведения.

Лингвокультурный типаж «президент» также является значимой языковой личностью, оказывающей существенное влияние на культуру страны и общества, и характеризуется в качестве модельной личности. Являясь модельной личностью в рамках своей лингвокультуры,

президент использует определенное коммуникативное поведение для представления и поддержания своего статуса лидера государства в зависимости от жанра и цели высказывания. Ценности лингвокультурного типажа «президент» соответствуют ценностям и традициям всего общества, во главе которого он стоит. Лидер страны является хранителем суперморальных ценностей, таких как, демократия, свобода, независимость, мир, семья и др. Негативная характеристика данного типажа выводится посредством анализа текстов СМИ, фильмов. Пословичный фонд не может априори отрефлексировать типаж «президент», поскольку является устаревшим, тогда как реалья возникла в нашей культуре сравнительно недавно.

Третий тип дискурса, о котором пойдет речь в данной статье – это педагогический дискурс, в рамках которого выделяется типаж «учитель», ценностные приоритеты которого позволяют рассматривать его как модельную личность. Учитель обязан учить и воспитывать подрастающее поколение, формировать нормы поведения, опираясь на суперморальные ценности (доброта, честность, трудолюбие, патриотизм, духовность и т.д.), транслировать их в общество. Типаж «учитель» характеризуется также высокой статусной позицией в обществе, должен быть уважаем. Пословица «Почитай учителя, как родителя» демонстрирует принятое в коммуникативно-массовом сознании отношение к учителю.

Наличие оценочных коннотаций при описании модельной личности носителями лингвокультуры характеризует отношение к ней как эмоционально-маркированное. В проанализированных нами публицистических статьях встречаются его следующие номинации: символ эпохи, вторая мать и т.д.

Негативная характеристика выражена в оценочных лексемах и связана с несоответствиями критериев, заложенных в модель. Ключевым выражением этого несоответствия является характеристика «быть достойным» - «быть недостойным» называться учителем, священником, президентом при этом, обращаясь к дефиниции «достойный» мы видим, что оно трактуется как «...вполне соответствующий кому-, чему-л., обладающий требуемыми достоинствами» [Малый академический словарь]. Кроме того, если реальное лицо не соответствует стереотипу, возникает критика, базирующаяся на перечислении антиценностей: совесть – бессовестность, честь – бесчестный, бескорыстие – жадность.

Таким образом, отношение к модельной личности амбивалентно. Но стоит отметить, что в отличие от лингвокультурного типажа, в структуре модельной личности не могут быть допущены конститутивные признаки, оцениваемые в коммуникативно-массовом сознании негативно. Негативное отношение к несоответствию реалии идеалу, в данном случае критериям модельной личности выражается в упреке, обвинении, возмущении, насмешки, колкости, так называемой вербальной агрессией, как скрытой, так и эксплицируемой. Наличие весомого количества негативных реакций на имя типажа, на наш взгляд может служить типажеобразующим фактором и скорее всего речь пойдет именно о модельной языковой личности. Трудно представить себе массовую вербализацию негативной оценки по отношению к типу «гусар», который, как мы знаем, характеризуется амбивалентной оценкой, поскольку в ряде случаев, например скандализирование дам оценивалось в обществе негативно, но этот тип поведения был ожидаем от гусара. Если же вообще заявлять о типажеобразующем потенциале, то опять-таки, к языковой личности, не являющейся типажом, например «кузнец» не будут предъявлены массовые негативные отклики, относительно его коммуникативного поведения, ценностных приоритетов. Итак, чем больше типаж (модельная личность) ориентирован на суперморальные ценности, тем более остро выражается его критика, в случае несоответствия заданным параметрам. Все три рассмотренные модельные личности в ценностной составляющей которых заложены суперморальные ценности: «священник», «президент», «учитель» представляют собой ключевые лингвокультурные типажи институциональных дискурсов, их специфика заключается в трансляции суперморальных ценностей.

Модельная личность как один из подходов изучения языковой личности в лингвокультурологическом аспекте является перспективным направлением для дальнейших исследований в рамках лингвоперсонологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. – Волгоград: Перемена, 2007. - 307 с.
- Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура: материалы 3-й междунар. науч. конф. – Тамбов, 2001. – С. 98–101.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставропольского отд. РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – С. 86–89.

Миროнова Н.К. Религиозный дискурс, религиозный социолект и религиозный стиль – к проблеме определения понятия [Электронный ресурс] // Медиастилистика. – 2011г. – Вып. №1. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/756>

Малый академический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/13135/достойный>

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. - М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.

Дрожащих А.В.

Тюмень, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ КРИЗИСНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ (на материале
корпоративных годовых отчетов)**

Аннотация. Цель настоящей статьи - выявить и описать языковые средства, используемые хозяйствующими субъектами для оперативного реагирования на проблемные деловые ситуации и защиты корпоративного имиджа в режиме кризисной экономической коммуникации. Источником исследуемого материала являются годовые отчеты крупнейших американских и западноевропейских банков за 1991-2011 гг.

Ключевые слова: корпоративный годовой отчет, профессиональная коммуникация, кризисная экономическая коммуникация, корпоративный имидж.

Сведения об авторе: Дрожащих Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, корпус 1, ауд. 227.

e-mail: dalexv2012@rambler.ru

Drozhashchikh A.V.

Tyumen, Russia

**CORPORATE ANNUAL
REPORTS: AN ANALYSIS OF THE
LINGUISTIC MEANS USED TO
SUPPORT CRISIS ECONOMIC
COMMUNICATION**

Abstract. The aim of this article is to analyze specific linguistic means and techniques commonly employed by corporations in crisis and difficult business situations to explain both negative corporate developments and poor performance results to external audience groups in an attempt to protect their positive corporate images. The corpus of material gathered for the analysis includes 50 annual reports published between 1991-2011 by big European and U.S. banking institutions.

Keywords: corporate annual report, professional communication, crisis economic communication, corporate image.

About the Author: Drozhashchikh Alexander Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of English Philology.

Place of employment: Tyumen State University.

Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей коммуникативного поведения и интеракции банковских учреждений с различными внешними целевыми аудиториями в условиях экономического кризиса и имеет целью выявить и описать языковые средства,

используемые банками для оперативного реагирования на проблемные деловые ситуации и защиты корпоративного имиджа в режиме кризисной экономической коммуникации. Данный вопрос органично вписывается в проблематику актуальных направлений современного языкознания: дискурс-анализа, лингвистической прагматики, риторики, коммуникативной лингвистики, пиарологии и организационной лингвистики.

Предлагаемое исследование проводится на базе корпоративных годовых отчетов, которые играют важную роль в современных институциональных коммуникациях. По характеру передаваемой информации корпоративный годовой отчет обнаруживает параллели с рядом других профессиональных жанров, к которым можно отнести квартальные отчеты, релизы для средств массовой информации, материалы к годовым собраниям акционеров и аналитические презентации. Тексты указанного жанра нацелены на решение разнообразных коммуникативных задач, главной из которых является информирование целевой аудитории об итогах экономической деятельности хозяйствующего субъекта за отчетный год. При этом в процессе информирования заинтересованных организаций и физических лиц о деятельности организации – акционеров, инвесторов, сотрудников компании и ответственности – происходит формирование положительного стереотипа восприятия данной организации в массовом сознании, установление и поддержание интерактивных коммуникативных отношений между организацией и общественностью. Большой интерес в плане создания корпоративной идентичности и позитивного имиджа проявляют банковские учреждения, которые справедливо полагают, что в условиях интенсивной конкурентной борьбы имидж становится важным нематериальным преимуществом и средством борьбы за привлечение новых клиентов.

В проблемных деловых ситуациях банки используют годовой отчет как эффективный инструмент деловой организационной культуры для нейтрализации недружественных информационных и PR-акций конкурентов и реагирования на финансовые скандалы, ухудшение финансовых показателей деятельности, отток клиентуры и другие внутренние проблемы экономического и этического порядка. Методики, ориентированные на поддержание и оперативную коррекцию корпоративного имиджа, а также защиту имиджа и репутации компании от использования черных информационных технологий, составляют базу

для ведения PR-коммуникаций в условиях кризиса. При этом наряду с управленческими, организационными и техническими процедурами важным фактором успеха антикризисной PR-коммуникации является собственно лингвистический аспект процесса, в том числе речевая продуманность корпоративных публикаций и информационных материалов, грамотно выстроенные коммуникативные стратегии, релевантные дискурсивные практики для продуцирования текстов требуемой жанровой специфики, эффективные риторические приемы и техники речевого манипулирования.

Следует отметить, что банки не могут игнорировать провалы в собственной экономической деятельности и, как правило, открыто информируют акционеров, инвесторов, клиентов, регулирующие органы и общественность о существующих проблемах. Вербальные маркеры плохих корпоративных новостей в текстах годовых отчетов включают специальные экономические термины типа *losses* (negatively charged words) и нейтральные лексемы с семантикой, указывающие на падение экономических показателей банка *decrease, decreased, lower, reduced, reduction* и другие (down words). При этом если в специализированном бухгалтерском разделе годового отчета, адресованном профессионалам, банки используют соответствующую стандартную экономическую терминологию для обозначения потерь и убытков, то в информационной части годового отчета, нацеленной на решение информационных задач и PR-задач, негативная экономическая информация в большей степени подается преимущественно на фоне нейтрального или умеренно оптимистического контекста.

Интересно, что оптимистический контекст создается убыточными компаниями за счет активной эксплуатации позитивно заряженной лексики, которая, как показывают исследования, имеет более высокий удельный вес и частотность употребления в рассматриваемой сфере публичного делового общения по сравнению с негативно заряженной лексикой [Hildebrandt, Snyder 1981: 10]. По мнению А. Рутерфорда, такое распределение лексики объясняется тем, что компании в рамках реализации стратегии управления впечатлениями намеренно используют экспериментально доказанный психологический принцип Поллианны, который состоит в том, что позитивная информация обрабатывается и вспоминается пользователями точнее и быстрее, чем негативная [подробнее см. Rutherford 2007: 362-366; 372-373]. Названный принцип находит широкое применение и в банковской отчетной прак-

тике. Так, некие проблемные моменты могут быть сопряжены с позитивной информацией о деятельности банка в рамках единого высказывания; при этом позитивная информация, как правило, составляет рему высказывания и поэтому воспринимается представителями внешних целевых групп как наиболее существенная и важная в информационном отношении. Показателен в этом смысле пример, приводимый в работе М. Мигнини: *It has been a tough year for Abbey but we've made a lot of progress in reducing risk, selling certain assets, reorganizing the Personal Financial Service business and putting foundations in place to allow Abbey to grow in the future* [Mignini 2007: 967]. Высказывания такого рода имеют компенсаторную направленность и являются одним из эффективных инструментов защиты и стабилизации имиджа и репутационного капитала банка.

В экономической реальности ситуация не может складываться всегда и для всех однозначно благоприятно. По И.В. Воскресенскому, в кризисных и сложных деловых ситуациях любой бизнес стремится избежать негативной информации или минимизировать ее объем путем актуализации или искусственного конструирования неоднозначности деловой ситуации с использованием двух основных стратегий – стратегии полной неясности и стратегии нулевой реакции [Воскресенский 2007: 17]. При этом стандартными приемами манифестации неоднозначности в корпоративном годовом отчете являются ссылки на плохие параметры внешней среды и неверные действия партнеров и других участников рынка, а основные средства импликации неоднозначности на языковом уровне включают предметную генерализацию, метафорические построения, синтаксические усложнения, пассивные конструкции и некоторые другие.

В нашем материале зарегистрированы метафорические построения типа *cloudy external environment, foggy market conditions, gloomy perspectives, bleak outlook for world economy*, которые позволяют показать в образной форме общую нестабильность рынка и экономики, а также неоднозначный и противоречивый характер делового климата, в котором работает банк. При этом масштаб кризисных явлений подчеркивается на языковом уровне с помощью неопределенных и обобщающих местоимений, суперлативов и интенсификаторов. Например: *It was not an easy year for anyone in the banking industry* [MNB 1991:1]; *It was an extraordinarily challenging environment for the financial services industry* [BNY Mellon 2009: 1]; *The global economy was in the grip of the*

biggest downturn in eighty years [BNY Mellon 2009: 1]. Интересно отметить, что в период кризиса метафоричность корпоративных текстов существенно возрастает, при этом в описаниях разных стадий развития кризиса могут встречаться медицинские, погодные и спортивные метафоры [подробнее см. Конова 2011: 17-19].

Линия на метафоризацию корпоративных годовых отчетов в кризисных ситуациях сопровождается общим усложнением синтаксической организации текста, что проявляется на уровне длины отдельного слова и предложения и находит отражение в широком функционировании пассивных конструкций и сложных синтаксических построений. Исследователи годовых отчетов утверждают, что простой язык, используемый в годовом отчете, является маркером финансовой устойчивости компании, в то время как по мере роста плохих корпоративных новостей происходит ухудшение читабельности текста [подробнее см. Thomas 1997: 53]. Сложные синтаксические построения, по-видимому, являются инструментом ухода от конкретного обсуждения невыгодных корпоративных фактов и событий, а также нацелены на то, чтобы получить дополнительное время для стабилизации ситуации. Например: *Lower levels of client transaction activity and a delay to establish a positive trend in net new money led in 1999 to a segment performance before tax of CHF 2,652 million compared to CHF 3,135 million in 1998 adjusted for the gain on the divestment of BSI-Banca della Svizzera Italiana as well as related operating revenues and expenses* [UBS 1999: 26]. Подобный способ подачи информации рассчитан скорее на финансовых профессионалов, однако совершенно не учитывает ожиданий и интерпретационных возможностей некоторых групп пользователей банковских годовых отчетов (клиенты, общественность), не являющихся членами финансового дискурсивного сообщества.

Пассивные конструкции также обладают существенным манипуляционным потенциалом в различных коммуникативных средах, на что неоднократно обращали внимание современные языковеды [Блакар 1987: 107; Granger 1983: 30]. В контексте рассматриваемой в статье проблематики особенно активно функционирует двучленный пассив, который в силу своей специфической грамматической организации обладает большими возможностями для утайки, или сокрытия информации. Элиминирование субъекта действия из структуры предложения позволяет банку снять ответственность с конкретных менеджеров за плохой экономический результат и представить сложившуюся ситуа-

цию как сложную и неоднозначную, при которой негативное развитие событий невозможно было предвидеть и спрогнозировать. Например: *Some of the challenges that faced us could not been foreseen and had to be handled as and when they arose [MNB 1991:3].* Помимо всего прочего использование двучленного пассива может подчеркнуть фатальный характер происходящих на рынке событий. Например: *Lehman's collapse led to considerable disruption in the interbank market as some market participants were forced to liquidate their positions [Commerzbank 2008: 22].*

Таким образом, банковские учреждения хорошо понимают, что важным фактором успеха кризисной экономической коммуникации является лингвистический аспект данного процесса, и поэтому очень внимательно подходят к выработке эффективной модели коммуникативного взаимодействия с различными внешними целевыми аудиториями для поддержания корпоративного имиджа и деловой репутации в условиях кризиса. При этом для реализации собственных информационных и PR-задач банки также эксплуатируют разнообразные приемы речевого воздействия и манипулирования с применением широкого набора лексических и грамматических языковых средств, включая метафоры, синтаксические усложнения, пассивные конструкции и т.д. Представляется, что результаты проведенного исследования могут в определенной степени помочь профессиональным и в особенности непрофессиональным пользователям банковских годовых отчетов более точно и адекватно декодировать истинный смысл корпоративных сообщений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использование в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-125.

Воскресенский И.В. Неоднозначность в деловой коммуникации (на материале деловой переписки): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2007. – 17 с.

Конова М.А. Когнитивно-дискурсивные особенности PR-дискурса в кризисной Интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2011. – 22 с.

Granger S. The be + Past Participle construction in Spoken English with special emphasis on the passive – Amsterdam, New York, London: North-Holland, 1983. – 390 p.

Hildebrandt H.H., Snyder S. The Pollyanna hypothesis in business writing: initial results and suggestions for research // *Journal of Business Communication*. Vol.18. – 1981. – No.1. – P. 5-15.

Mignini M. Strategic maneuvering in banks' annual reports // *Proceedings of the 6th Conference of the International Society for the Study of Argumentation*. – Amsterdam, 2007. - P. 963-969.

Rutherford B.A. Genre analysis of corporate annual report narratives: a corpus linguistics-based approach // *Journal of Business Communication*. Vol. 34. – 2007. – No.1. – P. 349-378.

Thomas J. Discourse in the marketplace: the making of meaning in annual reports // *Journal of Business Communication*. Vol.42. – 2005. – No.4. – P. 47-66.

Дьяконова С.А.

Екатеринбург, Россия

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
УРОК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
КАК КОММУНИКАТИВНОЕ
СОБЫТИЕ**

Аннотация. В рамках педагогического дискурса-анализа урок иностранного языка рассматривается и характеризуется как коммуникативное событие.

Ключевые слова: дискурс, педагогический дискурс, коммуникативное событие.

Dyakonova S.A.

Ekaterinburg, Russia

**PEDAGOGICAL DISCOURSE:
FOREIGN LANGUAGE LESSON
AS A COMMUNICATIVE EVENT**

Abstract. Within the theory of pedagogical discourse a foreign language lesson is viewed and characterized as a communicative act.

Keywords: discourse, pedagogical discourse, communicative event.

Сведения об авторе: Дьяконова Светлана Алексеевна, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков факультета регионоведов-переводчиков

Место работы: Гуманитарный университет (г. Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3, к. 222.

e-mail: dsa76@inbox.ru.

About the Author: Dyakonova Svetlana Alekseyevna, senior teacher at the Chair of Russian and Foreign Languages at the Department of Area Studies

Place of employment: Liberal Arts University (Ekaterinburg).

Теория дискурса является одним из наиболее активно развивающихся направлений коммуникативной лингвистики. Различные трактовки этого понятия зафиксированы в лингвистических словарях (Арутюнова 1990, Жеребило 2010 и др.). При всем различии подходов к исследованию дискурса и его феноменологическому определению, интерпретация данного понятия связана с выбором аспекта его исследования. В данной работе будем исходить из постулата, что дискурс представляет собой «протекающую в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленную коммуникативную деятельность» [Борисова 2009: 136].

Анализ педагогического дискурса выделяется в частную область общего дискурс-анализа. Предметом исследования педагогического дискурса является лингвистический аспект реального речевого взаимодействия учителя и ученика, лингво-коммуникативные

единицы уровня дискурса. Основными понятиями анализа педагогического дискурса являются те же концепты, что и в общей теории дискурс-анализа: стратегия, тактика, коммуникативная ситуация, коммуникативное событие и пр.

Максимальной единицей педагогического дискурса считают дискурс урока. Урок иностранного языка как диалогическое взаимодействие в совокупности определяющих его экстралингвистических (ситуативных, коммуникативных и социолингвистических) признаков можно рассматривать в качестве коммуникативного события.

Исходя из широкого понимания, событиями называют «всё, что случается, происходит, имеет место в мире» [Булыгина, Шмелёв 1992: 108]. Коммуникативное событие принадлежит сфере социального бытия людей, это лимитированный и регламентированный процесс социально-коммуникативного взаимодействия в определенном социокультурном контексте. Иными словами, коммуникативное событие ограничено во времени и пространстве и социально структурировано (функция коммуникативного события определяется социально-ролевыми характеристиками участников, их целями, способами и социальными нормами взаимодействия). Эти параметры, или социально и коммуникативно значимые признаки, коммуникативного события определяют его жанр.

Жанр коммуникативного события есть социально закреплённая форма коммуникативного взаимодействия, которая определяется единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения его участников, заданными социальными нормами и правилами [Борисова 2009: 31]. Коммуникант (деятель, агенс), подчиняясь целям и обстоятельствам своей деятельности, как бы «входит» в заданное социумом коммуникативное событие и вынужден руководствоваться в своей деятельности ситуацией, социальными условиями, нормами и правилами, предлагаемыми коммуникативным событием. Ролевые, статусные и релятивные характеристики коммуниканта «приписываются» ему социальным контекстом того коммуникативного события, в рамках которого он должен организовывать свою деятельность и поведение. Таким образом, жанр коммуникативного события определяет: во-первых, тип речевого поведения; во-вторых, допустимые и социально одобряемые нормы и правила речевого поведения; в-третьих, стратегии и тактики речевого поведения, стандартные в данной ситуации речевые поступки коммуникантов.

Центральным компонентом коммуникативного события является коммуникативная деятельность его участников. Соотношение «коммуникант – деятельность – результат» задает динамический аспект описания коммуникативной деятельности, в то время как условия (коммуникативная ситуация) и социальные ограничения (нормы, конвенции, правила, сценарии) описывают ее статический аспект.

Таким образом, под коммуникативным событием будем понимать «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова 2009: 13].

Параметры описания коммуникативного события [Борисова 2009: 42] содержат объективные критерии (характерные черты коммуникативной ситуации) и субъективные признаки варьирования речевого поведения и речевого продукта.

Рассмотрим условия (доминанты), обладающие наибольшим таксономическим весом и релевантностью при выявлении специфики такого жанра коммуникативного события как урок иностранного языка (практического занятия) в ВУЗе.

1. Объективные интегрирующие признаки.

1. Типологическая стратификация. Урок иностранного языка - как коммуникативное событие официальной, публичной (институциональной) актуальной сферы общения - характеризуется релевантностью профессионального социально-ролевого статуса коммуникантов; отличается строгой регламентированностью (ритуализованностью), контролируемостью и структурированностью; расценивается как общение, мотивированное решением некоммуникативной познавательной задачи освоения иностранного языка в различных аспектах (говорение, аудирование, чтение, письмо).

2. Способ общения. Общение осуществляется на иностранном или иностранном/родном языке при непосредственном устном контакте коммуникантов через аудиовизуальный канал. Продукт коммуникации не ориентирован на отчуждение (порождаемый текст не ориентирован на автономное функционирование, он актуален только в момент общения).

3. Организация общения на уроке характеризуется запланированностью события; подготовленностью общения; наличием жёсткого сценария коммуникации; строгим контролем речевого поведения, применением стандартных, социально приемлемых стратегий и так-

тик; высокой частотой мены говорящих, с распределением коммуникативной инициативы в режиме реплицирования; заданностью темы; официальной или нейтральной тональностью общения.

4. Топология. С точки зрения пространственной локализации урок проходит в аудитории здания ВУЗа. Узуальность пространственной прикрепленности является типичной. Взаимное расположение коммуникантов визуальное.

5. Хронология. С точки зрения временных координат, урок имеет календарную дату, проходит в определенное время суток (утро/день/вечер) и время года (осень/зима/весна). Узуальность хронологической прикрепленности является типичной. Временная протяженность коммуникативного события составляет 1 час 30 мин.

6. Объективные ситуативные характеристики коммуникантов.

А. Социально-ситуативные признаки коммуникантов. Количество участников коммуникации на уроке варьируется от 2 до 15. Социальные роли четко определены: преподаватель – студент. Переменные коммуникативные роли: говорящий – слушающий.

Б. Социально-статусные отношения коммуникантов. Соотношение социальных статусов коммуникантов характеризуется неравенством социальных позиций (ролей) и вертикальной дистанцией коммуникантов. Реализация в общении социального статуса коммуникантов влечет за собой асимметричность коммуникативного модуса – один из его участников (учитель) выполняет роль ведущего, направляет ход дискурса, определяет очередность реплик, вводит и завершает темы, распоряжается «правом на речь», предоставляя это право по своему усмотрению.

В. Мотивационно-целевая ориентация коммуникантов. Макроинтенция (цель-мотив) коммуникативной деятельности относится к типу нефатических и связана с решением некомуникативной познавательной задачи на уроке (например: цель – обучение говорению). Микроинтенции партнеров коммуникации – локальные цели речевых действий – определяются целью, дидактическими задачами и темой урока иностранного языка (например: запросить и получить информацию, дать указания, посоветовать, выразить предположение, просьбу, различные чувства, высказать мнение и т.п.).

II. Субъективные признаки коммуникантов.

1. Постоянные признаки коммуникантов - демографический паспорт (пол, возраст, происхождение, место рождения, место жительства)

ва и пр.), социально-профессиональный статус (образование, профессия, уровень культуры), культурно-речевой статус (тип речевой культуры), язык (родной/иностраннй), индивидуальные речевые особенности (темпы речи, интонационный репертуар, словарный запас, грамматическая компетенция, склонность к коммуникативному лидерству, речевые привычки и т.п.) психофизиологические особенности (темперамент, общительность, экстравертность/интровертность) - в определенной мере влияют на ход коммуникации на уроке.

2. Переменные признаки коммуникантов - оценка коммуникантом типичности ситуации (привычная/непривычная), уровень коммуникативной компетенции (знание правил и норм, регулирующих отношения участников в данном коммуникативном событии; умение эффективно действовать в предлагаемых коммуникативным событием условиях), включенность в коммуникацию (поверхностная/глубокая), позиции в ходе общения (открытая/ отстраненная/закрытая), эмоциональное состояние в момент речи - являются факторами варьирования речевого поведения на уроке.

3. Релятивные характеристики партнеров коммуникации - коммуникативная предыстория (существует/не существует, благоприятная/неблагоприятная), регулярность контактов (частые/ редкие), степень близости отношений (нейтральные/дистанцированные) – также являются факторами варьирования речевого поведения на уроке.

Указанные доминанты являются критериями, позволяющими отграничить жанр урока от ситуаций, характеризующих другие типы диалогических коммуникативных событий. Существенно, что доминанты должны использоваться в комплексе, т.к. отсутствие одного из признаков нарушает его идентичность или ведет к появлению её маргинальных вариантов. Параметрами, позволяющими отграничить жанр коммуникативного события «урок иностранного языка» от других уроков, являются цель, задачи и формирующие дисциплину компетенции. Жанр урока иностранного языка обладает вариативностью, что дает возможность выделить различные субжанры: урок устной речи, урок грамматики, урок фонетики, урок домашнего чтения, урок профессионально-ориентированного перевода и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2009. – 320 с.
- Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Идентификация событий: онтология, аспектология, лексикография // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 108-115.
- Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

Кошкарова Н.Н.

Челябинск, Россия

**АФОРИЗМЫ В.В. ПУТИНА И
Д.А. МЕДВЕДЕВА КАК
СИМВОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ТАНДЕМА**

Аннотация. Статья посвящена анализу эмоциональных высказываний в выступлениях Д.А. Медведева и В.В. Путина. При этом акцент делается на деятельности двух политиков по управлению государством как их политическом тандеме.

Ключевые слова: *политический тандем, афоризмы, жаргонизм.*

Сведения об авторе: Кошкарова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международных коммуникаций.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет.

Контактная информация: 454000, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования.

e-mail: nkoshka@rambler.ru

Koshkarova N.N.

Chelyabinsk, Russia

**V.V. PUTIN AND
D.A. MEDVEDEV'S MAXIMS
AS SIGNS OF THEIR
POLITICAL TANDEM**

Abstract. The paper is devoted to the analysis of emotional utterances in Medvedev and Putin's pleadings. Both politicians' activity at governing the country is viewed as their political tandem.

Keywords: *political tandem, maxims, slang.*

About the Author: Koshkarova Natalya Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of International Communication.

Place of employment: South Ural State University

Существует мнение, согласно которому политический тандем в общественном и политическом устройстве современной России является изобретением действующего Президента В.В. Путина. Однако Я.В. Калиш в своём исследовании «Тандем в российской политике: история и современность» [Калиш 2012] указывает на то, что подобные политические союзы неоднократно складывались в отечественной истории и в прошлом. Автор приводит данные о существовании тандемократии из практики управления страной в Древней Руси и Средневековье, а также из недавнего советского прошлого. В цитируемой нами работе приводится, как представляется, точное и соответствующее сути анализируемого феномена определение политического тандема: «объединение двух политических лидеров, осуществляющих управление государством на основе взаимодействия, разделения политических обязанностей и обоюдно принятой политической стратегии»

[Калиш 2012: 18].

Целью настоящего исследования является анализ отражения в языке деятельности двух политиков по управлению государством. Не вызывает сомнения тот факт, что идиостиль действующего Президента не раз становился объектом изучения лингвистов [Гаврилова электронный ресурс, Патрушева 2011, Седых 2012]. Однако афористическая составляющая речи Д.А. Медведева пока мало интересует современных учёных, которые склонны полагать, что В.В. Путин «придаёт особое значение эмоционально-экспрессивному компоненту коммуникации» [Седых 2012] в отличие от своего политического союзника. Однако Председатель Правительства РФ также может претендовать на роль автора многих афоризмов, семантический и формальный статус которых зависит от действия временного и исторического факторов.

Одним из самых цитируемых стало заявление Д.А. Медведева, которое он сделал 17 февраля 2008 г. на V Красноярском экономическом форуме, выступая с большой программной предвыборной речью в качестве кандидата в президенты. *«В основе нашей политики должен лежать принцип, который считаю (несмотря на всю его очевидность) важнейшим в деятельности любого современного государства, стремящегося к достижению высоких стандартов жизни. Это принцип «свобода лучше, чем несвобода». Эти слова – квинтэссенция человеческого опыта»,* – заявил Д. Медведев. Выражение *«свобода лучше, чем несвобода»* стало маркёром интертекстуальности в выступлениях Премьер-министра, а затем Президента, когда благодаря автоцитации создаётся единое дискурсивное и смысловое пространство между речевыми произведениями автора. 24 апреля 2012 г. Д.А. Медведев на заседании Госсовета вновь повторил столь любимую им фразу: *«Несколько лет назад я высказал простую и, казалось бы, очевидную для всех мысль: свобода лучше, чем несвобода... Многими эти слова воспринимаются как моё политическое кредо, то есть в целом воспринимаются правильно. И я, как мог, следовал ему».*

Идиостиль Д.А. Медведева характеризуется тем, что его высказывания становятся не только афоризмами, но и руководством к действию. 31 июля 2008 года в г. Гагарин Смоленской области прошло совещание по развитию малого и среднего бизнеса, во время которого Президент употребил эмоционально-экспрессивное выражение *«кошмарить бизнес»*, ставшее впоследствии крылатым: *«К сожалению, проблемы остаются всё те же. Я имею в виду и те проблемы, с ко-*

торами сталкиваются наши предприниматели, где бы они ни занимались бизнесом, малым бизнесом, да и не только малым. Замучили проверки и всякого рода «наезды» по коммерческим наводкам. Вообще, надо, чтобы и наши правоохранительные органы, и органы власти перестали «**кошмарить**» бизнес». Несоответствие поведения или высказываний собеседников становятся причинами использования в процессе коммуникации такого способа речевого воздействия, как упрёк, наряду с продуцированием афористических выражений. В сентябре 2008 г. во время совещания в Магадане по вопросам развития региона заместитель министра финансов Антон Силуанов выступил категорически против предоставления Дальнему Востоку, в частности Колыме, особых экономических условий, на что Президент отреагировал очень гневно: *Я увидел здесь то, что уже видел везде: **никто никого не слышит!** При том что я сам провожу совещание. Причем не окружное, а в каждом субъекте! А это не очень экономично с точки зрения и распределения сил, и присутствия ключевых министров. Так что давайте серьезно анализировать проблемы, а не перекидывать их туда-сюда!* <...> *Если вам так сложно все, то мы у вас просто лицензию отзовем, и все! **Не надо скулить!** Это золото, а не животноводство в нечерноземной зоне!*

На посту Президента России Д.А. Медведев прибегал и к такому способу речевого воздействия, как инвектива, а именно к агрессивной инвективе, которая представляет культурно обусловленный и национально специфичный векторно-направленный континуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации, осуществляемый просторечной лексикой и фразеологией, характеризующейся стилистической маркированностью, предельной сниженностью и обладающей вульгарной коннотацией, реализующий интенцию говорящего или пишущего унизить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи [Дмитриенко 2007]. Так, после пожара в пермском клубе «Хромая лошадь» Дмитрий Анатольевич назвал организаторов вечера «*безответственными мерзавцами*». В данном случае мы наблюдаем реализацию вербальной агрессии через использование разговорно-сниженного слова *мерзавец*, которое имеет значение ‘безнравственный, мерзкий, подлый человек; негодяй’ [Ефремова 2000].

Отдавая дань вектору исследования афоризмов Д.А. Медведева и В.В. Путина, когда идиостиль двух политиков анализируется через призму их политического тандема, мы выбрали в качестве материала

для анализа наиболее запомнившиеся высказывание действующего Президента в период с 2008 по 2012 гг. (когда обязанности главы государства исполнял нынешний Премьер-министр). Одним из самых ярких афоризмов Владимира Владимировича с агрессивным прагматическим потенциалом стало его выражение «*вставить в стойло*», употреблённое им во время Прямой линии в декабре 2011 г. Интерпретация данного выражения отсылает нас к уголовному жаргону, в котором оно означает ‘одернуть, поставить на место, указать место’.

В своих выступлениях В.В. Путин часто обращается к жаргонным выражениям как актуализаторам своего эмоционального состояния и средствам воздействия на целевую аудиторию. Во время упомянутой выше Прямой линии в декабре 2011 г. он сказал: «*Это беда всего нашего общества. Ну, желание «попасть на волну» и понравиться и кого-то, извините, «уконтрапунить», схватить и посадить во что бы то ни стало, показать свою крутизну - это самое простое, что мог бы сделать человек в моем положении*». Слово *уконтрапунить* является жаргонным и означает ‘прекратить чью-либо деятельность, ограничить, подавить’. Одновременно с этим данное слово можно рассматривать как прецедентный феномен со сферой «отечественная поэзия». Слово *контрапунить* употреблял в своём стихотворении «Хулиган» В. Маяковский:

– Не нас контрапунят –
не наше дело!
Бежим, ребята,
чтоб нам не влетело!

Также это слово использовалось В. Высоцким в песне «Возле города Пекина»:

Вот придумал им забаву
Ихний вождь товарищ Мао:
Не ходите, дети, в школу –
Приходите бить крамолу!
Чем ещё уконтрапунишь
Мировую атмосферу:
Мы покажем крупный кукиш
СэШэА и эСэСэРу!

По справедливому замечанию Е.А. Нахимовой [2011: 248], «обращение к прецедентным феноменам – характерная черта отечественной политической коммуникации». Приведём другой пример исполь-

зования прецедентного имени в идиостиле В.В. Путина. Так, всем известно слово *бандерлоги* – название бесправных обезьян из «Книги джунглей» Р. Киплинга и мультфильма «Маугли», которыми повелевает питон Коа. В время прямого эфира в программе «Разговор с Владимиром Путиным» 15 декабря 2011 г. употребил фразу *«Идите ко мне, бандерлоги»*, говоря об оппозиционно настроенных гражданах, которые, по его мнению, *«действуют в интересах иностранного государства и на иностранные деньги»*. В настоящий момент это слово употребляется в отношении оппозиционеров и всех несогласных. В последнее время термин расширил своё значение и обрёл более широкий смысл – ‘тот, кто не борется за свои права и позволяет себя подавлять’.

Таким образом, политики используют любые доступные им средства для более эффективного взаимодействия с подчинёнными, оппонентами, народом. Во время такого общения мы являемся свидетелями зарождения особого типа политической коммуникации, специфичность которой добавляет сужение диапазона стилевых регистров, примитивизация понятий, превращение массово-информационного дискурса в форум для всего населения [Карасик 2011]. Языковое и речевое наполнение такого дискурса характеризуется наличием не только окказионализмов, но и узуальных слов и выражений, что ещё раз подтверждает мысль о том, что символами политической деятельности деятеля любого уровня является не только его поступки, но и слова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гаврилова М.В. Дискурсивный портрет В.В. Путина [Электронный ресурс]. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=131%3Adiscursologia-proyecto-nciclopedico&catid=134%3Adiscursologia-proyecto-enciclopedico-&Itemid=55
- Дмитриенко Г.В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2007. – 166 с.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. – М.: Русский язык, 2000.
- Калищ Я.В. Тандем в российской политике: история и современность // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 1. – С. 17-27.

Карасик В.И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография. – Нижний Тагил, НТГСПА, 2010. – С. 164-183.

Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – 276 с.

Патрушева Е.В. Лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты афоризмов в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В.В. Путина и Дж. Буша мл.): дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 247 с.

Седых А.П. Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В.В. Путина и А. Меркель // Политическая лингвистика. Выпуск (2) 40. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2012. – С. 39-45.

Соловьева А. С.

Екатеринбург, Россия

АНТРОПОМОРФНАЯ

**МЕТАФОРА В БРИТАНСКИХ
СМИ СО СФЕРОЙ-МИШЕНЬЮ
ЕВРОСОЮЗ**

Аннотация. Исследуется антропоцентрическая метафорическая картина мира. Цель – определить метафорические модели антропоморфной метафоры. Каждая субсфера включает в себя несколько метафор представленных фреймами. Автор приводит классификацию данной субсферы, а также примеры из англоязычной прессы.

Ключевые слова: *СМИ, метафора, картина мира, антропоморфная метафора, метафорическая модель, субсфера, фрейм, слот.*

Сведения об авторе: Соловьева Анна Сергеевна, Соискатель кафедры германской филологии, Уральского Федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, учитель английского языка, МБОУ-гимназия № 99.

Место работы: МБОУ-гимназия № 99 (Екатеринбург)

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. Баумана, 17.
e-mail: anna_soloveva87@mail.ru.

Solovyeva A. S.

Yekaterinburg, Russia

ANTHROPOMORPHIC

**METAPHOR: THE TARGET
DOMAIN "EUROPEAN UNION" IN
THE BRITISH PRESS**

Abstract. The paper deals with the anthropocentric metaphorical linguistic image of the world. The aim of the investigation is to define metaphorical models of the anthropomorphic metaphor. The author brings the sub-sphere classification which includes some metaphors presented by frames. These frames are exemplified.

Keywords: *mass-media, metaphor, linguistic image of the world, anthropomorphic metaphor, metaphorical model, sub-sphere, frame, slot.*

About the Author: Solovyeva Anna Sergeevna, Competitor for a degree at Philology of German Philology Department, Yeltsin UrFU, Teacher of English, Grammar School # 99.

Place of employment: Grammar School # 99 (Yekaterinburg)

Современные СМИ "чутко" реагируют на все инновационные процессы в обществе, социальные перемены не только в содержательном, но и языковом плане [Будаев 2008; Чудинов 2008: 56]. Любой текст СМИ содержит, с одной стороны, комплекс идей, присущих автору, его взгляд на описываемые явления, интерпретацию политической и социальной ситуации, с другой стороны, определенный набор языковых средств, используемый создателем текста для языкового оформления своих позиций. Одним из важнейших признаков языка

современных СМИ является метафоричность. Используя выражение В.Г. Костомарова, по дискурсу СМИ и заголовкам газет в частности можно говорить о "языковом вкусе эпохи".

Как известно, в современной теории метафорического моделирования не существует какой-либо единой классификации метафорических моделей или какого-либо закрытого перечня таких моделей.

В монографии А. П. Чудинова (2001) выделено четыре основных разряда моделей русской политической метафоры: антропоморфная метафора, метафора природы, социальная метафора и артефактная метафора. Каждая субсфера включает в себя несколько метафор, представленных фреймами.

В этой связи представляется актуальным описать и привести классификацию антропоморфной метафоры со сферой-мишенью Евросоюз с примерами из британских СМИ.

Создаваемая человеком метафорическая картина мира в значительной степени антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает (концептуализирует) действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками [Чудинов 2003а: 77].

Данная группа представлена следующими фреймами: «диагноз», «физиологические органы», «жизненный цикл организма», «пациенты и медицинский персонал», «физиологические действия», «состояние пациента», и «способы лечения», «причины и возбудители болезней», «способы лечения, используемые инструменты и лекарства».

Метафорическая модель «Евросоюз – это живой организм»

Физиологическая метафора – одна из наиболее традиционных и детально структурированных в отечественном политическом дискурсе. В последнее десятилетие XX века физиологическая метафора активно используется в политической речи: с этой точки зрения можно отметить лишь архаизацию некоторых прежних выражений и появление ряда новых образов [Чудинов 1991-2000: 79]. Данная группа представлена следующими фреймами: «физиологические органы», «физиологические действия».

Фрейм 1. «Физиологические органы»

Слот 1.1. «Сердце»

- ✓ *This potential shift in the partnership at the **heart** of Europe means the contest is of keen interest beyond French borders ... for Mr. Sarkozy (The Financial Times 17.02.12).*

Слот 1.2. «Позвоночник»

- ✓ *The Franco-German alliance is obviously the most important in the EU – the **spinal column** of the eurozone (The Guardian 05.11.11).*

Слот 1.3. «Руки»

- ✓ *You could also say, Irish ELA no longer sticks out like a sore **thumb** given the trend of eurozone monetary policy since the middle of 2001 (The Financial Times 22.03.12).*

Слот 1.4. «Мускулы»

- ✓ *As long as it does not become a pretext for its own protectionist, it is right for the EU to show **muscle** to force open markets in China and elsewhere (The Financial Times 03.04.12).*

Фрейм 2. «Органы перцепции»

Слот 2.1. «Глаза»

- ✓ *The **eyes** of Europe were fixed on Athens at the time (The Financial Times 19.02.12).*

Слот 2.2. «Зубы»

- ✓ *...and in the **teeth** of EU crisis like this one, punishment has been brutal... (The Financial Times 09.01.12).*

Метафорическая модель «Евросоюз – это болезнь»

В соответствии с данной метафорой образно используется лексика, обозначающая болезни, которые необходимо лечить, симптомы и признаки заболеваний, их последствия. Как известно, в общественном сознании здоровье человека представляется как величайшая ценность, которую необходимо беречь, поскольку в противном случае оно будет растрачено, а физические и душевные болезни могут принести много страданий [Чудинов 2003а: 79].

При анализе статей в российских СМИ обращает на себя внимание встречаемость словоупотреблений рассматриваемой метафоры. При метафорическом переосмыслении лексика со значением биологического здоровья или болезни характеризует особенности развития и состояния отдельных субъектов деятельности [Чудинов 2003а: 79-80]. Данная группа представлена следующими фреймами:

Фрейм 1. «Причины и возбудители болезней»

Слот 1.1. «Инфекция»

- ✓ *It is not just the spreading of the **virus** of uncertainty to the other countries of Europe's southern periphery... (The Guardian 15.02.12).*
- ✓ *The 27 EU member states now fear that a default by Greece could set off a financial **contagion** that will spread throughout the region (The Money Morning).*

Фрейм 2. «Состояние пациента»

Слот 2.1. «Пациент находится в тяжелом состоянии»

- ✓ *Europe faces **malaise** and must reform (the Guardian 24.01.12).*
- ✓ *Europe **paralyzed** by Greece: markets back to square one? (The Guardian 01.01.11).*
- ✓ *European leaders signed a new deal in a bid to **salvage** the euro-zone ... (The Guardian 02.03.12).*
- ✓ *The historic shift towards monolithic, pan-European power has continued even as the UE finds itself in the **throes** of a debt crisis that could call into question its very **survival** (The Guardian 30.03.12).*

Слот 2.2. «Выздоровление больного»

- ✓ *Euro-zone economies face a long, hard road to **recovery** (The Independent 31.03.12).*

Слот 2.3. «Смерть пациента»

- ✓ *The fate of Greece: the EU **death rattle!** (The Guardian 10.02.12).*

Фрейм 3. «Способы лечения»

Слот 3.1. «Лекарства»

- ✓ *Skeptics, however, warns that it is no better than a **placebo** for the curmudgeon European patient (The Guardian 02.03.10).*
- ✓ *Brussels says no need for cash **injection** from rescue fund (The Financial Times 28.03.12).*
- ✓ *Europe's new economic strategy: a **miracle cure**? (The Guardian 02.03.10).*
- ✓ *The EU is desperate for a **magic potion** to revitalize its creaking economy, but it may have to settle for something less dramatic (The Guardian 02.03.10).*
- ✓ *No way to **ease the pain** in Spain (The Independent 31.03.12).*

Фрейм 4. «Симптомы болезни. Диагноз»

Слот 4.1. «Психические болезни»

- ✓ *Eurozone is **sleepwalking** in decline (The Guardian 19.05.10).*

Слот 4.2. «Симптомы болезни»

- ✓ *It's another crunch day for Europe, as the debt crisis that has **convulsed** the region for months intensifies (The Guardian 14.09.11).*

Первичные значения использования слов в составе фреймов «болезни/увечья» хорошо знакомы читателям и вызывают эмоциональное отторжение и негодование, а образ «больной» действительно становится более действенным. Подводя итоги рассмотрения антропоморфной метафоры в заголовках и статьях британских СМИ, нужно отметить, что наибольшее развитие получили модели с концептуальными векторами тревожности, агрессивности, отклонения от естественного порядка вещей (болезнь и т. д.).

Метафорическая модель «Евросоюз – это семья»

Метафорическая модель Государство – это семья представляет отношения между государством и гражданами, между лидером страны и народом, между социальными силами, между регионами и иными субъектами политической деятельности. Данная метафора представлена следующим фреймом:

Фрейм 1. «Родство»

- ✓ *No break-up: the euro needs **parental love** (The Financial Times 02.04.12).*

Слот 1.1. « Развод»

- ✓ *A **divorce settlement** for the eurozone: **splitting up** can be better than staying in a bad **marriage** (The Financial Times 02.04.12).*

Слот 1.2. « Становление»

- ✓ *The average **maturity** of a euro of liquidity provided by the ECB on December 1 was 46 days. (The Financial Times 05.03.12).*

Антропоморфная модель относится к наиболее универсальным метафорическим моделям, что и предопределяет ее высокую дискурсивную устойчивость. Для британцев свойственно осмыслять политическую и экономическую действительность в понятиях анатомии и физиологии человека, динамику общественных процессов как жизненный цикл организма, наделять феномены окружающего мира эмоционально-волевыми свойствами. Данная метафорическая модель активизируется в период обострения политической борьбы, в период политического или экономического кризиса, а также при столкновении общества с какой-либо кризисной ситуацией.

Проведенный анализ показывает, что использование метафоры – это мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования политической картины мира в его сознании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008. – 247 с.
- Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. – М., 1971. – 268 с.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. - Екатеринбург, 2003. – 248 с.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография. - Екатеринбург, 2001. - 233с.

**Теоретические и методологические проблемы
терминологии и профессиональной коммуникации**

УДК 81'33

Бурдина О.Б.

Пермь, Россия

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОВ В ТЕКСТАХ
АННОТАЦИЙ**

ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. Статья посвящена фармацевтической терминологии, представленной в аннотации на лекарственные средства.

Ключевые слова: фармацевтический дискурс, лекарственное средство, аннотация на лекарственное средство, термин, вариативность терминологии

Сведения об авторе: Бурдина Ольга Борисовна, старший преподаватель кафедры латинского языка.

Место работы: Пермская государственная фармацевтическая академия.

Контактная информация: 614107, г. Пермь, ул.Хрустальная, 34, к. 27.
e-mail: burdina-pfa@yandex.ru.

Burdina O.B.

Perm, Russia

**FUNCTIONING
OF PHARMACEUTICAL TERMS
IN THE ABSTRACTS ON DRUGS**

Abstract. The article deals with the usage of pharmaceutical terminology in the abstract on the drug

Keywords: pharmaceutical discourse, drug, abstract on the drug, term, terminological variation

About the Author: Burdina Olga Borisovna, Assistant Professor of the Chair of Latin Language.

Place of employment: Perm State Pharmaceutical Academy.

Актуальность: в современной лингвистике большое внимание уделяется изучению языка во взаимосвязи с мышлением и речевой деятельностью, которая реализуется в специальной сфере (профессиональной деятельности, профессиональном дискурсе).

В современных лингвистических исследованиях существуют разные подходы к рассмотрению дискурса, в последние десятилетия выделяют когнитивное направление, антропоцентричное по своей природе, представляющее возможность исследователям изучать не абстрактную языковую систему, а живую речь, функционирование языка в условиях реального общения, в определённых коммуникативных ситуациях в широком экстралингвистическом контексте. С позиций когнитивной лингвистики дискурс понимается как вербально опо-

средованная деятельность в специальной сфере [Алексеева, Мишланова, 2002].

Исследователи выделяют различные профессиональные дискурсы: юридический, политический, рекламный, медицинский и др. Фармацевтический дискурс (как социолингвистический дискурсивный тип) был выделен сравнительно недавно и представляет собой «особый культурный код, организующий когниолингвистическое пространство, связанное с производством и потреблением лекарственных препаратов» [Бурова 2008: 40].

В фармацевтическом дискурсе в коммуникативных ситуациях участвуют производитель лекарственных средств, врач, фармацевт и пациент (покупатель).

Изучение профессиональной деятельности, профессионального дискурса предполагает использование специальной лексики – терминов, в связи с чем возрос научный интерес к исследованиям в области терминоведения в целом и отраслевых терминологий в частности.

К фармацевтическим терминам принято относить термины фармакогнозии (науки о лекарственном сырье растительного, животного и синтетического происхождения), фармакологии (науки, изучающей действие лекарственных веществ на организм), фармацевтической химии, ботаники, технологии производства лекарств, клинической терминологии и др. Центральное место в этом терминологическом комплексе занимает номенклатура лекарственных веществ и препаратов, официально разрешенных для применения. Одним из видов реализации фармацевтического дискурса являются тексты инструкций по применению лекарственных препаратов, иначе называемые аннотациями на лекарственные средства.

Под лекарственными средствами (далее – ЛС) принято понимать «вещество природного или синтетического происхождения или смесь веществ, используемые для лечения, профилактики и диагностики болезней; к ЛС относятся также препараты для предупреждения беременности; в СССР ЛС считаются средства, разрешенные Министерством здравоохранения СССР в установленном порядке для применения». [Большой медицинский словарь: электронный ресурс].

Материалом для анализа послужили аннотации на эстрагенные и антиклимактерические ЛС, представленные на электронных ресурсах «Видаль (VIDAL)» и «РЛС» и представленные в ассортименте аптечных сетей «Лекса» и «Планета здоровья» (всего 81 аннотация). Отме-

тим, что анализируемые нами ЛС относятся к фармакологической группе гормональные средства, и, согласно законодательству РФ, должны отпускаться из аптек по рецепту. Однако на практике как эстрогенные, так и антиклимактерические средства можно свободно приобрести практически в любой аптеке.

Справочники «Видаль (VIDAL)» и «РЛС» («Два кита фармацевтической информации» по определению журнала «Фармацевтическое обозрение») содержат информационные страницы фирм-производителей, описания препаратов и действующих веществ. Описания согласуются с производителем, составители пользуются официальной, зарегистрированной информацией, с привлечением авторитетных научных источников. Оба справочника курируются ведущими специалистами в области медицины и фармакологии, академиками РАМН, представителями Минздрава и его подразделений. «Видаль» издаётся с 1914 г (в России с 1995), «РЛС» – с 13.11 2002.

Аннотация имеет определенную структуру, которая содержит 24 пункта, при этом не каждая аннотация включает все пункты и порядок следования этих пунктов нестрогий. Структура аннотации зависит от самого лекарства, а так же от производителя.

В аннотациях на ЛС есть обязательные и необязательные пункты. К первым относят торговое название, состав, показания к применению, противопоказания, способ применения и дозы; побочные действия, условия хранения, срок годности, условия отпуска из аптек, производитель. Все анализируемые аннотации содержат соответствующие пункты, однако порядок этих пунктов варьируется.

Ко вторым относятся пункты, которые вносятся по усмотрению производителя в зависимости от препарата. К этим пунктам относятся: гриф утверждено и одобрено (представлен в 100 % аннотаций); регистрационный номер; МНН – международное непатентованное название (91 % анализируемых средств; у остальных этот пункт назван как «основное действующее вещество»); лекарственная форма (представлен в 100 % аннотаций, у 4,9 % представлены варианты в использовании лекарственных форм); описание (представлен в 100 % аннотаций); фармакотерапевтическая группа (представлена во всех аннотациях, но наблюдается варьирование в терминологии даже у препаратов-аналогов: однословные и многословные термины, грамматические инварианты и пр.); фармакологические действия; фармакодинамика; фармакокинетика (в 4,9 % аннотаций совмещены в одном пункте),

применение во время беременности и лактации (в 67 % информация по данному пункту входит в графу «противопоказания», что объясняется особенностью анализируемой группы ЛС); применять с осторожностью (70,3 %); взаимодействие с другими лекарственными препаратами (91 %); особые указания (9,9 %); передозировка (43 %), форма выпуска (у 43 % совмещен с пунктом «лекарственная форма»).

Электронный ресурс, в отличие от бумажной аннотации ЛС, прилагаемой к упаковке, позволяет сделать обзор ЛС по основному действующему веществу. Так, если в справочнике VIDAL ввести в строку поиска международное непатентованное название (МНН) действующего вещества (например, drospirenone), мы увидим следующую информацию: торговый знак («Анжелик», «Даилла», «Джес+», «Джес», «Димиа», «Мидиана», «Ярина+», «Ярина»), фирма-производитель и страна-производитель (BAYER SCHERING PHARMA, AG (Германия) произведено SCHERING, GmbH & Co. Produktions KG (Германия), GEDEON RICHTER, Ltd. (Венгрия) и т.д.) и форму выпуска (таблетки, покрытые плёночной оболочкой и т.д.).

Наиболее актуальной фармацевтической информацией в этом контексте выступает 1) соотношение МНН (основного действующего вещества) и торгового знака (названия ЛС), 2) производитель и 3) форма выпуска ЛС. Такая информация удобна только для специалиста (медика или фармацевта), поскольку для него название фирмы – показатель компетентности производителя ЛС; термины «блистер», «плёночная оболочка», «таблетки плацебо» разворачиваются из материального знака в интеллектуальный субстракт (имеющийся багаж знаний позволяет сделать по названию лекарственной формы вывод об удобстве использования ЛС и терапевтическом эффекте препарата); товарные знаки для специалиста – это варианты представления на фармацевтическом рынке определённого лекарственного вещества, обладающего конкретным терапевтическим действием (и обладающего МНН).

Для потребителя ЛС МНН неактуально, на первое место выходит информация о действии ЛС (показания к применению) и торговое название, под которым можно приобрести ЛС в аптеке. Следовательно, для разных участников фармацевтического дискурса одна и та же информация, содержащаяся в аннотации на ЛС, имеет разную когнитивную значимость.

Отметим, что употребление терминов характерно не для всех

пунктов аннотации. Если исключить номены (торговое название лекарственного средства и его МНН), термины представлены в следующих пунктах аннотации: показания к применению, противопоказания, способ применения и дозы; побочные действия, лекарственная форма, фармакотерапевтическая группа, фармакологические действия.

В текстах аннотаций наблюдается вариативность терминов.

Первоначально к терминам предъявлялись жёсткие требования, такие, как однозначность, краткость, точность, простота и др.; в связи с этим предпринимались попытки стандартизации и упорядочения терминологии, однако в реальности одному понятию может соответствовать несколько форм выражения. Термин «образуется на основе лексической единицы определённого естественного языка, то есть лексическая единица этого языка является субстратом термина» [Лейчик 1996: 92].

С когнитивных позиций «причины возникновения множества терминологических вариантов связаны с динамикой развития языковых единиц в дискурсе» [Мишланова, Гуреева 2011: 27].

Терминологические варианты – это репрезентация термина в конкретной коммуникативной ситуации. Наиболее частотный вариант называется терминоединицей. В исследуемых нами аннотациях для разных частей выделяются свои терминоединицы: для пунктов «показания к применению» такой единицей будет термин «контрацепция» для эстрагенных препаратов (57 %), «антиклиматерический синдром» для антиклиматерических препаратов (48%); для пункта «лекарственная форма» - это «таблетки» (40% для эстрагенных, 60% для антиклиматерических препаратов) и т.д.

По мнению многих учёных проблема вариативности в современной лингвистике находится в начальной стадии её изучения и требует дальнейшей теоретической и практической разработки.

Не смотря на некоторые различия в рассмотрении этого вопроса, традиционно выделяют синтаксический, морфолого-синтаксический и морфологический, а также семантический способы словообразования [Мишланова, Гуреева 2011: 27].

Синтаксический способ считается наиболее продуктивным, так как большинство терминов образуется путём создания словосочетаний. Так, инвариантами термина «контрацепция» представлены «пероральная контрацепция», «гормональная контрацепция»; термину «таблетки» - «таблетки, покрытые оболочкой», «таблетки, покрытые

плёночной оболочкой», «таблетки двух видов», «таблетки-плацебо».

Морфолого-синтаксический терминообразования предполагает образование термина путём морфологических или синтаксических преобразований, чаще всего в соотношении «полная – краткая» форма или аббревиатура. Так, термину «контрацептивное средство» представлены варианты «контрацептив», КОК (комбинированный ораль- ный контрацептив).

Семантический способ – «наличие или отсутствие в его значе- ниях некоторых семантических компонентов, ...разнообразный, не совпадающий в разных интерпретациях состав, текстовое или лексико- графическое отражение динамического аспекта семантики термина в пределах одного научного понятия» [там же:31]. Так, термину «кон- трацепция» будут представлены инварианты «предупреждение неже- лательной беременности», «подавление овуляции».

Выводы. Аннотация на ЛС имеет сложную структуру, которая строго не регламентирована. В тексте аннотации допускается варьиро- вание терминологии, нет строгого стандарта. При этом в аннотациях на ЛС с эстрогенным и антиквикматерическим действием соблюдают- ся требования, предъявляемые к рецептурным препаратам. Информа- ция, представленная в аннотации, по-разному воспринимается участ- ника фармдискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- VIDAL: справочник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vidal.ru>.
- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретиче- ские основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
- Большой медицинский словарь // Словари и энциклопедии на Акаде- мике. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/24415>
- Бурова Г.П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиоти- ческие, прагматические и концептуальные основания: автореф. дис. ... д-ра фармацевт. наук. – Ставрополь, 2008. – 44 с.
- Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
- Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирова- ние. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – 2-е изд., исправл. и доп. - М.: Элпис. – 2008. – 304 с.

- Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. – М.: ЛИБРОКОМ. – 2010. – 88 с.
- Лейчик В.М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 87-97.
- Мишланова С.Л. Когнитивный аспект медицинской коммуникации // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации / под общей ред. И.Н. Розиной. – Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2002. – Вып. 1. – С. 91-98.
- Мишланова С.Л., Гуреева А.М. Вариативность терминологии Международного Бакалавриата. – Пермь, 2011. – 158 с.
- Российские лекарственные средства: энциклопедия лекарств и товаров аптечного ассортимента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rlsnet.ru>.
- Сандалова Н.В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках (по терминографическим источникам): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 281 с.
- Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: ЛИБРОКОМ. – 2012. – 248 с.

Гаврилова Н.В.

Екатеринбург, Россия

**К ВОПРОСУ О
НЕОЛОГИЗАЦИИ: КОГДА
ТЕРМИН «MARKETING»
ЗАМЕНЯЕТСЯ ТЕРМИНОМ
«MERCATIQUE»**

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы процесса неологизации во французском языке. Проводится анализ словаря французских неологизмов в области экономики и финансов (Vocabulaire de l'économie et des finances 2006). Репрезентируются результаты собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: неологизация, неологизм, термин, терминология, словарь.

Сведения об авторе: Гаврилова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка.

Место работы: Уральский государственный экономический университет.

Контактная информация: 620, г. Екатеринбург, ул. 8-е Марта, 62, к. 454.
e-mail: natalvik_2000@mail.ru

Gavrilova N.V.

Ekaterinburg, Russia

**ABOUT NEOLOGISATION:
WHEN THE TERM
«MERCATIQUE» SUBSTITUTE
THE TERM «MARKETING»**

Abstract. The article describes some questions of neologisation in French. The author analyses the Economics and Finance Glossary (Vocabulaire de l'économie et des finances 2006) and offers some results of the own investigations.

Keywords: neologisation, neologism, term, terminology, vocabulary.

About the Author: Gavrilova Natalya Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Business Foreign Languages.

Place of employment: Ural State University of Economics.

Формирование экономической и финансовой терминологии во французском и английском языках происходит неравномерно. Исследователями наблюдаются периоды как постепенного, так и скачкообразного, стихийного развития. Данный факт связан с экономическим развитием стран на мировом рынке, так как «именно тип и характер социальной деятельности определяет семантическую систему терминов» [Головин, Кобрин 1987: 14].

В настоящее время английский язык пронизывает вокабуляр каждого другого языка из-за ритмичности формулировок, он воздействует на умы; из-за вездесущей слепо следующей моды, которая распространяет, обезличивает и унифицирует всю молодежь мира; из-за силы доллара она их ставит в условия единого рынка. Все страны мира

адаптируются к факту глобализации, управляемой американским вариантом английского языка, который рискует стать *lingua franca* (Schäffner 2000) или *global language* (Crystal 1997) в торговых связях мирового масштаба [Dancette 2007].

На сегодняшний день ни одно государство не может успешно развиваться без интеграции в мировую экономику. Причем прослеживается прямая пропорциональная зависимость между степенью интеграции в мировое хозяйство и уровнем развития внутренней экономики. Это не может не отразиться на словарном фонде французского и английского языков. Язык и словотворчество зависит от ситуативных потребностей. Наряду с появлением новых слов ранее существовавшие специальные единицы приобретают в сложившейся ситуации новые значения.

Массовое распространение языка международных организаций отражает заимствованные англицизмы, присутствие которых во французском языке не удивительно, поскольку господствующее положение в экономической науке занимают именно английские и американские школы. Развитие технологий и доминирование англо-американского языка в современной науке и технике позволяют констатировать значительное превосходство английского в планетарном масштабе. Он стал *lingua franca* современного мира, то есть языком-посредником в международной коммуникации, как в коммерческой, так научной, технической и дипломатической (политической) деятельности.

Однако во французском языке идет интенсивная работа по снижению англо-американского влияния. Организованная в 1996 году, Комиссия по вопросам терминологии и образования неологизмов в области экономики и финансов (*la Commission de terminologie et de néologie en matière économique et financière*) призвана обогащать и развивать вокабуляр французского языка, называя все современные реалии. Несмотря на то, что самой трудной задачей является найти французский эквивалент английскому термину или правильно передать семантическое значение терминов при переводе.

Ж. Сэн-Жур считает, что существует «*потребность бесконечного обновления терминологии и создания собственных французских терминов и их разъяснения*» [Saint-Geours 2008]. Как показывает опыт, внедрение терминологии может быть успешным, во-первых, при выборе терминов в зависимости от значимости свойственной им и от частоты их использования, во-вторых, при их обычном широком ис-

пользовании. Работа Комиссии считается эффективной в том случае, когда вновь созданные термины приживаются во французском языке [Saint-Geours 2008]. Например, допустимые французские термины и терминологические сочетания *gestion* и *gestionnaire* вместо *management* и *manager* (менеджмент и менеджер), *chef du crédit* вместо *credit manager* (менеджер по кредитам). Но, к сожалению, можно наблюдать и медленную ассимиляцию вновь образованного термина в языке. Одним из ярких примеров является французский неологизм *mercatique* (английский термин *marketing* (маркетинг)) был создан в 1973 году Франсуа Перру (François Perroux) и Жаном Фурастье (Jean Fourastié), членами первой Министерской комиссией по вопросам создания экономической и финансовой терминологии.

В течение нескольких лет Комиссия по вопросам терминологии и образования неологизмов в области экономики и финансов ежегодно публикует списки новых экономических и финансовых терминов в Официальной газете (*le Journal officiel*), на основе которых в 2006 году был составлен и издан словник неологизмов в области экономики и финансов (*Vocabulaire de l'économie et des finances* 2006). Данный словник включает в себя 617 терминов-неологизмов, датированных 1998, 1999, 2000, 2001, 2004, 2005 и 2006 годами, и предназначен для использования профессионалами, преподавателями и студентами, переводчиками и всеми, кто хотел бы публиковаться на французском языке. Речь идет об ограниченном количестве экономических и финансовых терминов и их дефиниций, которые отсутствуют в общих словарях. Однако данную терминологию можно встретить, но с отличным смыслом от того, который она уже имеет в той или иной области употребления. Публикация этих терминов и дефиниций – это способ обогатить французский язык для облегчения понимания понятий часто плохо известных для широкой публики и расширить ее использование, за пределами профессионального круга, любым говорящим стремящимся выразиться на французском языке.

Изучив термины-неологизмы настоящего словника, было установлено, что самым плодотворным годом появления новой терминологии был 2000 год (50% от общего числа терминов-неологизмов). Этот факт указывает на интенсивное развитие экономики Франции, ее экономические контакты с англоязычными странами, что повлекло проникновение терминов-англицизмов, которым, в свою очередь, была

предложена альтернатива, в качестве французских терминов-неологизмов.

Следует отметить, что новые терминологические единицы вошли в следующие области подъязыка экономики: *économie et gestion d'entreprise/ экономика и управление предприятиями* (329 терминов), *finances/ финансы* (191 термин), *assurance/ страхование* (10 терминов), *communication et publicité/ связь с общественностью и реклама* (13 терминов), *économie générale/ общая экономика* (26 терминов), *économie sociale/ социальная экономика* (пять терминов). 32 термина относятся ко всем вышеперечисленным областям, семь терминов – к областям «*économie et gestion d'entreprise/ экономика и управление предприятиями*» и «*communication et publicité/ связь с общественностью и реклама*» и четыре термина – к областям «*économie générale/ общая экономика*» и «*finances/ финансы*».

Поскольку неологизмы появляются и функционируют в языке по-разному, это позволяет выделить в их составе несколько групп. В основе классификации неологизмов лежат различные критерии их оценки. На примере французских терминов-неологизмов области «*économie générale/общая экономика*» (26 терминологических единиц) представляется возможным проследить, как образованы новые французские терминологические единицы, опираясь на классификацию неологизмов описанной в труде И.Б. Голуб, где выделяются неологизмы в зависимости от:

- способов образования: 1) лексические; 2) семантические;
- целей создания: 1) номинативные; 2) стилистические [Голуб

1997].

Например, английским терминологическим единицам *take-off* и *matching* были предложены в качестве альтернативы во французском языке уже известные лексические единицы *décollage* и *appariement*, которым были присвоены новые значения. Так, изначально термин *décollage* – это «*взлет, отрыв от земли*». Новое значение данного термина: «*фаза развития экономики, в ходе которой развитие интеллектков, политических событий, технического прогресса и квалификаций провоцирует появление самоподдерживающегося роста*» [Vocabulaire de l'économie et des finances 2006: 60]. Терминологическая единица *appariement* со значением «*группировка попарно*» приобрела новое значение: «*соответствие между спросом и предложением на рабочую силу в зависимости от профессионального сектора, места и*

квалификации» [Vocabulaire de l'économie et des finances 2006: 13]. Таким образом, данные неологизмы возникли в результате семантического способа образования.

С помощью лексического способа образования формируются, к примеру, такие неологизмы как *débauche-embauche*/ английский эквивалент (далее: англ. эквив.) *hiring and firing* (*практика предприятий, которая заключается в регулировании увольнения и найма штата служащих в зависимости от конъюнктуры рынка труда* [Vocabulaire de l'économie et des finances 2006: 59]) или *fixeur de prix*/ англ. эквив. *price taker* (*экономический агент (предприятие или группа предприятий), который занимает доминирующую позицию, которая позволяет устанавливать цены в своем секторе* [Vocabulaire de l'économie et des finances 2006: 88]). Первая часть *débauche-* неологизма *débauche-embauche* репрезентует деривацию от глагола *débaucher*. Следует отметить, что настоящий дериват не употребляется как самостоятельная лексическая единица, а только в составе сложной формы. Другое существительное-неологизм *fixeur* создано по модели: корень от глагола *fixer* + окончание *-eur*.

Исследовав неологизмы области «*économie générale*/ *общая экономика*», можно сделать вывод, что большинство лексических единиц (23 термина) возникло в результате присвоения новых значений уже известным лексическим единицам, т.е. путем семантического способа образования.

В зависимости от целей создания, рассматриваемые лексические единицы можно классифицировать как номинативные, так как они являются терминами, которые, как правило, стилистически нейтральны в эмоционально-экспрессивном отношении. Поскольку данные неологизмы выполняют в языке номинативную функцию, прямо называя понятия, а не дают образную характеристику предметам, которые уже имеют названия. Появление номинативных неологизмов диктуется, прежде всего, потребностями развития науки и техники.

В заключении хотелось бы отметить что, каждая эпоха обогащает язык новыми словами. В периоды наибольшей активности общественно-политической и культурной жизни нации приток новых слов особенно увеличивается. Данный факт указывает на влияние экстралингвистических факторов.

Судьба новых слов складывается в языке по-разному: одни очень быстро получают признание, другие проходят проверку време-

нем и закрепляются, но не сразу, а иногда и вовсе не признаются, забываются. Слова, получающие широкое распространение, вливаются в состав активной лексики [Голуб 1997].

Распространение нового экономического и финансового термина в языке связано с социолингвистическими явлениями и теми реалиями, которые послужили толчком к появлению и использованию слова в определенный момент развития рыночной экономики, ее истории, и с социальными условиями, благоприятными для ассимиляции данного термина. Процесс заимствования, являющийся яркой чертой современного общества, всегда имел место в формировании экономической и финансовой терминологии, в результате существования внешних торговых и производственных отношений с другими странами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка: учебное пособие. – М.: Рольф: Айрис-пресс, 1997. – 448 с.

Dancette J. Questions sociolinguistiques et terminologiques de la mondialisation du travail – un dictionnaire encyclopédique basé sur les relations sémantiques. [Электронный ресурс]. – 2007. – URL: www.uqtr.ca/revue_travail/Articles/2007Vol5Num2pp64-83Dancette.pdf

Le grand dictionnaire terminologique [Электронный ресурс] / sous la direction du Gouvernement du Québec. - 2002. – URL: <http://www.granddictionnaire.com>

Saint-Geours, J. Terminologie économique et financière [Электронный ресурс]. - 2008. – URL: http://www.finances.gouv.fr/notes_bleues/nbb/nbb215/termi.htm

Vocabulaire de l'économie et des finances: Enrichissement de la langue française. Termes, expressions et définitions publiés au Journal Officiel. – Paris: Ministère de la Culture et de la Communication, 2006. – 272 p.

Иванова С.А.

Екатеринбург, Россия

**СПЕЦИФИКА
 КОНТЕКСТУАЛЬНОГО
 ОПРЕДЕЛЕНИЯ В НАУЧНО-
 УЧЕБНОМ ПОДСТИЛЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности терминографической семантизации через контекстуальные определения в научно-учебных текстах по радиотехнике на примере русского и французского языков.

Ключевые слова: терминографическая семантизация, контекстуальное определение, научно-учебный текст, описание, классификация.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Контактная информация: 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19
 e-mail: svetlana_ivanova@el.ru.

Ivanova S.A.

Ekaterinburg, Russia

**SPECIFICITY OF CONTEXTUAL
 DEFINITION IN THE SCIENTIFIC
 AND ACADEMIC SUBSTYLE**

Abstract. The article presents the particularities of terminographical semantization via contextual definition in the scientific and academic texts on radio engineering in Russian and French.

Keywords: terminographical semantization, contextual definition, scientific and academic text, description, classification.

About the Author: Ivanova Svetlana Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Контекстуальные определения представляют собой фрагмент текста (сверхфразовое единство), включающий избранную для анализа единицу (термин), необходимый и достаточный для определения значения этой единицы. Важное условие реализации подобного рода определения – «полная ясность состава единиц, с помощью которых она задается, то есть другие термины, которые выступают в роли определяющих, должны быть точно определены в предыдущих контекстах» [Зарва 2003: 12].

Говоря о контекстуальных определениях, С.Е. Никитина отмечает, что «термину нигде не дается строгого определения. Смысл его наращивается постепенно с изложением какой-либо научной концепции <...>, вводимое понятие все время получает дополнительное

обоснование для того, чтобы стать в результате одним из краеугольных камней теории» [Никитина 1987: 33].

З.И. Комарова при рассмотрении контекстуального определения также наблюдает «прием постепенного нарастания объема информации», где «термин становится логическим центром всей главы» [Комарова 1991: 120].

С.Д. Шелов выводит правило контекстуального роста терминологичности, согласно которому «чем длиннее контекст, необходимый для идентификации соответствующего понятийного содержания определяемой единицы, тем большую терминологичность этой единицы следует предполагать» [Шелов 2003: 57].

Учитывая вышеизложенное, на наш взгляд, с точки зрения внутренней структурной организации в научно-учебных текстах по радиотехнике в сопоставляемых русском и французском языках можно выделить два вида контекстов: описания и классификации.

Одной из реализаций развернутого описания можно считать текст, образующий описание, который предваряется или заключается фразой, содержащей термин и не представляющей собой типизированной формулировки, но выступающей в качестве его объединяющего компонента. В таких развернутых до уровня абзаца описаниях существенная характеристика терминируемого понятия рассредоточена в описательном контексте. *«Часто физический процесс, порождающий сигнал, развивается во времени таким образом, что значения сигнала можно измерять в любые моменты времени. Сигналы этого класса принято называть **аналоговыми**»* [Баскаков 2003:14]. *«Par le choix convenable des mots code, on peut faire en sorte qu'à chaque succession de mots code corresponde une seule succession de lettres de la source. Dans ce cas, le code s'appelle à **décodage unique**»* [Spataru 1973: 19]. *«На смену аналоговым в ряде случаев пришли импульсные системы, работа которых основана на использовании **дискретных сигналов**. Простейшая математическая модель дискретного сигнала $s_d(t)$ - это счетное множество точек $\{t_i\}$ (i - целое число) на оси времени, в каждой из которых определено отсчетное значение сигнала s_i . Как правило, шаг дискретизации $\Delta=t_{i+1}-t_i$ для каждого сигнала постоянен. Одно из преимуществ дискретного сигнала по сравнению с аналоговыми - отсутствие необходимости воспроизводить сигнал непрерывно во все моменты времени. За счет этого проявляется возможность по одной и той же радиолинии передавать сообщения от разных источников,*

организуя многоканальную связь с разделением каналов по времени» [Баскаков 2003:15].

Т.Б. Трошева подчеркивает особую роль рассуждения в коммуникативно-познавательном процессе, поскольку «именно данный подтип функционально-смыслового типа речи оформляет выведение нового научного знания, демонстрирует ход авторской мысли, путь решения проблемы». Рассуждение соответствует умозаключению как форме мышления, посредством которой из суждений-посылок по определенным правилам вывода получают заключение. В таком случае рассуждение «выполняет особое коммуникативное задание – придать речи аргументированный характер (прийти логическим путем к новому суждению или аргументировать высказанное ранее)». Собственно рассуждение может включать элементы описания в качестве посылок или аргументов. Еще теснее связано с описанием объяснение, которое служит «раскрытию причин реальных явлений», «основано на описании явления и лежит поэтому на периферии поля рассуждения» [Трошева 2000: 13-14]. «Сигнал, поступающий от первичного источника сообщений, на передающей стороне радиоканала с помощью микрофона, передающей телевизионной камеры или других подобных устройств преобразуется в электрические колебания. Эти колебания не могут быть непосредственно использованы для возбуждения электромагнитных волн ввиду их относительной низкочастотности. Поэтому в радиотехнике применяют способы передачи сигналов, основанные на том, что низкочастотные колебания, содержащие исходное сообщение, с помощью специальных устройств управляют параметрами достаточно мощного несущего колебания, частота которого лежит в радиодиапазоне. Процесс подобного преобразования сигналов называют **модуляцией несущего колебания**» [Баскаков 2003: 9]. «**Le TDMA ou AMRT (Accès Multiple à Répartition dans le Temps) en français est une technique de multiplexage temporel. Le multiplexage temporel consiste à structurer le temps en intervalles égaux appelés trames. Une trame se compose d'intervalles de temps élémentaires IT et chaque intervalle élémentaire constitue un canal de transmission de données dans lequel un bloc de codes est transmis**» [Tisal 1995: 13].

Вторым видом контекстов, в которых происходит предьявление терминов с целью раскрытия их семантики, выступают классификации. Этот тип контекстов является доминирующим в научно-учебной литературе с ее особенно строгой общей регламентацией и дидактиче-

ским характером изложения материала.

Классификация – многокомпонентное сверхфразовое единство. Первым, и обязательным, его элементом является компонент (как правило – одно или несколько предложений) с лексико-грамматической конструкцией, классифицирующей описываемые объекты (с указанием или без указания классификационных признаков). *«По функциональному назначению приемники делят на...»* [Буга 1986: 6]. *«Типичные иерархические уровни функционального проектирования БИС и СБИС:...»* [Норенков 1990: 9]. *«По условиям работы все системы связи со свободным распространением сигналов можно разбить на две группы:...»* [Пенин 1984: 16]. *«Приступая к изучению каких-либо новых объектов или явлений, в науке всегда стремятся провести их предварительную классификацию. Ниже такая попытка предпринята применительно к сигналам»* [Баскаков 2003: 11]. *«Les différents types de décisions statistiques peuvent être groupés en trois catégories, suivant le caractère de la source génératrice d'information»* [Spataru 1973: 15]. *«La classification des différents types de décisions est donnée»* [Lecoy 1995: 15].

В научно-учебных текстах в качестве классифицирующих могут быть использованы следующие лексико-грамматические структуры, характерные для научного стиля речи: квалификации (*что представляет собой что; что является чем*); характеристики состава (*что состоит из чего; что включает что; что является составной частью чего*); качественной характеристики (*что характеризуется чем; что отличается чем; что обладает чем*); сравнения (*что различают почему; что отличается от чего чем*); назначения, применения, использования (*что служит для чего; что применяют где; что используют как*) [Вишнякова 1982: 265-274].

Дальнейший текст (определяющие предложения) раскрывает семантику предъявляемых терминов с различной мерой полноты. От количества вводимых терминов зависит и количество смысловых элементов контекста-классификации. Рассматриваемая часть контекста отличается от первой большим разнообразием. Это может быть как одно, так и несколько предложений, в которых раскрывается семантика первично предъявленных терминов. Синтагматическое описание структуры сверхфразового единства свидетельствует, что после классифицирующего предложения следуют несколько (два или более) определяющих. С точки зрения семантико-синтаксических отношений

между предложениями (с одной стороны – классифицирующее предложение, с другой – несколько определяющих) в структуре сверхфразового единства наблюдаются два вида связей:

1) когда определяющие предложения выступают как однотипные с параллельным подчинением по отношению к классифицирующему предложению.

*«Различают следующие **виды селективности**:*

- частотная. Реализуется с помощью частотно-селективных цепей;
- пространственная. Реализуется с помощью направленных антенн;
- поляризованная. Реализуется с помощью антенн, принимающих волны с определенной поляризацией;
- временная. Реализуется отпиранием приемника на время, соответствующее ожидаемому поступлению полезного сигнала...» [Буга 1986: 5].

*«Longtemps après la commercialisation du premier PAL à fusibles sont donc arrivés sur le marché **des PAL effaçables utilisant deux technologies différentes**:*

- les EPLD ce qui signifie Erasable Programmable Logic Device, c'est-à-dire circuits logiques programmables et effaçables et qui sont en fait aux PAL ce que sont les UV PROM aux PROM <...>;
- les GAL ce qui signifie Generic Array Logic ou encore réseau logique générique ce qui ne veut pas dire grand chose mais qui sont aux PAL ce que sont les EEPROM aux PROM» [Tavernier 1992: 15];

2) когда определяющие предложения выступают как неоднотипные с последовательным подчинением.

*«**В состав радиоприемного устройства входят собственно радиоприемник (в дальнейшем просто приемник), антенна и оконечное устройство. Антенна воспринимает энергию электромагнитного поля и преобразует ее в радиочастотное напряжение. Приемник выделяет из спектра выходных колебаний полезные сигналы; усиливает их за счет энергии местного источника питания; осуществляет обработку, ослабляя действие помех, присутствующих во входном колебании; детектирует радиочастотные сигналы, формируя колебания, соответствующие передаваемому сообщению... Оконечное устройство может быть совмещено с приемником или представлять собой отдельное устройство**» [Буга 1986: 4].*

*«**La classification en fréquence des amplificateurs est:***

- *amplificateurs continus. Ce sont des amplificateurs très basses fréquences*

travaillant du continu à quelques dizaines ou centaines de kilohertz...

- *amplificateurs audiofréquences (AF). Le domaine de fréquences va de quelques dizaines de hertz à quelques dizaines de kilohertz...*

- *amplificateurs vidéoфреquences (VF). Ce sont les amplificateurs large bande permettant de commander les tubes cathodiques et bobines de déviation dans les domaines de la télévision et des radars...*

- *amplificateurs radioфреquences (RF). Ils travaillent à des fréquences supérieures aux fréquences audibles donc supérieures à 20 kHz» [Girard 1988: 8-9].*

Наиболее часто встречаются комбинированные контекстуальные определения. Это может быть описание, переходящее в классификацию (детализацию терминируемого понятия, то есть его дальнейшую семантизацию), или рассуждение с элементами описания и объяснения + дефиниция, которая в текстах-рассуждениях «может выступать как в роли тезиса, так и в роли аргумента, а может представлять собой выводное суждение» [Зарва 2003: 14], и др.

При этом следует отметить выделенную С.Д. Шеловым важную особенность контекстуальных определений в целом, работающую, безусловно, и в научно-учебном подстиле – «вводить несколько терминов «сразу», в одном «логическом месте», где «они все как бы определяются через истинность предикативного содержания соответствующих контекстов и находятся на одном понятийном уровне». Именно поэтому, по мнению автора, для контекстуальных определений не действует правило недопустимости «порочного круга» [Шелов: 2003: 53].

Как показало исследование, функция семантизации терминов в научно-учебном подстиле может успешно осуществляться на уровне контекста. В вузовских учебниках закономерно преобладание классифицирующих и описательных контекстов, которые делают изложение более доступным и понятным, предоставляя обучающимся возможность системного осмысления предлагаемого для усвоения материала и отражая многообразие логических отношений в системе научных понятий, обслуживающих отрасль радиотехники. По мере углубления научно-учебного материала описательные контексты осложняются аргументативными построениями в виде текстов-рассуждений. Мета-язык описания радиотехнических терминов в данных контекстах является «одним из способов развертывания аргументации» [Комарова 1991: 107].

При этом наблюдается предпочтительное использование авторами комбинированных определений на уровне сверхфразовых единств, поскольку такая подача материала имеет четко выверенный коммуникативно-прагматический характер, с одной стороны, снимая трудности восприятия материала адресатом научно-учебного текста, с другой стороны, позволяя адресанту сохранить максимально адекватную информативность и логико-смысловую целостность объективированного в произведении знания о конкретном фрагменте действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Басакаев С.И. Радиотехнические цепи и сигналы: учебник. – М.: Высшая школа, 2003. – 464 с.
- Буга Н.Н., Фалько А.И., Чистяков Н.И. Радиоприемные устройства: учебник. – М.: Радио и связь, 1986. – 320 с.
- Вишнякова Т.А., Бадриева С.П., Сдобнова Ю.А. Практическая грамматика русского языка: учебник. - М.: Русский язык, 1982. – 274 с.
- Зарва А.М. Дефиниция как типологическая разновидность научного текста : автореф. дис. ... филол. наук. - Нальчик, 2003. – 18 с.
- Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание : монография. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 156 с.
- Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. - М.: Наука, 1987. - 146 с.
- Норенков И.П., Маничев В.Б. Основы теории и проектирования САПР: учебник. – М.: Высш. шк., 1990 – 335 с.
- Пенин П.И., Филиппов Л.И. Радиотехнические системы передачи информации: учеб. пособие. – М.: Радио и связь, 1984. - 256 с.
- Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 38 с.
- Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологическое определение. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003. – 280 с.
- Girard M. Amplificateurs de puissance. – Paris: Ediscience, 1988. – 434 p.
- Lecoq P. Technologie des télécoms. – Paris: Hermès, 1995. – 373 p.
- Spataru A. Théorie de la transmission de l'information. T. 2.: Codes et décisions.– Paris: Masson, 1973. – 564 p.

Tavernier C. Circuits logiques programmables par l'utilisateur. – Paris: DUNOD Radio, 1992. – 208 p.

Tisal J. Le radiotéléphone cellulaire GSM. – Paris: Masson, 1995. – 154 p.

Кантышева Н.Г.

Тюмень, Россия

**ОТРАЖЕНИЕ НАУЧНОГО
ЗНАНИЯ В НОРМАТИВНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ⁶**

Аннотация. Статья посвящена проблеме определений терминов в нормативных документах. Терминология в ГОСТах представляет и структурирует научное знание, выступая в качестве модели понятийной структуры определенной области знания.

Ключевые слова: терминология, дефиниция, моделирование.

Сведения об авторе: Кантышева Надежда Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкой филологии.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625031, г.Тюмень, ул. Ватутина, 79/1, кв. 145.
e-mail: nkantysheva_@mail.ru.

Kantysheva N.G.

Tyumen, Russia

REPRESENTATION**OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE
IN STANDARD'S TERMINOLOGY**

Abstract. The article is devoted to the problem of term definitions in normative documents. We can state, that standard's terminology systematizes and structures the scientific knowledge presenting the conceptual model of science domains.

Keywords: terminology, definition, modeling.

About the Author: Kantysheva Nadezda Gennadjevna, Candidate of Philology, Chair of German Philology.

Place of employment: Tyumen State University.

Термины выполняют важнейшую коммуникативную функцию - обеспечивать взаимопонимание между представителями различных областей знаний и научных дисциплин, либо между представителями одной профессии или научной дисциплины, говорящими на разных языках. Наряду с практическими задачами общения, актуальными остаются и задачи прикладного характера – структурирования и представления научного знания, формализации смысловой обработки текста, создании информационно-поисковых языков, создании компьютерных версий словарей.

Термин рассматривается многими терминоведами как знак специального понятия, следовательно, за систематизацией терминологических единиц стоит систематизация понятий. Именно

⁶ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0717 Моделирование терминосистемы "Экологический аудит" и её лексикографическое описание в систематизирующем комплексном словаре

систематизация понятий, отмечает С.В. Гринев, позволяет вскрыть существенные связи и отношения между понятиями, уточнить место каждого понятия в понятийной системе. Такая систематизация проводится путем классификации понятий, т. е. представления их в виде упорядоченной системы, в которой зафиксированы иерархические отношения между ними [Гринев, 1995: 91].

Одной из важнейших межотраслевых фундаментальных проблем прикладной направленности является проблема моделирования знаний. Сложившаяся в последнее время практика моделирования систем речевого поведения, ориентированных на узкую предметную область, получает теоретическое обоснование в идеях моделировании мира при помощи речевых произведений. Важной задачей моделирования в лингвистике является любое упорядочение терминологии, понятийная систематизация в целях осмысления связи лингвистической теории с ее терминологией.

В настоящее время лексикографы стремятся разрабатывать современные словари с учетом как можно большего числа практических потребностей пользователей. В этих условиях актуальным становится анализ нормативных документов исследуемой предметной области. В ряду нормативных документов стандарты занимают особую нишу. Лексикографы, систематизируя термины гетерогенных и междисциплинарных областей, обращаются в первую очередь именно к стандартам, поскольку принцип подачи в них материала отличается высокой степенью структурированности и подробности. Указанные позиции облегчают общее восприятие и делают использование стандарта удобным для конкретного пользователя. Особенно актуально такая структуризация для лексикографа-неспециалиста в данной области.

В статье, посвященной сущности и природе термина, П.А.Флоренский пишет о том, что «всякое техническое наименование, в какой угодно области знания, вводится определением, а это последнее предполагает за собою... суждение о существовании того комплекса признаков, который связывается воедино выставляемым определением; это экзистенциальное суждение.... Свидетельствует о возможности этого комплекса, - возможности внутренней, отнюдь не формально-логической, но связанной со всем строением данной области познаваемого, возможности приемлемой всеми закономерностями этой области, а кроме того утверждает устойчивость, т. е. пребы-

ваемость обсуждаемого комплекса, его внутреннюю связанность и единство» [Флоренский 1994: 376].

Упорядочение является центральной, наиболее важной терминологической работой. Эта работа складывается из ряда этапов, к которым относится систематизация понятий исследуемой области знания, включающая построение классификационных схем понятий, уточнение существующих дефиниций понятий, создание новых дефиниций. Такая систематизация возможна лишь после предварительного анализа зафиксированных дефиниций данной предметной области.

Метод структурирования и формализованного представления научного знания, основанный на анализе нормативной терминологии, а точнее – на анализе терминологических дефиниций нормативных терминологических словарей описан в работах С.Д.Шелова. Данный метод основывается на следующих положениях [Шелов 2002: 199]:

1. Для многих практических целей следует придерживаться максимально ясных, простых, однозначных и лишенных синонимии формулировок, объясняющих значение терминов;

2. В качестве таковых можно использовать готовые формулировки нормативных терминологических определений, поскольку они предположительно удовлетворяют многим логико-лингвистическим требованиям, предъявляемым к системе определений;

3. Содержание этих формулировок может быть явно и однозначно представлено в виде структур типа «ОБЪЕКТ-ОТНОШЕНИЕ-ОБЪЕКТ».

Систему терминологических понятий, представленную такими нормативными документами, как ГОСТы, можно рассматривать как особое поле понятий, специфичных лишь для определенной области. Описанный выше метод можно назвать универсальным в том смысле, что он позволяет однотипным образом (накладывая на любую специальность) решать многочисленные задачи, а именно:

- схематично/ в виде модели представить понятийную структуру терминологии соответствующей области;
- схематично представить уровневую структуру специальных понятий в этой области, поскольку отраслевая терминосистема строится на базе классификации понятий, следовательно, для построения терминосистемы достаточно установления

иерархических связей между терминами;

- выявить понятийные отношения между специальными понятиями;
- выявить соотношения содержания и объемов понятий, уточнить взаимосвязи и взаимоотношения между ними (актуально при осуществлении перевода терминов);
- выявить и представить все видовые признаки специальных понятий (возможно, не прибегая к словарям и другим источникам, строить необходимые дефиниции);
- установить правильное распределение терминов по понятийным группам;
- получить максимально полный список терминов, называющих все специальные понятия области знания;
- создать базовый список терминов области знания /специальности (сформировать лексический минимум);
- выбрать оптимальные средства семантизации термина в разрабатываемом лексикографическом продукте.

Стоит отметить ярко выраженную тенденцию, присущую нормативным терминологическим словарям. О.М.Карпова отмечает некоторую разницу между двуязычными и многоязычными словарями: «Если двуязычные словари различных LSP нередко описывают *узкие отрасли знаний*, большинство многоязычных терминологических словарей посвящено лексикографической разработке *крупных предметных областей*. При этом многоязычные терминологические словари востребованы не столько студентами и переводчиками, сколько профессионалами, работающими со специальными текстами» [Карпова 2010:98].

Таким образом, нормативная терминология может выступать в качестве базы для дальнейшего структурирования научных знаний в целях решения разнообразных теоретических и практических задач – упорядочения терминологических единиц, построения информационного обеспечения, преподавания необходимых научных дисциплин. Стоит отметить, что на практике не всегда возможно отразить научное знание в конкретном контексте. Тем не менее использование нормативной терминологии является продуктивным, так как решает важную задачу моделирования - упорядочить термины и провести понятийную систематизацию в целях осмысления связи теории научного знания с ее терминологией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гринев С. В. Введение в терминологию. – М.: МПУ, 1995. – 158 с.
- Карпова О.М. Английская лексикография. – М.: Академия, 2010. – 176 с.
- Флоренский П.А. Термин // История отечественного терминоведения / В.А. Татарinov. – Т.1. – М., 1994. – С. 376.
- Шелов С.Д. Нормативная терминология как способ представления и структуризации научного знания // Терминология и перевод в XXI веке. – Омск: ОмГТУ, 2002. – С. 199-202.

Лукин О. В.

Ярославль, Россия

**ФИЛОСОФСКИЕ
ОБОСНОВАНИЯ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ
ОППОЗИЦИИ «ИМЯ/ ГЛАГОЛ»**

Аннотация. Автор статьи анализирует парадигму появления терминов ὄνομα и ῥῆμα в античной философии и причины их преобразования в «имя» и «глагол».

В статье ставится вопрос о статусе этой оппозиции с философской и типологической точек зрения.

Ключевые слова: теория частей речи, имя, глагол, категории, Платон, Аристотель, философия, типология.

Сведения об авторе: Лукин Олег Владимирович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка.

Место работы: Ярославский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 150003, г. Ярославль, пр. Ленина, д. 13/67, кв. 25.
e-mail: oloukine@mail.ru

Возникшее еще со времен Платона противопоставление имени и глагола имеет свое обоснование, с одной стороны, в философской парадигме античности и, с другой, в типологических характеристиках древнегреческого языка. Однако, в действительности, оно все-таки не является тем универсальным свойством человеческого языка, о котором писали на протяжении двух с половиной тысячелетий.

Платон первым ввел в научный обиход термины ὄνομα и ῥῆμα. Распространенный перевод этих древнегреческих слов как «имя» и «глагол» является, к сожалению, совершенно некорректным: ὄνομα обозначает реальный субстрат, вещь, деятеля, предмет речи, нечто сущее, ῥῆμα, напротив, абстрактное понятие, практику или действие, подчиненную деятельность и участие в некоей идее. Платон различал

Lukin O. V.

Yaroslavl, Russia

**PHILOSOPHICAL FOUNDATION
AND LINGUISTIC SEMANTICS
OF THE "NOUN/VERB"
OPPOSITION**

Abstract. The author of the article lays out his vision for the origin of the terms ὄνομα and ῥῆμα in antique philosophy and gives an account of conditions for their conversion into a "noun" and a "verb".

The article highlights the issue of the status of the opposition from philosophical and typological viewpoints.

Keywords: parts of speech theory, noun, verb, categories, Plato, Aristoteles, philosophy, typology.

About the Author: Lukin Oleg Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,

Head of the Chair of Language Theory.

Place of employment: Yaroslavl State Pedagogical University.

в речи две основные части – то, что впоследствии получило название имени и глагола, а предложение является ни чем иным как соединением того и другого (ср. [Paul 1978, 193]). При этом нельзя и не утверждать также, что Платон отождествлял эти части речи не только и не столько с логическими категориями человеческого сознания как субъект и предикат, но и с явлениями внеязыковой действительности – с носителями действия и самими действиями.

Ученик Платона Аристотель определял ὄνομα как «...такое звукосочетание с установленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает» [Аристотель 1978, 2: 93 (16a, 19-21)], ῥῆμα – как «...[звукосочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знак для сказанного об ином» [Аристотель 1978, 2: 94 (16b, 6-12)].

Слияние и взаимное определение логических, онтологических и языковых категорий было в творчестве Аристотеля научным фактом, последствия которого до сих пор значимы и в философии, и в филологии. Три «части речи» – λόγος, ὄνομα, ῥῆμα – он описывает, исходя из структуры логического суждения, высказывания на его родном древнегреческом языке (ср. [Paul 1978, 198]).

Как известно, ни у Платона, ни у Аристотеля еще не было специальных терминов для разграничения понятий "язык", "предложение", "слово", и, тем более, "части речи". Греческое λόγος обозначало "речь" и иногда "предложение", ὄνομα – "наименование", и "имя собственное", и "слово", и "имя" (существительное и/ или прилагательное) [Arens 1969, 15]. Определение того, что впоследствии будет названо именем и глаголом как частями речи осуществлялось на логической основе: ὄνομα обозначало реальный субстрат, предмет, действующее лицо, предмет разговора, ῥῆμα – абстрактное понятие, практику или действие (ср. [Paul 1978, 193; Steinthal 1890 II, 233-234]), исходя из компонентов логического суждения. Поэтому и десять категорий Аристотеля трактуются как, в первую очередь, десять семантических предикатов, из которых категория субстанции указывает сферу субстанционально сущего, все остальные – сферу акционально сущего. Так, согласно Дж. Лайонзу, Аристотель предполагал, что структура языка отражает структуру мира, «... что слова обозначают вещи в соответствии со способом их «бытия»: в качестве субстанции или в качестве «акциденции»» [Лайонз 1978,

Важно подчеркнуть, что взгляды Аристотеля и Платона на понятия λόγος и его отношения с ὄνομα и ῥῆμα не совпадали, о чем писали многочисленные исследователи. Так, для Платона λόγος состоит из мельчайших частиц – ονόματα ([Rijjaarsdam 1978, 66]); по Аристотелю λόγος состоит обязательно из двух частей – ὄνομα и ῥῆμα (ср. [Paul 1978, 198; Steinthal 1890 I, 239]).

Вопрос о взаимоотношениях между категориями Аристотеля и номенклатурой частей речи в европейской лингвистической традиции ставился многими исследователями. То, что категории Аристотеля сопоставимы с созданными стойками частями речи, одним из первых написал немецкий философ А. Тренделенбург: первой категории соответствует существительное, четвертым последним – глагол [Trendelenburg 1846, 22]. На основании анализа различных произведений Аристотеля он сделал вывод о том, что логические категории имеют, прежде всего, грамматическое происхождение и что через их использование проходит грамматическая путеводная нить [Trendelenburg 1846, 33].

Вслед за А. Тренделенбургом, и часто не будучи знакомыми с произведениями последнего, аристотелевские категории и традиционную систему частей речи сравнивали философы и лингвисты последующих поколений. Так, Э. Бенвенист подтвердил мысль, что «... категориями Аристотеля оказывается то, и только то, что уже категоризовано самим греческим языком» [Степанов 1974, 13]. Ю. С. Степанов утверждал, что вплоть до последнего времени категории Аристотеля рассматривались как философские категории, а в лингвистике они также вплоть до последнего времени оценивались как некоторые эквиваленты «частей речи» [Степанов 1981, 120].

Э. Бенвенист полагал, что среди категорий «... Аристотель выделяет совокупность предикатов, которые можно высказать о бытии, и стремится определить логический статус каждого из них. Однако ... такие типы являются прежде всего языковыми категориями и Аристотель, выделяя их как универсальные, на самом деле получает в результате основные и исходные категории языка, на котором он мыслит» [Бенвенист 1974, 107]. О том, что основания для объединения десяти категорий Аристотеля лежат в особенностях греческой морфологии, он пишет ниже, относя первые шесть (1. Сущность (Субстанция); 2. Количество; 3. Качество; 4. Отношение

(Соотнесенное); 5. Где? (Место); 6. Когда? (Время)) к именным, следующие четыре (7. Положение; 8. Обладание (Состояние); 9. Действие; 10. Претерпевание (Страдание)) – к глагольным [Бенвенист 1974, 108].

По мнению Ю. С. Степанова, сама система категорий Аристотеля даже в порядке своего следования «... разворачивается в полном соответствии с системой греческого языка – от именных форм к глагольным и одновременно от более независимых к более зависимым: 1 – имя существительное; 2, 3, 4 – имена прилагательные; 5, 6 – наречия и существительные в значении наречий; 7, 8, 9, 10 – глаголы, из них 7 и 8 – весьма специфические глагольные категории греческого языка » [Степанов 1981, 125-126].

Небезынтересна трактовка аристотелевских категорий представителями неиндоевропейской культурной среды. Так, исследователь из Тайваня Вен-лин Пенг в своей философской диссертации, защищенной в Тюбингене, интерпретирует аристотелевское членение на *ὄνομα* и *ῥῆμα* как членение на "неподвижное" и "подвижное", являющееся, по его мнению, интересной характеристикой индоевропейских языков и формой познания европейской философии, но невозможное в китайском языке. Взаимосвязь философии и логики с определенным языком, на основе которого они формируются и развиваются, В. Пенг видит, в частности, в наличии соответствия означаемого и означающего: в греческом языке оно есть; в китайском же означающее – это лишь средство, заставляющее слушателя думать об означаемом ([Peng 1993]).

Складывавшиеся в течение длительного времени понятия *субстанции* и *действия* как содержания имени и глагола имеют к ним, как нам представляется, довольно опосредованное отношение, так А. Ф. Лосев писал: «На самом же деле существительное вовсе не есть обозначение субстанциальности, но оно есть понимание (и, следовательно, выражение) *чего бы то ни было как субстанции*; и глагол не есть обозначение действия как такового, но он есть *понимание* (и, следовательно, выражение) *чего бы то ни было как действия*» [Лосев 1982, 357].

Реальные подходы к изучению частей речи в языках с различными типологическими свойствами имеют сравнительно недолгую историю. Но если мы обратимся лишь к некоторым примерам из таких публикаций, можно увидеть противоречия, которые – в числе прочего

– обусловлены индоевропейскими стереотипами, ведущими свое начало от античных грамматик. Если мы, к примеру, сравним парадигмы глаголов объективного спряжения и существительные посессивного склонения в гренландском языке, то увидим, что формальная идентичность морфем *-ra*, *-rput*, *-t*, *-rse*, *-a*, *-at*, *-ka*, *-vut*, *-tit*, *-se*, *-i*, *-it* относится ни к существительному, ни к глаголу, а обозначает принадлежность предмета или действия определенному лицу. Поэтому глагольное рассмотрение существительного и номинальное глагола едва ли возможно.

Например:

<i>aki-va-ra</i>	,я отвечаю ему ^с	<i>qaqa-ra</i>	,моя гора ^с
<i>aki-va-rput</i>	,мы отвечаем ему ^с	<i>qaqa-rput</i>	,наша гора ^с
<i>aki-va-t</i>	,ты отвечаешь ему ^с	<i>qaqa-t</i>	,твоя гора ^с
<i>aki-va-rse</i>	,вы отвечаете ему ^с	<i>qaqa-rse</i>	,ваша гора ^с
<i>aki-va-a</i>	,он отвечает ему ^с	<i>qaqa-a</i>	,его гора ^с
<i>aki-va-at</i>	,они отвечают ему ^с	<i>qaqa-at</i>	,их гора ^с

(примеры по: [Walter 1981, 10-11]).

Примеры из венгерского языка, которые демонстрируют меньше формальных совпадений глаголов и существительных, свидетельствуют о меньших агглютинативных признаках этого языка:

<i>test-e-m</i>	,мое тело ^с	<i>kér-t-e-m</i>	,я его просил ^с
<i>test-e-d</i>	,твое тело ^с	<i>kér-t-e-d</i>	,ты его просил ^с
<i>test-e</i>	,его тело ^с	<i>kér-t-e</i>	,он его просил ^с
<i>test-ü-nk</i>	,наше тело ^с	<i>kér-t-ü-k</i>	,мы его просили ^с
<i>test-e-tek</i>	,ваше тело ^с	<i>kér-t-e-tek</i>	,вы его просили ^с
<i>test-ü-k</i>	,их тело ^с	<i>kér-t-e-k</i>	,они его просили ^с

(примеры по: [Walter 1981, 58]).

Однако самый факт того, что противопоставление имен и глаголов носит системообразующий характер, так что одно немыслимо без другого, должен быть исследован особенно основательно, хотя их наличие в языках мира кажется чем-то само собой разумеющимся: если в языке нет такой части речи как имя (существительное), бессмысленно говорить о глаголе, и наоборот (ср. [Dressler 1968, 51]).

П. М. Фогель предлагает говорить не о существительном и глаголе, а о номинальности и вербальности как элементах внутриязыкового континуума (ср. [Vogel 1996, 107]). Однако нам представляется едва ли возможным говорить об отдельных языках как о «номинально мыслящих» или «вербально (глагольно) мыслящих», как предлагают

некоторые авторы (например, Г. И. Кисслинг считает турецкий язык преимущественно номинально мыслящим языком, так как глагольная флексия в нем есть ничто иное как присоединение суффиксов лица к именам (причастиям) или присоединение притяжательных суффиксов к абстрактным именам (ср. [Kissling 1960, 3]).

То, что противопоставление имени (существительного) и глагола лежало в основе всех частеречных систем индоевропейских языков на протяжении последних двадцати пяти веков, нет нужды доказывать. На мысль об их очевидном параллелизме неизбежно наводит даже анализ особенностей усвоения детьми слов их родного языка в сопоставлении с самой историей становления частеречной проблематики: имя и глагол были первыми двумя частями речи у Аристотеля; имя и глагол – две первые части речи, осваиваемые ребенком. Имя, называющее предмет мысли, предмет сообщения, и глагол как слово, называющее само действие, производимое с данным предметом, является во всех языках центром системы частей речи.

Находящаяся со времен Платона в центре теории частей речи оппозиция «имя/ глагол» нередко трактуется, прежде всего, с семантико-онтологической точки зрения, что всегда приводило к известным недостаткам самой теории частей речи. Самое большое из них состоит в том, что формальное (чаще всего, или прежде всего) морфологическое едва ли отделяется от содержательного (семантического или онтологического). Подход лингвистов к этой проблематике обязательно должен отличаться от подхода носителей языка: первые должны исходить из беспристрастного анализа формы, двигаясь в направлении выраженных этой формой содержаний, вторые естественным образом отождествляют обе эти стороны, но в их попытках материализовать определенное содержание они обращаются к тем прочно «сидящим» в их языковом сознании формам, которые ассоциативно связаны друг с другом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аристотель Об истолковании// Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль (АН СССР. Институт философии. Философское наследие), 1978. – С. 91–116.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс,

1978. – 544 с.

Лосев А. Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 280–407.

Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5-16.

Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981. – 362 с.

Arens H. Sprachwissenschaft: der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. – Freiburg in Breisgau: Alber (Orbis academicus), 1969. – 816 S.

Dressler W. U. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intension in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Österrreichische Akademie der Wissenschaften, Philologisch-Historische Klasse, Sitzungsberichte, 259. Band, 1. Abhandlung. – Wien: Böhlau, 1968. – 253 S.

Kissling H. J. Osmanisch-Türkische Grammatik. – Wiesbaden: Harassowitz, 1960. – 388 S.

Vogel P. M. Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und in anderen Sprachen. (Studia Linguistica Germanika, Bd. 39. Hrsg. v. S. Sonderegger/O. Reichmann). – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. – 311 S.

Paul L. Geschichte der Grammatik im Grundriß: Sprachdidaktik als angewandte Erkenntnistheorie und Wissenschaftskritik. – Weinheim, Basel: Beltz Verlag (Pragmalinguistik; Bd 14), 1978. – 591 S.

Peng W. Onoma und Logos. Interpretation des platonischen Dialogs 'Kratylos' mit einem Exkurs ins 'Organon' des Aristoteles und einem Anhang über die chinesische Philosophie. – Tübingen, Diss., 1993. – 168 S.

Rijlaarsdam J. C. Platon über die Sprache. Mit einem Kommentar zum Kratylos. Mit einem Anhang über die Quelle der Zeichentheorie Ferdinand de Saussures. – Utrecht: Bohn, Scheltema & Holkema wetenschappelijke uitgeverij, 1978. – 350 S.

Steinthal H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern (mit besonderer Rücksicht auf die Logik). 2. Bde. – Berlin, 1890 (Hildesheim: Olms, 1971).

Trendelenburg A. Geschichte der Kategorienlehre: zwei Abhandlungen. – Berlin: Bethge, 1846. – XVI, 384 S.

Vogel P. M. Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und in anderen Sprachen. (Studia Linguistica Germanika, Bd. 39. Hrsg. v. S. Sonderegger/O. Reichmann). – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. – 311 S.

Walter H. Studien zur Nomen-Verb-Distinktion aus typologischer Sicht. – München: Wilhelm Fink Verlag (STRUKTURA. Schriftenreihe zur Linguistik, hrsg. von H. Seiler, Bd. 13), 1981. – 168 S.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.

Пермь, Россия

**К ИСТОКАМ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ**

Alekseeva L.M., Mishlanova S.L.

Perm, Russia

**TO THE ORIGIN OF RUSSIAN
TERMINOLOGY SCIENCE**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о зарождения науки о термине в России в начале XX в. Отмечается философский характер терминоведческих исследований. Анализируются взгляды на термин в трудах Г.Г.Шпета, П.А.Флоренского, С.В.Булгакова.

Ключевые слова: терминоведение, термин, философия термина, природа термина, метод.

Сведения об авторах: Алексеева Л.М., доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой английской филологии.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Мишланова С.Л., доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой лингводидактики.

Контактная информация: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

e-mail: alm@psu.ru; mishlanovas@mail.ru

Abstract. The article deals with the question of the formation of terminology science in Russia. The philosophical character of terminological researches is under consideration. The authors regard the works of G.G.Shpet, P.A.Florensky and S.V.Bulgakov.

Keywords: terminology science, term, philosophy of term, term's essence, method.

About the Authors: Alekseeva L.M., Doctor of Philology, Head of the Chair of English Philology.

Place of employment: Perm State National Research University.

Mishlanova S.L., Doctor of Philology, Head of the Chair of Didactics.

Теория термина в России начала складываться вначале XX века. В лингвистических исследованиях того времени доминировал метод логического анализа, развиваемый представителями Венского кружка [Дж.Мур, Г.Фреге, Л.Витгенштейн, Б.Рассел и др.]. Ими предполагалось, что язык обладает совершенной структурой, которая позволяет обнаружить структуру реальной действительности. Подобные логические инновации привели к идее о том, что можно действительно сконструировать логически безупречный язык, который был бы лишен двусмысленностей естественного языка и способен выражать научную истину. Эти идеи во многом обосновали попытки создания идеального термина [Алексеева, Мишланова, Микинг 2012].

В отечественном терминоведении принципы логического анализа легли в основу описания многих терминологических систем. Первые исследования в области терминоведения ставили целью навести порядок и подвести под термин законы [Лотте 1931: 54]. Известный историк и теоретик терминоведения В.А.Татаринов писал: «Изучение термина изначально пошло по пути формального исследования и, более того, ... оказалось без философской базы, без четких методологических основ, оно было ограничено частными вопросами терминостроительства» [Татаринов 1996: 51]. Это определило характер терминоведения и во многом его методологию.

Отметим основные труды, которые легли в основу отечественного терминоведения: А.А.Потебня *Мысль и язык*; Н.В.Бердяев *Философия свободы*; П.А.Флоренский *Мысль и язык*, Г.Г.Шпет *Явление и смысл: Феноменология как основная наука и ее проблемы*; П.А.Флоренский *Диалектика*; П.А.Флоренский *Наука как символическое описание*; П.А.Флоренский *Термин*; Г.Г.Шпет *Эстетические фрагменты*; А.Ф.Лосев *Философия имени*; Э.К.Дрезен *За всеобщим языком: (Три века исканий)*.

Развитие отечественного терминоведения не было однозначным и прямолинейным [Татаринов 1996: 14]. В связи с этим описание истории его развития чрезвычайно сложно. Тем не менее, мы попытались рассмотреть наиболее важные идеи о термине в исследованиях начала XX в.. Предпосылками формирования терминоведения XX в. послужили достижения научной мысли в целом. Научная атмосфера в начале века формировалась под влиянием работ в области естественных наук. В 30-е гг. XX в. началось крушение иллюзий во многих точных науках. Этому способствовали теорема К.Геделя о неполноте, открытие римановых (нелинейных) пространств, проблема континуума, сформулированная П.Козном и др. Допущение неопределенности (Н.Бор) произошло первоначально в физике, а впоследствии было распространено на другие науки в виде принципа дополнительности.

Начало XX в. ознаменовалось важными открытиями в области квантовой механики. Открытие Полем Адриеном Дираком релятивного движения атома, вторичного квантования (1928 г.), предвосхитило открытие позитрона. Исследование дальнейшей разложимости атома способствовало расшатыванию в методологическом и философском смыслах устойчивых и аксиоматических по природе понятий.

Значение достижений в области естественных наук и психологии начала XX в. вряд ли можно переоценить, поскольку они показали, что прежние системы понятий в отношении многих научных объектов уже не годятся для описания сложных процессов, требующих философского осмысления. Все это привело к необходимости изучения термина в качестве специального слова, фиксирующего новое знание.

Результаты развития естественных наук в области изучения материи позволили философии сделать обобщения во многих науках в сфере переосмысления объекта и предмета. С позиции философии начала XX в., моделью объекта терминоведения полагается **новая** материальная форма – синэргия деятельности субъекта и объекта исследования. По аналогии со смыслом великих открытий в физике полагалось, что энергия человеческого мышления становится материей, принимающей форму элементарной частицы, которая и является термином. Этот исторический отрезок времени был очень сложным периодом в развитии науки. По оценке В.Гейзенберга, это был период неясности и растерянности, связанный с невозможностью старого представления атома в качестве неделимой частицы. «Перед физиками стояла задача, неумолимо требующая решения: в конце концов, должен же существовать точный и рациональный язык, на котором можно было бы сказать, что происходит внутри атома. Но было очевидным также, что говорить об этом в понятиях старой физики уже нельзя» [Гейзенберг 2006: 195].

Очевидно, что сложившаяся эпистемическая ситуация в физике оказалась напрямую соотнесенной с терминологической проблемой и предопределила начало формирования науки о термине в России. Значение великих открытий в естествознании для новой научной картины мира во многих науках заключалась в том, что исследователи получили возможность отойти от атомистической философии, объясняющей мир с помощью элементарных частиц. Прежняя картина мира стала пониматься ими как упрощение реальности, заслуживающей иной более абстрактной трактовки.

Всемирные научные открытия получили особое признание и дальнейшее развитие в отечественной философии языка. Как отмечает С.Н. Булгаков, западные философы, Кант, Фихте, Гегель, «не заметили язык» [Булгаков 2008: 11]. Три крупнейших русских философа-лингвиста начала XX в. сделали наиболее значительные открытия именно в области термина. Этими исследователями были С.Н. Булга-

ков, П.А. Флоренский и Г.Г. Шпет. Круг философских проблем, которые данные исследователи очертили в своих работах, позволяет вписать туда следующие терминологические проблемы:

- термин и знание;
- термин и мысль;
- антропоморфизм термина.

С этих позиций отечественные философы начала XX в. пришли к выводу о том, что характерной особенностью формируемого в тот период терминоведения было то, что терминологи искали и изучали **материальную основу** термина. Это было вполне естественно, поскольку парадигма того времени предписывала науке в целом объяснение материального мира. Подобная установка нацеливала исследователей термина на поиск его первосубстанций. Так появились работы, в которых в качестве такой первоосновы рассматривалось слово естественного языка.

Взгляды исследователей термина критиковались философами за то, что в них термин изучался в качестве изолированной языковой единицы. Основатели материальной теории термина допускали, что термин, будучи предельной (подобно атому) единицей специального языка, стабилен и поэтому представляет собой подлинно сущее. Принцип материальности в данном случае соотносился с принципом включенности: термины образуют терминологии, а также формируют терминосистемы, носящие объективный характер.

Большим вкладом в теорию термина, сделанным философами, оказалось выявление противоречий термина, выразившихся в том, что термин как компонент терминосистемы обладает совсем иными качествами, чем ему приписывалось, а именно, динамичностью, подвижностью, вариативностью и т.п. В этой ситуации для терминоведов оставался неясным вопрос о том, почему все же свойства термина не заданы свойствами системы? Создаваемая ими материальная теория термина имела целью установить связь между единичным и целым, на основе которой можно был бы изучить природу термина. Эти теории выявляли «простоту» и «элементарность» термина. Значение же философии термина начала XX в. мы видим в том, что она в самом начале формирования терминоведения как науки обратила внимание терминоведов на сложную и комплексную природу термина. И в последующем основной задачей терминоведения стал поиск связи между достаточно разными феноменами: стабильностью и однозначностью терми-

на, с одной стороны, и индивидуальным и метафорическим характером терминотворчества, с другой. Понятие термина стало определяться с помощью двух крайностей: термин соотносили с объектом, термин определяли как понятие.

В работах великого русского мыслителя П.А. Флоренского была впервые сформулирована и обоснована чрезвычайно важная для теории термина проблема противоречия термина, находящаяся за пределами языка и языкового выражения [Алексеева 2007]. Он показал, что именно в этой сфере лежат познавательные истоки термина.

Вклад П.А. Флоренского в теорию термина заключается в том, что он вывел аналогию между смыслом естественнонаучных открытий и термином. Он ближе всех остальных философов приблизился к изучению предмета и пространства предмета в терминоведении. Пространству термина он приписывал идеальный характер. Он видел большую методологическую разницу в изучении термина, заключающуюся, с одной стороны, в разложении предмета, а с другой стороны, в выявлении его движения в пространстве мысли. В статье «Наука как символическое описание», вслед за Г.Герцем, П.А. Флоренский высказывает идею о том, что образы в науке суть наши **представления** о вещах [Флоренский 1998: 104].

Смысл термина П.А. Флоренский видел в его мыслительной, мыслимой природе. Термином он называл «живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности». Термину приписывалась динамика, постоянное развитие, «чем подвижнее термин, тем отчетливее и тверже стоит он пред сознанием, тем большая требуется жизнь мысли» [Цит.изд.: 219]. Флоренский определяет термин как мыслительную единицу на основе следующих положений:

- термин является «стоянкой мысли» [Цит.изд.: 199]
- термин наводит ищущего на гипотезу [Цит.изд.: 210]
- термин есть «живое усилие мысли» [Цит.изд.: 218]
- термин экономизирует мысль [Цит.изд.: 21])
- термин является концептом, культурным наслоением [Цит.изд.: 22])

П.А. Флоренский приписывал данную единицу языка сфере науки. Суть науки он видел в построении или, по его словам, в «устройении терминологии». Научная речь формируется, «выковывается», из повседневного языка. Как он полагал, любое слово, ходячее и неопределенное, можно выковать в удачный термин. В этом смысле поиск

удачного термина – это и есть решение научной задачи. «Всякая наука – система терминов. Поэтому жизнь терминов – и есть история науки, все равно какой» [Цит.изд.: 221].

Большое значение для философии термина имеет работа П.А. Флоренского «Имеславие как философская предпосылка» [Цит.изд.: 273-313], в которой он рассматривает проблему взаимообусловленности сущности и энергии, соотнося ее с двумя сторонами бытия: сущностью и деятельностью. Это соотношение лежит в основе представления процесса познания. В ходе познания «не внешнее мне бытие соотносится с другим бытием, но **я сам** своей энергией воспринимаю, непосредственно от познаваемого бытия, его откровение мне и во мне» [Цит.изд.: 280]. Частицами этой энергии являются термины, спрессованные слова, конденсаторы душевной жизни. В понимании П.А. Флоренского, только с помощью концентрированного слова, более высокого порядка синтетичности, можно легко получить требуемую степень сосредоточенности в науке. Очевидно, что в этом П.А. Флоренский видит суть двух понятий: активности процесса познания и термина как включенного смысла. Активность проявляется в том, что разумный организм откликается на энергию объекта весь целиком, т.е. входит с ним в состояние резонанса. Порождение термина – это своеобразный итог внутреннему томлению мысли по реальности [Цит.изд.: 283]. Такая модель процесса познания позволяет представить термин в виде противоречивой единицы, относящейся как к познающему субъекту, так и к познаваемому объекту. Это, по П.А. Флоренскому, эффект синергии, сплетающимися энергиями которой образуется термин [Цит.изд.: 284].

П.А. Флоренский рассматривает термины в качестве мыслительных единиц, которые носят характер «свернутых текстов» отдельной науки или культуры. П.А. Флоренский поясняет свою идею о природе термина как единицы, обозначающей свернутый опыт, на примере самого понятия *термин*. Термин, по П.А. Флоренскому, принадлежит научной речи, которая является орудием, выкованным из повседневного языка, при помощи которого человек овладевает предметом познания [Цит.изд.: 221].

Роль идей П.А. Флоренского в отношении термина велика. То, что сейчас в лингвистике называется языком для специальных целей (ЯСЦ), он называл техническими выражениями, которые для него обладали разными свойствами, в зависимости от которых различались

низшая область выражений (номенклатура) и высшая область выражений (собственно термины). Номенклатурой, вслед за В.Уэвеллем, П.А. Флоренский называл совокупность названий видов, которая «опирается на годы внимательного взглядывания, на познание тесно-сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка» [Цит.изд.: 203]. Номенклатура, по П.А. Флоренскому, «формула изучаемой вещи» [Цит.изд.: 20]). Номенклатура химии, минералогии, ботаники, зоологии и др. есть сгущенный опыт много-сот-летней истории человеческой мысли, уплотненное созерцание природы. К высшей области технических названий П.А. Флоренский причислял термины, являющиеся развернутыми синтетическими словами. Термин, по мысли П.А. Флоренского, «должен быть соотнесенным с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в него свитым» [Цит.изд.: 208].

Другое научное событие, связанное с формированием терминоведения, – публикация работы С.Н. Булгакова «Философия имени». Главная идея теории термина С.Н. Булгакова соотносима с мыслью П.А. Флоренского о том, что познание совершается в речи и сводится к термину. Представление С.Н. Булгакова о термине также идеалистично. Он видит его в комплексе слова и мысли. Разделяя идею о том, что человеческое познание совершается в слове, С.Н. Булгаков решает проблему слова-мысли, или мысли-слова, с помощью представления о первообразах, «которые находятся в сознании человека *ранее* всякого конкретного высказывания» [Булгаков 2008: 12]. По С.Н. Булгакову, «слова-идеи суть голоса мира, звучание вселенной, ее идеализация», «слова суть действия в нас мира», поскольку слово антропологично [Цит.изд.: 36-37]. В термине он видит **новое** словесное рождение. По его мнению, «термин есть всегда сокращенное словесное описание, которое потом в употреблении получает вид словесного монолита» [Цит.изд.: 48].

В рассматриваемой работе С.Н. Булгаков критикует бездумное терминотворчество (его примеры: *совдеп*, *викжсел*, *земгор* и др.), называя их богомерзкими. Он считает подобные явления наиболее механизированными и упрощенными терминологическими процессами. По его мнению, это процессы образования «манекенов слов», ведущие к образованию терминов путем алгебраического

сложения. Такие слова манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие и силу. «Образуются целое облако таких мертвых слов-ларв, вампиров, которые сосут кровь языка и служат черной их магии. Таков оккультный смысл этого сквернословия» [Там же].

По Г.Г. Шпету, «собственно терминоведение есть включение его в систему понятий, составляющих контекст своими особыми законами, идеальными отношениями понятий» [Шпет 2007: 263]. «Когда выдумывают термин, стараются припечатать его существенным признаком. Это – слово запечатанное; главным образом, орудие сообщения» [Там же].

Идеи о термине, выдвинутые великими отечественными мыслителями начала XX в., внесли большой вклад в понимание природы термина:

- термин является комплексной мыслимой единицей;
- термин является средством постижения человеком мира;
- термину не приписывается **единственного** значения, оно **выражается интерпретаторами** специального текста;
- термин доносит до человечества новый смысл.

Эти суждения обогатили предмет терминоведения за счет усложненной модели термина, предполагающей выход в сферу мыслимого. Они во многом определили современное когнитивное исследование термина [Мишланова 2002]. В термине стали видеть один из способов моделирования фрагментов мира, способ помыслить то, что выходит за рамки привычного знания. Термин стал исследоваться как компрессированный (оптимальный) знак, наделенный большим когнитивным смыслом. Идеи терминоведения начала XX в. дают возможность современным исследователям изучать целостность термина за счет результатов полипарадигмального анализа данной единицы [Мишланова 2001].

Наконец, главное значение изучения термина философами заключается в следующем. Они показали, что термин одновременно принадлежит как **знанию**, так и **познанию**. Будучи именем понятий, термины формируют терминосистему. Терминосистемы фиксируют знание и тем самым стремятся к устойчивости. В них понятия, выражаемые с помощью терминов, становятся своего рода конструктами, стабилизирующими систему знания. Термины, формируя знание, осуществляют взаимодействие терминосистем с познаваемой реально-

стью. Отсюда понятно стремление исследователей конкретных терминосистем изучать его именно в данном аспекте.

Философы указали на то, что существует два различных способа описания терминов в качестве объектов изучения: 1) с учетом их внешней структурированности (построение терминосистем), 2) с учетом внутренней структурированности (терминологизация, категоризация). Понятие термина как категории имеет большое философское значение. Философия показала, что объекты научного исследования не существуют в реальном мире, а **конструируются** специально для изучения. Отсюда и термин можно исследовать не только при помощи описания, но и как специально сконструированную в виде объекта языковую единицу. В первом случае терминология описывается в системе логических построений, во втором – как открытая область. На фоне различных концепций терминоведение предстает в виде различных теорий.

В начале XX в. отечественные философы определили методологию терминологических исследований. Они помогли терминологам осознать идею о том, что объекты научного исследования не существуют в реальном мире, а конструируются специально для целей исследования. В этом смысле становится ясным, что термины – это не столько объекты описания, сколько модели действительности, созданные специально для изучения.

В отличие от западной терминологической школы, пользующейся идеями универсальной логики, отечественные исследователи термина гораздо раньше вели изучение термина в соотношении с мышлением. В мировой теории термина последствия влияния логики выразились в том, что термин долгое время отделялся от мыслительной деятельности. Логика не решала проблем, связанных с вопросом, как образуются термины, поскольку занималась в основном процессами систематизации и изложения уже готового знания.

Философский аспект изучения термина начала XX в. позволил выявить неоднозначный характер соотношения знака и мысли. С одной стороны, мысль воплощается в терминах, с другой – мысли никогда не удавалось фиксировать значение знака или приписывать ему заданное значение, поскольку знак благодаря своей «естественности» освобождается от «произвола» сознания. Как отмечает В.В.Бибихин, «в знаках терминосистемы происходит то же вывертывание, требующее неперестанного фиксирующего усилия для пресечения семантиче-

ского развития в неожиданные стороны», поэтому даже самым строгим терминосистемам не удается зафиксировать значение знака раз и навсегда в желаемом значении [Бибихин 2002: 77].

Подводя итог описанию зарождения терминоведения как науки в отечественной науке начала XX в., подчеркнем, что зарождающаяся наука имела на себе отпечаток философской диалектики. С одной стороны, философия воспитывала в исследователях термина преданность предшествующим научным идеям, школам, направлениям, теоретически упорядочивала терминоведение, следила за эффективностью методов исследования, оценивала достоинства и недостатки новых теорий, «выбраковывала» тупиковые идеи, с другой – она мобилизовала терминологов на создание принципиально новых, нестандартных концепций термина, т.е. на нарушение привычных логических связей и традиционности методологии исследования природы термина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Л.М. Терминоведение и философия // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм.ун-т, 2003. – С. 16-31.

Алексеева Л.М. Языковое провидение П.А. Флоренского // Филолошки студии. – Скопје: Институт за македонска литература: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2007. – С. 82-90.

Алексеева Л.М. Микинг Й., Мишланова С.Л. Актуальные проблемы социолингвистики: терминологическое планирование, терминологическая норма, идеальный термин // Человек и язык: к юбилею Тамары Ивановны Ерофеевой. – Пермь: Прикамский социальный институт, 2012. – С. 15-27.

Бибихин В.В. Язык философии. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.

Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. – 447 с.

Гейзенберг В. Избранные философские работы. – СПб.: Наука, 2006. – 572 с.

Лотте Д.С. Очередные задачи технической терминологии. – М.: Известия АН СССР, 1931. – С. 49-57.

Мишланова С.Л. Методологические возможности когнитивного терминоведения (полипарадигмальный анализ дискурса термина) // Сте-

- реотипность и творчество в тексте: межвуз сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. – С. 36-62.
- Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 160 с.
- Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
- Татаринов В.А. Теория терминоведения: в 3 т. Т.1. Теория термина: История и современное состояние. – М.: Московский лицей, 1996. – 311 с.
- Флоренский П.А. Имена: сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 912 с.
- Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – М.: РОССПЭН, 2007. – 712 с.

Мякишева И.А.

Тюмень, Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
КАТЕГОРИИ В УЧЕБНОМ
ДИСКУРСЕ**

Аннотация. В статье представлен процесс выделения базовых лингвистических категорий. Данные категории помогают систематизировать лингвистическую терминологию.

Ключевые слова: категория, базовая лингвистическая категория, учебный дискурс.

Myakisheva I.A.

Tyumen, Russia

**LINGUISTIC CATEGORIES IN
THE EDUCATIONAL DISCOURSE**

Abstract. The article presents the process of pointing out basic linguistic categories. These categories help to systematize linguistic terminology.

Keywords: category, basic linguistic category, educational discourse.

Сведения об авторе: Мякишева Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625000, г. Тюмень, ул. Н. Чаплина, 132, к. 80.
e-mail: Irina_m1983@inbox..

About the Author: Myakisheva Irina Alexandrovna, Chair of Translation.

Place of employment: Tyumen State University.

В настоящей статье описывается процесс выделения базовых лингвистических категорий. Данные категории позволяют не только систематизировать, упорядочить лингвистическую терминологию, но и даже определить лингвистический термин.

Выделение базовых лингвистических категорий проходило в несколько этапов.

На первом этапе мы выявляли родовое понятие из словарных дефиниций лингвистических терминов. Материалом исследования послужили термины из 2 лингвистических словарей: 1) словаря лингвистических терминов О.С. Ахмановой; 2) лингвистического энциклопедического словаря под редакцией В.Н. Ярцевой.

Вычленение родового понятия проводилось из родового фрагмента, границы которого были установлены С.Д. Шеловым в книге «Определение терминов и понятийная структура терминологии» (1998). Процедуру установления границ родового фрагмента автор сводит к анализу соответствующего субстантивного словосочетания, которое чтобы удовлетворять критериям родового фрагмента, должно

отвечать следующим требованиям: быть синтаксически независимым и семантически законченным; включать в себя «ближайший» для данного определяющего выражения терминируемый сегмент данной или смежной области и быть минимальным с точки зрения словесной длины соответствующего словосочетания при выполнении первых двух требований [Шелов 1998:114-115]. Мы выделяем родовые понятия с целью подведения их под более общие категории, поэтому для нас интерес представляет не родовой фрагмент в целом, с присущими родовому понятию признаками, а само родовое понятие, функцию которого выполняет синтаксически главное существительное соответствующего определяющего выражения.

Проиллюстрируем анализ родового фрагмента из текстов определений.

- *Абруптив* – **смычный согласный**, при произнесении которого одновременно со смычкой во рту образуется вторая смычка в гортани между связками. **Смычный согласный** – это родовой фрагмент. *Согласный* – это родовое понятие, смычный – признак.
- *Пролепсис* – **синтаксическая антиципация**, создаваемая использованием в предложении предвосхищающих элементов. **Синтаксическая антиципация** – родовой фрагмент. *Антиципация* – родовое понятие. Синтаксическая – признак.
- *Изоглосса* – **линия**, нанесенная на лингвистическую карту и показывающая территориальное распространение того или другого языкового явления. *Линия* – родовое понятие.
- *Аббревиатура* – **слово**, составленное из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания. *Слово* – это родовое понятие.

Мы проанализировали родовые фрагменты более 10000 дефиниций в выбранных нами словарях О.С. Ахмановой и В.Н. Ярцевой и, опуская повторы, выделили 181 родовое понятие (среди которых *абстрагирование, абстракция, актуализация, анализ, ареал, аспект, база, вариант, вероятность, взаимозависимость, взаимообмен, вид, видоизменение, воздействие, возникновение, вопрос, восприятие, воспроизведение, восстановление, выражение, группа, движение, действие, деятельность* и другие).

На втором этапе мы классифицировали родовые понятия на лингвистические и нелингвистические. Под лингвистическими поня-

тиями мы понимаем понятия, относящиеся к лингвистике. Формальным критерием отнесенности понятия к лингвистическим является его наличие в словаре лингвистических терминов.

К нелингвистическим понятиям соответственно относятся все остальные понятия, которые отсутствуют в словаре лингвистических терминов.

К лингвистическим родовым понятиям (94) мы отнесли такие как, *актуализация, анализ, ареал, аспект, залог, замена, звуко сочетание, знак, значение, категория, комплекс, коннотация, конструкция, контекст, корпус, модель, морфема, морфологизация и другие.*

К нелингвистическим родовым понятиям (87) мы отнесли *взаимозависимость, взаимобмен, видоизменение, воздействие, возникновение, восприятие, достижение, закреплённость, изображение, использование и другие.*

На третьем этапе нам необходимо было подвести выделенные лингвистические родовые понятия под лингвистические категории. За основу нами были взяты категории, выделенные В.Д. Табанаковой в статье «С чего начинается лингвистика», такие как: **единица, форма, категория, значение, структура, функция, система, метод** [Табанак ова 2008: 155]. Но в ходе анализа выявилась еще одна категория – «**процесс**», куда войдут такие лингвистические понятия, как изменение, морфологизация, продление, чередование, присоединение и др., так как данные лингвистические понятия могут определяться именно через процесс.

Для того чтобы отнести родовые понятия к категориям, мы обратились к их дефинициям в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой. Из данных дефиниций мы выделили ключевые слова, которые позволили нам отнести лингвистические понятия к определенной лингвистической категории (ниже данные ключевые слова представлены в скобках к каждому лингвистическому понятию). Слева представлена категория, к которой мы относим лингвистическое понятие, а справа само лингвистическое понятие.

ЕДИНИЦА - *единство (отрезок речи), звуко сочетание (сочетание звуков), морфема (единица), объект (член предложения), согласный (звук), термин (слово);*

ФОРМА - *вариант (форма), троп (форма), форма;*

КАТЕГОРИЯ - *залог (категория глагола), категория;*

ЗНАЧЕНИЕ - значение, коннотация (содержание слова), наименование (номинативное значение), название (номинативное значение);

СТРУКТУРА - иерархия (совокупность уровней языка), модель (схема элементов структуры);

ФУНКЦИЯ - зависимость (функциональная зависимость), призыв (функция), функция;

СИСТЕМА - подсистема, стиль (языковая подсистема), язык (система);

МЕТОД - замена (метод), описание (применение лингвистической методики), анализ (способ исследования);

ПРОЦЕСС - изменение (процесс), морфологизация (процесс), перенос (процесс), присоединение (процесс).

Таким образом, выделенные 94 лингвистических родовых понятия мы распределили на 9 лингвистических категорий. В результате получили 45 понятий, подводимых под категорию «единица», 6 понятий – под категорию «форма», 9 – под категорию «категория», 6 – под категорию «значение», 2 понятия – под категорию «структура», 4 – под категорию «функция», 3 – под категорию «система», 4 – под категорию «метод» и 6 – под категорию «процесс». Мы систематизировали 94 лингвистических термина и представили их через 9 категориальных групп.

Полученные базовые лингвистические категории (**единица, форма, категория, значение, структура, функция, система, метод, процесс**), помогают не только упорядочить и систематизировать лингвистическую терминологию, но и определить сам термин через категориальное понятие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. - 4-е изд., стер. - М.: КомКнига, 2007. - 571 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 685 с.

Табанаква В.Д. С чего начинается специальность «Лингвистика» //Язык. Коммуникация. Культура: сборник научных трудов факультета германской филологии. №1. - Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008. - с.150-155.

Шелов С. Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. - СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. - 236 с.

Постникова Е.А.

Северодвинск, Россия

**КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ
ИДЕНТИФИКАТОРЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
ЖЕНЩИНЫ-КИТАЯНКИ В
РОМАНЕ Э. ТЭН «THE JOY
LUCK CLUB»**

Аннотация. В статье рассматривается один из этапов отбора материала для исследования художественного образа женщины – китаянки в романе Э. Тэн. Проводится анализ языковых единиц, которые именуют героинь-китаянок.

Ключевые слова: контекстуальный идентификатор, художественный образ, женщина, китаянка, Китай.

Сведения об авторе: Постникова Екатерина Анатольевна, аспирант кафедры германской филологии».

Место работы: Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (филиал в г. Северодвинске).

Контактная информация: 164515, г. Северодвинск, пр. Морской, 38, к. 6.
e-mail: ekaterinanatolievna@gmail.com.

Postnikova E.A.

Severodvinsk, Russia

**CONTEXTUAL IDENTIFIERS OF
A LITERARY IMAGE OF A
CHINESE WOMAN IN NOVEL
«THE JOY LUCK CLUB»
BY A. TAN**

Abstract. One of the stages of selecting material for linguistic study of a literary image of a Chinese woman in the novel by A. Tan is considered in this article. Linguistic units denoting Chinese women are analysed.

Keywords: contextual identifier, literary image, Chinese woman, China.

About the Author: Postnikova Ekaterina Anatolievna, postgraduate at the Germanic Philology Department.

Place of employment: Institute for Humanities in Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Severodvinsk branch).

Образ женщины-китаянки воссоздан в одном из наиболее ярких произведений азиато-американской литературы – романе «The Joy Luck Club» американской писательницы китайского происхождения Эми Тэн [Tan 2003]. В данной статье под художественным образом понимается «...результат отражения реалии в языке и сознании и как единица лексико-семантической системы», аккумулирующая различные признаки реалии и выражающаяся «соответствующими лексическими средствами» [Илюхина 1999: 372].

В любой лингвистической работе важным является отбор исследовательского материала, поскольку «степень достоверности исследования во многом определяется не только выбором научной стратегии, но и самим материалом» [Вендина 2002: 45].

При исследовании художественного образа женщины-китайки в романе Эми Тэн «The Joy Luck Club» мы опираемся на систему критериев отбора контекстов. Контекст – это фрагмент художественного произведения (1 – 2 предложения), содержащий лексические единицы, которые указывают на избранный для анализа художественный образ. Такие лексические единицы называются идентификаторами. Их наличие в контексте и служит основанием для включения контекста в исследовательский корпус.

Выделяются четыре следующих типа идентификаторов: 1) прямые, 2) контекстуальные, 3) косвенные, 4) комбинированные.

В настоящей статье рассматриваются контекстуальные идентификаторы, которые представляют собой единицы, именующие лицо женского пола только в данном лексическом окружении, то есть в приведенном контексте. Контекстуальные идентификаторы послужили основой для отбора 496 контекстов.

В романе Э. Тэн контекстуальные идентификаторы представлены семью группами.

Наиболее многочисленны контекстуальные идентификаторы, представляющие собой наименования женщины-китайки в зависимости от рода деятельности, профессии (15 ед., 33 %): *copywriter* (3), *opera singer* (2), *cook* (1) и др. Например: *So **the cook and her helpers prepared hundreds of dishes.*** (Feathers from a Thousand LI Away. Lindo Jong. The Red Candle).

Все идентификаторы данной группы разделяются на две подгруппы:

а) идентификаторы, называющие персонажей старшего поколения, то есть матерей (8 ед., 53 %): *matchmaker* (19), *servant* (12), *opera singer* (2), *cook* (1), *cook's helper* (1), *dancer* (1), *scholar* (1), *telephone operator* (1). Например: *I found out from my youngest aunt that he had left **me** to live with **an opera singer.*** (Queen Mother of the Western Skies. Ying-Ying St. Clair. Waiting Between the Trees);

б) идентификаторы, характеризующие представительниц младшего поколения, то есть дочерей (7 ед., 47 %): *copywriter* (3), *associate* (1), *project assistant* (1), *project coordinator* (1), *secretary* (1), *tax attorney* (1), *teacher* (1). Например: *I was twenty-eight, **a project assistant,** and he was thirty-four.* (American Translation. Lena St. Clair. Rice Husband).

Женщины старшего поколения, чья молодость пришлась на середину XX века, описывают свою жизнь и в Китае, и в США. Китай-

ки младшего поколения повествуют о своей жизни в ставшей для них родиной Америке конца XX века.

Контекстуальные идентификаторы первой группы отображают профессиональное различие поколений. Для женщин-китайнок старшего поколения характерна деятельность в сфере услуг (*servant, cook, telephone operator*), развлечений (*dancer, opera singer*), псевдонаучная деятельность, связанная с приметами, поверьями и другими проявлениями народной культуры (*matchmaker*), то есть деятельность социально низкая, не требующая высшего или специального образования.

В этой группе выделяется лишь единица *scholar*, которая указывает на лицо женского пола, но не имеет под собой реальную героиню, занимающуюся наукой: *You must say you want to be a scholar and come back to teach Chinese people what you have learned.* (Queen Mother of the Western Skies. Lindo Jong. Double face). Научная деятельность женщины-китайки позволяла ей пересечь границу и въехать на постоянное жительство в США, поэтому иммигранткам зачастую приходилось идти на обман, присваивая не соответствующие действительности социальные роли, чтобы навсегда остаться в принимающей стране.

В отличие от старшего поколения, дочери-китайки, воспитанные в США, ориентированы на образование и карьерный рост [Souris 2000: 78], что подтверждается и семантикой контекстуальных идентификаторов рассматриваемой группы. Большинство контекстуальных идентификаторов предполагают узкоспециальную профессиональную деятельность героинь-китайнок, для которой необходимо серьезное образование (*copywriter, project coordinator, tax attorney*).

Вторая по численности группа контекстуальных идентификаторов представляет собой общие наименования женщин-китайнок (9 ед., 20 %): *baby* (27), *friend* (19), *schoolmate* (5) и др. Например: *No, it's not true what some Chinese say about girl babies being worthless.* (Feathers from a Thousand LI Away. Lindo Jong. The Red Candle).

В основном все контекстуальные идентификаторы данной группы имеют нейтральную коннотацию и характеризуют женские персонажи с точки зрения возраста (*baby*), родственных (*twins*) или межличностных отношений (*friend, schoolmate, person*).

Два идентификатора данной группы имеют негативную коннотацию: *a bit of decoration, an afterthought*. Они характеризуют циничное отношение мужа к пятой жене в богатой китайской полигамной семье: *So in this clumsy way, my mother found out that Wu Tsing had taken*

his fourth concubine, who was actually just an afterthought, a foolish bit of decoration for his new motorcar. (Queen Mother of the Western Skies. An-Mei Hsu. Magpies).

В третью группу контекстуальных идентификаторов вошли личные местоимения в общем и объектном падежах, указывающие на лицо женского пола в данном контексте (9 ед., 20 %): *I / me* (4124), *you* (239), *they / them* (141), *we / us* (100): *I thought it was a trick question; I was seven according to the American formula and eight by the Chinese calendar.* (The Twenty-Six Malignant Gates. Waverly Jong. Rules of the Game). Повествование в каждом рассказе романа Эми Тэн ведется от первого лица героинь, поэтому многие контекстуальные идентификаторы представляют собой личные местоимения первого и второго лица, а контексты, отобранные на основе таких идентификаторов, дают дополнительные косвенные характеристики женских образов, воссоздаваемых в произведении. Заметим, что местоимения являются наиболее частотными контекстуальными идентификаторами, что объясняется грамматической функцией местоимений в языке – указанием на лицо без прямого его наименования.

Четвертая группа контекстуальных идентификаторов репрезентирована прозвищами героинь романа Э. Тэн (5 ед., 11 %): *Number Two* (4), *Number Three* (4), *Scaredy Eyes* (1), *Ugly Foot* (1), *Whistling Nose* (1): *Janice, my oldest sister, had an allergy that made one nostril sing like a bird at night, so we called her Whistling Nose.* (American Translation. Rose Hsu Jordan. Without Wood). Прозвищами наделяются героини младшего возраста.

Представляется возможным разделить прозвища на две подгруппы по признаку места и времени их бытования. Единицы *Number Two* и *Number Three* характеризуют китайский социум середины XX века и называют дочерей наложниц в китайской полигамной семье: *She said I could sit in the courtyard and eat it with my two little half-sisters, Number Two and Number Three.* (Feathers from a Thousand LI Away. Ying-Ying St. Clair. The Moon Lady). Наблюдается противопоставление между дочерью первой, старшей, жены и дочерьми последующих жен главы семейства: *My half-sisters did not know how to reach very high for a good thing. They were the daughters of my father's concubines. I was the daughter of my father's wife.* (Queen Mother of the Western Skies. Ying-Ying St. Clair. Waiting Between the Trees). Дочь первой жены занимает более высокое положение в полигамной семье, чем дочери остальных жен.

Оставшиеся контекстуальные идентификаторы группы прозвищ, *Scaredy Eyes*, *Ugly Foot* и *Whistling Nose*, отражают непринужденные, веселые, а главное – построенные на принципе равенства, отношения между сестрами в китайской семье, живущей в США.

Таким образом, анализируя прозвища женских персонажей, можно провести четкое различие в сфере межличностных отношений у старшего и младшего поколения женщин в романе. Для старшего поколения китайянок характерны отношения иерархии, в то время как для младшего, уже американского, поколения китайянок – отношения равенства.

К пятой группе контекстуальных идентификаторов относятся единицы, представляющие собой буквальный перевод китайских женских имен собственных на английский язык (4 ед., 9 %): *Long-cherished wish* (1), *Long-Held Grudge* (1), *Spring Flower* (1), *Spring Rain* (1): «*One means 'Spring Rain,' the other 'Spring Flower,'*» he explains in English, «*because they born in the spring, and of course rain come before flower, same order these girls are born.*» (Queen Mother of the Western Skies. Jing-Mei Woo. A Pair of Tickets).

Действительно, в семьях традиционного Китая к выбору имени подходили очень ответственно: в китайской традиции каждое личное имя всегда имеет глубокое, часто необычное, значение. Называя ребенка, родители выбирают именно значение, а не форму имени. Поэтому при анализе обсуждаемой группы контекстуальных идентификаторов целесообразнее, на наш взгляд, выделять не распространенные китайские женские имена, а наиболее популярные значения женских имен в Китае. Как отмечается в романе Э. Тэн, к таким относятся названия цветов: *The way she write it in Chinese, it mean 'Long-Cherished Wish.'* Quite a fancy name, not so ordinary like *flower name*. (Queen Mother of the Western Skies. Jing-Mei Woo. A Pair of Tickets).

В шестую группу контекстуальных идентификаторов входят фамилии женских персонажей романа «The Joy Luck Club» (2 ед., 4 %): *Wang* (1), *Woo* (1): «*Woo,*» it says at the top, and below that, «*June May,*» who was born in «*California, U.S.A.,*» in 1951. (Queen Mother of the Western Skies. Jing-Mei Woo. A Pair of Tickets). Контекстуальные идентификаторы данной группы имеют китайское происхождение и являются однокомпонентными антропонимами. Фамилии как контекстуальные идентификаторы немногочисленны, поскольку в тексте романа они комбинируются с именем собственным, составляя многокомпонентное имя,

которое относится к прямым идентификаторам и здесь не рассматривается.

Седьмая группа контекстуальных идентификаторов включает именованная женщины-китайки в соответствии с китайским лунным календарем (2 ед., 4 %): *Horse* (3), *Rabbit* (1): *The matchmaker bragged about me: «An earth horse for an earth sheep. This is the best marriage combination.»* (Feathers from a Thousand LI Away. Lindo Jong. The Red Candle). Китайский зодиакальный календарный цикл состоит из 12 животных, включая лошадь и кролика [Кобзев]. Наличие контекстуальных идентификаторов, связанных с китайской астрологией, подтверждает связь героинь-китайок с родной культурой. К китайской астрологической культуре обращается не только старшее поколение женщин, что подтверждается приведенным выше примером, но и младшее, родившееся и воспитанное в Америке. Обратимся к рассуждению молодой китайки – американки в первом поколении: *A Horse, born in 1918, destined to be obstinate and frank to the point of tactlessness. She and I make a bad combination, because I'm a Rabbit, born in 1951, supposedly sensitive, with tendencies toward being thin-skinned and skittery at the first sign of criticism.* (American Translation. Waverly Jong. Four Directions). Людям свойственно связывать необъяснимое с внешними обстоятельствами, например, соотносить определенные личностные характеристики с временем рождения человека, ориентируясь на календарные циклы и астрологию. Так и сложности в отношениях с матерью-китайкой дочь пытается объяснить, прибегая к традиционной китайской астрологии.

Итак, 47 контекстуальных идентификаторов художественного образа женщины-китайки в романе Эми Тэн «The Joy Luck Club» показывают, что в романе китайки именуются через род занятий, отношения иерархии / равенства, через имена / фамилии / прозвища, с точки зрения возраста, родства и межличностных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вендина Т.Н. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 42-71.
- Илюхина Н.А. Образ как объект и модель семасиологического анализа: дис. ... д-ра филол. наук. - Уфа, 1999. – 417 с.

Кобзев А.И. Астрология китайская: теоретические основы и историческое развитие [Электронный ресурс]. URL: http://www.synologia.ru/a/Астрология_китайская

Tan A. The Joy Luck Club [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – New York: RosettaBooks LLC, 2003.

Souris S. Only two kinds of daughters: inter-monologue dialogicity in The Joy Luck Club // Amy Tan: Modern critical views / edited with an introduction by Harold Bloom. – Chelsea House Publishers, 2000 – P. 59-81.

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ УрГПУ основан в 1937 году. Является ведущим образовательным учреждением в области преподавания иностранных языков и повышения квалификации преподавателей вузов и учителей в Уральском регионе, а также готовит специалистов в сфере устного и письменного перевода. Лицензирован и аккредитован. Имеет давние и прочные связи с зарубежными образовательными учреждениями и центрами, многолетние традиции научного и культурного обмена с Германией, Австрией, Францией, Великобританией и США; тесно сотрудничает с факультетами иностранных языков и кафедрами С.-Петербурга, Москвы, Н.Новгорода, Н. Тагила и др. городов РФ. Имеет высокий рейтинг в научном мире.

В состав ИИЯ входят **7 специализированных кафедр**:

- английского языка,
- английской филологии и сравнительного языкознания,
- немецкого языка и методики его преподавания,
- немецкой филологии,
- романских языков,
- перевода и переводоведения,
- иностранных языков,

а также

- 4 ресурсных языковых центра (немецкий, французский, испанский, австрийский),
- магистратура,
- аспирантура, докторантура,
- центр дополнительного образования,
- подготовительные курсы (уровень ЕГЭ).

Научные школы

Научные исследования в институте проводятся в рамках комплексных тем: "**Типологические аспекты функционирования и эволюции языков**", "**Лингвопознавательная компетентность в обучении ИЯ: образовательный статус и методика развития**". Исследования проводятся в двух направлениях: 1) сопоставительное языкознание; 2) теория и методика обучения ИЯ.

Оба направления соответствуют профилю подготовки специалистов, бакалавров, магистров. Результаты исследования реализуются в учебном процессе УрГПУ, вузов Свердловской области и Уральского региона.

К настоящему моменту сформировались несколько научных школ института:

профессора И.А.Гиниатуллина - "Методика самостоятельной учебной деятельности"

профессора Н.Д.Маровой - "Интерпретация текста"

профессора Н.В.Пестовой - "Сопоставительная лингвистическая поэтика"

профессора Н.А.Пирогова - "Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание"

профессора Н.Н.Сергеевой - "Методика обучения иностранным языкам в системе профессионального образования"

профессора В.П.Хабирова - "Креолистика и социолингвистика"

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики»
ПРОВОДИТСЯ ЕЖЕГОДНО В ПЕРВЫЕ ПЯТНИЦУ-СУББОТУ ФЕВРАЛЯ
Материалы по итогам конференций размещаются в электронной
библиотеке ИИЯ УрГПУ <http://ifl.uspu.ru/lib>

Мы всегда рады видеть Вас среди участников!

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции
1–2 февраля 2013 года
г. Екатеринбург, Россия

Подписано в печать 25.04.13. Формат 60/84/16.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500 экз.
www.usru.ru

Оригинал-макет О. В. Быкова

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750 г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22. Тел. (34364) 2-25-03
Заказ № 2013 г.